
DUM SPIRO, SPERO

Пока дышу, надеюсь (лат.)

SPERO | № 16/2012

Spring—Summer 2012

S
P
E
R
O
SOCIAL
POLICY:

xpertise

ecommendations

verviews

SPERO | № 16/2012

Весна—Лето 2012

СПЭРО
СОЦИАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА:

экспертиза

рекомендации

обзоры

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Павлова-Сильванская Марина Павловна <i>(председатель)</i>	к. и. н., консультант журнала «Pro et Contra» Московского центра Карнеги
Аузан Александр Александрович	д. э. н., профессор, зав. кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, президент Института наци- онального проекта «Общественный договор», президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
Васильев Сергей Александрович	д. э. н., профессор, член правления государственной корпо- рации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», зам. председателя Внешэкономбанка
Вишневский Анатолий Григорьевич	д. э. н., действительный член РАЕН, директор Института демографии ГУ–ВШЭ, главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
Лукьянов Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
Малева Татьяна Михайловна	к. э. н., ДВА, директор Института гуманитарного развития мегаполиса (ИГРМ), главный редактор журнала
Плискевич Наталья Михайловна	зам. главного редактора журнала «Общественные науки и современность», редактор журнала «Social Science», ст. н. с. Института экономики РАН
Ясина Ирина Евгеньевна	к. э. н., ведущий научный сотрудник Института экономики переходного периода, руководитель Клуба региональной журналистики

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор	Малева Татьяна Михайловна, к. э. н., ДВА, директор ИГРМ
Зам. главного редактора	Синявская Оксана Вячеславовна, к. э. н., зам. директора НИСП
Ответственный редактор	Копейкина Виктория Борисовна
Члены редколлегии	Зубаревич Наталья Васильевна, д. г. н., директор региональной программы НИСП Овчарова Лилия Николаевна, д. э. н., директор НИСП

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ

Интервью главного редактора журнала SPERO Т.М. Малевой с вице-премьером правительства РФ по социальным вопросам О.Ю. Голодец

«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НУЖДАЕТСЯ НЕ В СИЮМИНУТНЫХ РЕШЕНИЯХ, А В СИСТЕМНЫХ ДЕЙСТВИЯХ»

7

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Л. Н. Овчарова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ БЕДНОСТИ

15

О. В. Синявская

ПОЛИТИКА ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

39

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИКЛА

М. Э. Дмитриев, С. Г. Мисихина

ПОТРЕБЛЕНИЕ И СПРОС НА ИНСТИТУТЫ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

59

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С. С. Бирюкова

ВОЗМОЖНОСТИ ОЦЕНКИ ВКЛАДА МИГРАНТОВ В РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ТЕКУЩЕЙ СТАТИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

79

А. О. Тындик

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

95

ЭКОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В. В. Артюхов, С. И. Забелин, А. С. Мартынов

ОБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ. ПРЕДПРИЯТИЯ, РЕГИОНЫ РОССИИ, СТРАНЫ МИРА

113

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Флоранс Бонне, Эллен Эмке, Кржиштоф Хагемайер СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВО ВРЕМЕНА КРИЗИСА	143
--	-----

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

А. Я. Бурдяк ИЗМЕРЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ ИПОТЕКИ КАК СОЧЕТАНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ, ВОЗМОЖНОСТЕЙ И НАМЕРЕНИЙ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ	167
--	-----

РЕЦЕНЗИЯ

О. В. Синявская РОССИЙСКИЙ РАБОТНИК: ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОФЕССИЯ, КВАЛИФИКАЦИЯ	187
---	-----

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ

Е. А. Горина ИНДЕКС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ МИРА. ОБЗОР ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКЛАДА ПРООН	193
--	-----

СОБЫТИЯ

Е. А. Горина КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК СРЕДА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА»	199
---	-----

О СОЗДАНИИ В МОСКВЕ ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНОГО РАЗВИТИЯ МЕГАПОЛИСА	205
--	-----

В. Б. Копейкина В РОССИИ БУДУТ ТОРГОВАТЬ СПРАВЕДЛИВО	209
---	-----

SUMMARIES

SUMMARIES	211
-----------	-----

«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НУЖДАЕТСЯ НЕ В СИЮМИНУТНЫХ РЕШЕНИЯХ, А В СИСТЕМНЫХ ДЕЙСТВИЯХ»

Интервью главного редактора журнала SPERO Т.М. Малевой
с вице-премьером правительства РФ по социальным вопросам О.Ю. Голодец

Профессиональная биография Ольги Голодец давно и неразрывно связана с социальными проблемами современной России. До назначения в 2010 г. на должность заместителя мэра в правительстве Москвы по социальным вопросам Ольга Голодец являлась председателем Совета директоров страховой компании «Согласие». Ранее она работала директором социальных программ Фонда «Реформуголь», начальником Управления социальной политики и персонала, заместителем генерального директора по персоналу и социальной политике ОАО «ГМК «Норильский никель», заместителем губернатора Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа по социальным вопросам, президентом Общероссийского межотраслевого объединения работодателей-производителей никеля и драгоценных металлов. В мае 2012 г. О. Ю. Голодец назначена на пост вице-преьера правительства РФ по социальным вопросам.

Фото: ria.ru

Т. М.: Уважаемая Ольга Юрьевна!

Мы планировали интервью с вице-мэром правительства Москвы по социальным вопросам. Сегодня я уже говорю с вице-премьером правительства России по социальным вопросам. Во-первых, поздравляю Вас с этим высоким назначением. Мне предельно ясна вся тяжесть ответственности, которая отныне легла на Ваши плечи, и, тем не менее, поздравляю, поскольку такое назначение — это прежде всего признание Вашего профессионализма, ответственности, умения решать масштабные задачи. Во-вторых, видимо, это Ваше последнее интервью в качестве вице-мэра правительства Москвы, и поэтому оставим общероссийские социальные вызовы на будущее, а сегодняшнюю беседу посвятим Вашей деятельности в Москве.

Итак, прошло всего полтора года после Вашего прихода в правительство Москвы. Реально ли сделать за год-два что-то серьезное? Или же этот срок бесконечно мал?

О. Ю.: Абсолютно реально. Люди, живущие в нашем городе, это, я надеюсь, почувствовали. Судить можно даже по тому, какие вопросы задаются сегодня мэрии — изменились сами темы претензий и жалоб.

Начнем с образования, так как в той или иной степени это касается почти каждой московской семьи, у всех есть дети в школе, или в детском саду, или в московских вузах. Самое главное наше достижение — мы дали каждому ребенку место в детском садике. И если раньше главный поток писем касался нехватки мест в детских дошкольных учреждениях, то сегодня — это обращения типа «прошу перевести ребенка из одного сада в другой», «прошу перевести из группы кратковременного пребывания в группу полного дня» и пр.

С чего мы начали полтора года назад? С детального анализа реального положения дел и, в первую очередь, с демографического анализа. Далее городу была предложена программа развития образования, и впервые она опиралась на демографический прогноз будущих тенденций. Это то, чем наша программа выигрышно отличается от всех предыдущих. Мы увидели, что в Москве каждое следующее поколение будет больше предыдущего, и эта тенденция будет актуальна ближайшие 8 лет. И получается, что разрыв между поколениями, которые уходят из школы и которые идут в школу, весьма существенен, в некоторые годы он составляет 30–40 тыс. детей. Если поколение выпускников сейчас составляет 70 тыс. ребят, то детей, которые родились в прошлом году и соответственно пойдут в школу через 7 лет, более 125 тыс. Не правда ли, ощутимо? И для того чтобы не решать проблему каждый раз «с колес», нужно ясно видеть эти тенденции и идти впереди ситуации, а не за ней.

Т. М.: Нет ли опасений, что решение вопроса о формальной доступности образования — достаточное число учебных мест, их оснащение, территориальное размещение и пр., — заслонит собой другую проблему — качества образования? Сейчас в России эта тема активно обсуждается. А москвичи к ней особенно чувствительны. Здесь критерии и требования к качеству образования по совокупности понятных причин заметно выше.

О. Ю.: Да, Москва видит эту проблему. Но, как ни покажется странным, решение количественной задачи подтолкнуло нас к решению качественной. Приведу пример. Когда остро стоял вопрос о дефиците мест в детских садах (в сентябре позапрошлого года очередь составляла около 70 тыс. чел.), мы обратились в школы с целью активного развития программ дошкольного образования. И попали в точку! Ведь школьное образование должно «смыкаться» с дошкольным. А мы как раз и создали «мостик» между дошкольным и начальным школьным образованием — финансированием, нормативными документами, организационными действиями. Сейчас перед педагогами и методистами мэрией поставлена задача — добиться преемственности учебных планов и программ дошкольного обучения и начального школьного обучения. Зачем ребенку по 2 раза учить одно и то же? Зачем его после детсада переучивать в школе? Зачем понапрасну тратить время — и его, и пе-

дагогов? Весь этот процесс должен быть плавным и максимально щадящим в отношении здоровья, но в то же время интересным, дабы поддерживать традиционное детское любопытство.

Тем не менее остается очень много проблем: у нас очень сильно отстают программы гуманитарного развития. Понимая это, московское правительство активно поддерживает и развивает программу «Культура в детском саду» — это знакомство с музыкой, с художественным искусством, сюда же встроены занятия в музеях. Она охватывает абсолютно все детские сады Москвы. Мы гордимся тем, что наши московские детишки сегодня могут порассуждать на тему искусства, они бывают в театрах, музеях, у них есть свой культурный опыт и мнение.

Вторая тема — это качество образования в московских школах. Сначала мы замахнулись на святое. Первым звонком был нашумевший факт, что одна из московских школ не получила аккредитацию. Было очень много споров и возмущения, но в итоге этот эпизод привлек внимание к качеству образования. Тогда мы пошли на второй и тоже довольно рискованный шаг — рейтингование школ. Все школы города Москвы получили свой рейтинг. Мы и москвичи увидели лидеров московского образования, устойчивую середину и аутсайдеров.

Т. М.: Другими словами, была обнаружена группа «плохих» школ? Уверены ли Вы, что там нет случайностей?

О. Ю.: Мы внимательно исследовали школы из числа отстающих. Есть школы для детей с отклонением развития, но такие учебные заведения из общего рейтинга были удалены, для них разработаны другие показатели эффективности. Да, мы увидели школы, в которых просто плохо учат. Методика рейтингования утверждалась экспертным советом, все эксперты практически сошлись во мнении, когда обсуждали итоги. Рейтинг совпал с формальным отношением к школам.

Был сформирован второй рейтинг, про себя мы его называем «народным» рейтингом. Это электронная запись в первый класс. К этому нас сподвигло не только желание понять, какие школы в глазах людей имеют авторитет, а какие — нет. Была большая административная проблема, которую город наблюдал из года в год. Каждое 1 апреля родители выстраивались в изнурительные очереди на запись ребенка в первый класс. В городе по этому поводу царил нервозность. И это при том, что учебных мест в целом было вполне достаточно! Мы предложили принцип — семье предоставлялось место в школе для ребенка по адресу проживания. Но помимо этого гарантированного места родители могли выбрать для своего ребенка еще две школы. И мы увидели, что треть родителей в своем выборе остановились на той школе, которая находится рядом с домом. Приближенность к дому — это первый критерий выбора. Второй критерий — многие родители выбрали те школы, которые, с их точки зрения, относятся к «сильным». Когда закончилась запись в первый класс, мы поняли, что можем удовлетворить всех, не отказать никому в приеме в ту или иную школу.

Да, действительно, было обнаружено, что 82 школы не набрали ни одного первого класса. И сейчас думаем над вариантами их развития в дальнейшем. Один из путей — некоторые школы договариваются об объединении с другими, более сильными школами. Для системы образования это огромный выигрыш, если есть школа-локомотив, которая ведет за собой более слабую школу.

Но и это не все. Если мы раньше думали только о результатах выпускных классов, то сегодня предлагается включить в оценку и 4-е классы, чтобы все видели школу на всех этапах. Нельзя ждать высоких результатов в 11-м классе, если образование на предшествующих стадиях хромает. Чем раньше обнаружатся проблемы, тем легче вмешаться в процесс. И это тоже путь к повышению качества образования.

Т. М.: Не боитесь недовольства в связи с таким объединением школ? Есть же опасение, что, слившись со слабой школой, сильная может снизить свой уровень? Этого боятся и директора, и педагоги, и родители.

О. Ю.: Именно поэтому мы всячески помогаем директорам сильных школ, которые берут на себя такую тяжелую ношу. Но иного пути нет. У сильного директора уже отработаны свои механизмы, подходы, методы. Директора абсолютно осознанно идут на такой шаг. Очень важно то, что система московского образования стремится к максимальной открытости. Ни один из серьезных вопросов не решается без родительского комитета школы. Вовлечение гражданского общества в решение проблем образования стало нормой, к этому привыкают все — и родители, и педагоги, и школьные администраторы.

Т. М.: В этой связи вопрос — как родитель может оценить качество образования, если он сам не является специалистом в той или иной области?

О. Ю.: Есть объективные системы оценок, по которым вполне ясно можно понять, хорошо или плохо учат, например, английскому языку в определенной школе. На московское сообщество можно полагаться, это сообщество, которое обладает высоким уровнем профессионализма и культуры. Эти качества дают Москве уникальное преимущество. И именно поэтому мы пытаемся максимально открыть двери школ для родителей. Не только для того, чтобы они контролировали школы, но и для того, чтобы делились своими знаниями, навыками, культурой.

Т. М.: Понятно, что невозможно добиться, чтобы все московские школы были одинаково хорошими и дружно возглавляли топ-лист. Но Москва с ее ресурсами, возможностями и амбициями может и должна ставить задачу, чтобы у нее не было плохих школ. А каковы различия в «портрете» хорошей и плохой школы?

О. Ю.: Этот вопрос фактически сводится к составу педагогического коллектива и системе управления. Плохие школы, как правило, — это школы, в которых директора утратили управление школой, где очень слабо организован учебный процесс, низка требовательность к педагогам, полностью

отсутствует связь между оплатой труда педагогов и результатами их работы. Таковы системные проблемы.

Т. М.: По нашим оценкам, в Москве 35% от числа ее жителей составляет средний класс, то есть люди с высшим образованием, относительным достатком и высокой самооценкой. Но, кроме того, существует еще большая социальная группа, которая не «дотягивает» до этого уровня, они, возможно, по доходам еще и не средний класс, но ощущают себя средним классом и ведут себя как средний класс. И получается, что людей, для которых очень высока ценность хорошего образования — школьного, вузовского, поствузовского, гораздо больше, чем численность среднего класса.

О. Ю.: Вы правы, в Москве стремление к хорошему образованию характерно практически для всех социальных групп. Оно и понятно: у нас выше уровень образования и в целом высока концентрация человеческого капитала. Это диктуется всему московскому обществу. Планка у московских родителей очень высокая, многие готовы сотрудничать со школой. Есть трогательный пример: в детском саду папа рассказывал о симфоническом и духовом оркестрах и сын очень им гордился. Другие дети тоже «заразились» и привели своих пап, чтобы они тоже рассказали что-то интересное и чтобы ими тоже можно было гордиться. Получилась целая серия интересных уроков.

Но, конечно, есть и неблагополучные семьи. Чаше всего это бедные, многодетные и неполные семьи. Это не новость. Новость в другом — среди проблемных семей появились относительно благополучные, которые вполне попадают под определение «средний класс», но именно в этих семьях появилась проблема детского суицида.

Т. М.: Видимо, эта тема, тема ребенка в мегаполисе, которая приобрела в Москве столь острый характер, не случайна?

О. Ю.: Да, совершенно очевидно, что тема ребенка в мегаполисе в нашем городе встала в полный рост. В мегаполисе многие процессы идут по-другому — острее, агрессивнее, опаснее. Например, распады семей, как следует из демографических исследований, в городской среде происходят активнее, в мегаполисе — тем более. А дети очень болезненно переживают разводы родителей, расставание с отцом или матерью, жизнь в неродной семье. Социальное неблагополучие в большом городе вообще имеет свою специфику и даже имеет тенденцию к нарастанию. Помимо психологического здоровья, в столь специфической среде есть темы физического здоровья. Например, по уровню заболеваемости Москва в среднем отличается в существенно лучшую сторону, а по детскому травматизму статистика «зашкаливает», в Москве он в 1,8 раза выше, чем в других городах. Мегаполис — это риски, связанные с транспортом, сложной технической инфраструктурой, небезопасным поведением на дорогах и т. д.

Т. М.: Нет ли опасности, что любое правительство выбирает лишь те направления действий, где можно достичь быстрого и эффективного результата:

граждане заметят и оценят? Но многие социальные процессы обладают инерцией. Например, мотивация врачей или учителей. Чтобы их изменить и почувствовать результат через 10 лет, нужны действия сегодня. А их сегодня могут не заметить и не оценить. Как Вы видите эту проблему? Иначе говоря, готовы ли Вы предпринимать меры в ближайшее время, заведомо зная, что эффект будет достигнут очень нескоро? Этот вопрос будет стоять перед Вами и в должности вице-преьера.

О. Ю.: В жизни краткосрочные и долгосрочные приоритеты часто нельзя разделить. Для меня на старте работы в Москве было очень важно получить результаты, которые нужны немедленно, например, устранить очередь в детских садах, или обеспечить нормальный процесс записи в первый класс, или сократить очередь на операции по эндопротезированию. Но есть и долгосрочные задачи: мы стремимся к формированию социальных систем, которые опираются на высококвалифицированные кадры — педагогов и врачей, специалистов, которых Москва достойна. Профессионально-квалификационный уровень людей, работающих в социальной сфере Москвы, должен быть высок. Только за последние полгода уровень оплаты труда в детских садах вырос фактически на 30%.

Т. М.: А есть ли связь между оплатой труда и качеством услуг, в данном случае работы воспитателей? Разве она прямая? Мы исследовали этот вопрос на примере здравоохранения, и выяснилось, что большинство работников этой системы воспринимают повышение заработной платы как возвращение долга, накопившегося в течение многолетнего пренебрежения к оплате труда в бюджетной сфере, но не как стимул к росту качества.

О. Ю.: Конечно, если врач или учитель недостаточно квалифицирован, повышение оплаты труда ничего особенно не даст. Но, тем не менее, связь есть. Нормально оплачиваемые рабочие места становятся привлекательными для действительно квалифицированных специалистов. Только за прошлый год 12% персонала в детских садах было замещено. Эти рабочие места стали интересны для молодых выпускников педвузов, которые уже не бегут из государственных учреждений в поисках работы, часто вообще не связанной с их базовым образованием. Мы надеемся, что постепенно произойдет эффективное замещение, уровень квалификации педагогов, врачей изменится, для этого создаются все условия. Особое внимание в данном вопросе всегда уделялось системе здравоохранения.

Если мы хотим, чтобы наше здравоохранение хорошо работало, нужно думать об элементарном порядке на каждом шагу. Мы требуем от главных врачей чистоты и порядка, и это возможно в каждом учреждении! А это зависит от кадров и руководства. В московском здравоохранении идут кадровые изменения, только за прошлый год было заменено около 30% руководителей, потому что изменились требования к организации процесса, к качеству медицинской помощи. Мы социологическими методами измеряем уровень удовлетворенности со стороны москвичей и видим, что кривая этой удовлетворенности ползет вверх.

Это пример того, как можно разрешить противоречие между краткосрочными и долгосрочными мерами в социальной политике. Часто это противоречие мнимое.

Т. М.: Конечно, Москва — уникальный российский мегаполис. Ее важнейшее преимущество в социальной сфере — наличие значительных финансовых ресурсов, которыми не могут похвалиться другие крупные города. И есть убеждение, что в Москве все лучше — безработица ниже, пособия выше, оснащенность социальными объектами лучше. Другими словами, «Москва впереди России всей». Но есть индикаторы социального самочувствия, которые выше в других городах. Готова ли Москва учиться у них? Не помешает ли ей привычное чувство лидерства?

О. Ю.: Конечно, есть исследования, согласно которым жизнь в городе с 30 тыс. населения для человека комфортнее: другой воздух, спокойствие жизни, отсутствие транспортного напряжения. Я хорошо знакома с такими исследованиями. Проблема, которая невыгодно отличает Москву от других городов, даже крупных, — это, разумеется, экология. В правительстве Москвы данная тема является приоритетной. Но помимо действий московских властей требуются усилия и со стороны гражданского общества. Можно увеличить штрафы за нарушения правил парковки, но пока мы сами внутренне не приходим к осознанию того, как мы хотим жить в нашем городе (чтобы машины не парковались на тротуаре, человек не выбрасывал мусор, где вздумается, и пр.) — мало что получится в итоге.

Сегодня очень много делается по развитию парков, комфортной среды для отдыха, но пока мы очень далеко отстоим от эталона. Конечно, нам предстоит пройти огромный путь.

Но все же у нашего города есть и неоспоримые преимущества. Москва — это прежде всего культурная столица. Здесь более 100 театров, по их количеству мы опережаем все остальные российские города, в Москве проходят премьеры, выставки, дискуссии, культурная жизнь идет полным ходом. И мы не должны себя недооценивать.

Т. М.: А давайте сравним культурную жизнь Москвы и Санкт-Петербурга. Я имею в виду не формальное число театров и народных артистов, а сам стиль. В Питере намного больше мероприятий небольшого формата, например, камерный концерт, клуб любителей «Серебряного века», музыкальная студия, студия современной живописи. Возможно, в этом есть «архитектурная причина»: в Питере в большом количестве сохранились небольшие залы в бывших дворянских особняках и усадьбах, где «живут» эти камерные формы, чего нет в Москве. Но часто эти малые формы интереснее и приятнее, чем поход в Большой театр, в них есть необъяснимая прелесть. Заходить раз в неделю в маленькую студию, может быть полезнее, чем раз в год в Большой зал консерватории? Ведь это и есть наполненная культурная жизнь. Можно ли в Москве эти формы поддерживать и развивать?

О. Ю.: Мы пытаемся их вплести в жизнь города, охватывая даже самые отдаленные районы. Из Бутова каждый день в театр не наездишься. Это не секрет. Среда, о которой Вы говорите, в Москве есть, она растет, обра-

зуются клубы для молодежи и не только, открываются сцены для новых коллективов, развиваются малые художественные формы — Москва будет все это поддерживать.

Т. М.: И последнее. Наш журнал адресован, в первую очередь, экспертно-аналитическому сообществу, которое занимается проблемами социального развития. И нас, конечно, волнует вопрос, в какой мере наши исследования будут востребованы властью и могут повлиять на ход этого развития. Мой вопрос уже не к вице-мэру Москвы, а вице-премьеру федерального правительства. Как Вы собираетесь строить отношения с экспертным сообществом в процессе решения тех многотрудных проблем, которые отныне стали сферой Вашей ответственности, словом, Вашими?

О. Ю.: Где бы я ни работала, для меня всегда была очевидной необходимость связи с научным сообществом и научными исследованиями. Меня не надо в этом убеждать. У меня за плечами есть свой исследовательский опыт, который мне помогает в работе ежедневно. Этим и отличаются действия сиюминутные и системные. Социальная политика нуждается именно в системных действиях, а посему связь с наукой — это не просто мое или чье-либо пожелание, это императив. И я надеюсь на профессиональную поддержку и жду ее со стороны экспертного сообщества.

Т. М.: Ольга Юрьевна! Благодарим Вас за это интервью, которое, я уверена, станет событием для нашего журнала. Но главное — мы искренне желаем Вам успехов и реальных достижений на новом поле Вашей деятельности. Мы все заинтересованы в Вашем успехе не только как специалисты в области социальной политики, но и как граждане страны, которые мечтают об устойчивом и гармоничном социальном развитии. Еще раз большое спасибо!

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ БЕДНОСТИ

Овчарова Л.Н., д.э.н., директор НИСП

Сокращение бедности выступает ключевой целью социально-экономического прогресса, во многом определяя не только политическую стабильность страны, но и перспективы в глобальном мире. В условиях современной России результаты экономического роста перестали оказывать позитивное влияние на неравенство, уровень и особенно на структуру бедности. При высоких социальных расходах и общей положительной динамике экономического прогресса наметился тренд ухудшения социального самочувствия и роста социальной напряженности. Это говорит о необходимости корректировки социально-экономической политики в области благосостояния на основе комплексного анализа уровня, профиля, факторов и форм проявления бедности. В данной статье рассматриваются концептуальные вопросы определения и измерения бедности, представлена новая классификация линий бедности, в основу которой положено выделение монетарных и немонетарных форм ее проявления, сформулированы предложения по новой модели национального мониторинга бедности. На эмпирических данных доказано, что на этапе экономического роста в России, характеризующимся существенным сокращением абсолютной монетарной бедности, не наблюдается снижение масштабов субъективной и депривационной бедности.

ВВЕДЕНИЕ

Исследования бедности, концептуально опирающиеся на определение границы бедности и сопоставление с ней характеристик благосостояния, имеют столетнюю историю, если за точку отсчета принять известную публикацию Роунтри в 1901 г. «Бедность — исследование городской жизни», в которой была предпринята первая попытка построения нормативной абсолютной линии бедности на основе оценки прожиточного минимума¹. Потребность в разработке теоретико-методологических аспектов анализа бедности, на первый взгляд, не вполне очевидна для современной России. Уже существует множество подходов к ее определению и измерению, известны возможности и ограничения их практического применения в науке и практике. Более того, экономический подъем 2000-х гг. способствовал существенному снижению доли населения с доходами ниже прожиточного минимума. Согласно данным официальной статистики, последний мировой экономический кризис,

¹ Rowntree B. Poverty — a study of Town Life. London, Macmillan, 1901.

в отличие от большинства стран, в России не привел к существенному изменению уровня бедности.

Вместе с тем есть, как минимум, три аргумента разной степени значимости, подтверждающих актуальность данной темы для современной России. Во-первых, незавершившаяся теоретическая дискуссия о противоречивости и непротиворечивости, универсальности и альтернативности линий бедности. Во-вторых, все более настоятельный спрос на новую концепцию развития, смещающую акцент с измерения производства на измерение показателей благосостояния и устойчивости развития. Значительный вклад в этот процесс внесли нобелевские лауреаты Дж. Стиглиц и А. Сен. Обсуждая причины кризиса, они отметили растущий разрыв между информацией, содержащейся в агрегированных данных по ВВП, и тем, что действительно значимо для благосостояния². Поэтому, как они отмечают, пришло время переместить акцент с измерения производства на измерение уровня и качества жизни населения. Это требует создания новой концепции анализа развития, в которой важное место заняли бы показатели благосостояния и устойчивости достигнутых результатов, а монетарные и немонетарные критерии бедности должны стать их неотъемлемой частью. В-третьих, в обновленной стратегии развития России до 2020 г. предполагается задействовать факторы роста конкурентоспособности, которые были недоиспользованы в прошлом периоде, и первым среди них отмечается качество человеческого капитала, что требует совершенно иного подхода ко всем отраслям, связанным с формированием человеческого потенциала.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА ЛИНИИ БЕДНОСТИ

В чем состоит теоретический спор по вопросу выбора линий бедности? Длительное время в теории благосостояния преобладающей являлась гипотеза о непротиворечивости линий бедности, поскольку их новые модификации, появившиеся по ходу эволюционного развития, представляли собой денежный эквивалент потребительских стандартов более высокого порядка³. Поэтому их альтернативность определялась не противоречивостью, а эффектом перехода к линиям бедности более высокого порядка на основе принципа включенных множеств.

Сначала возникла абсолютная концепция бедности, в основе которой лежит экономическая теория благосостояния, максимизация которого приравнивается к максимизации факторов потребительской полезности. Б. Роунтри⁴ определил абсолютную линию бедности как стоимость (в годовом или месячном исчислении) минимального набора продуктов питания, одежды и жилья и заложил в этом подходе два направления развития методологии: нормативный и нормативно-статистический способы определения стоимос-

² *Stiglitz Joseph, Sen Amartya and Fitoussi Jean-Paul. The Measurement of Economic Performance and Social. Progress Revisited, 2009 [Электронный ресурс].* Режим доступа: www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/overview-eng.pdf, свободный.

³ *Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. Учреждение Российской академии наук Ин-т соц. эконом. проблем народонаселения РАН.* — М.: М-Студио, 2009.

⁴ *Rowntree B., Kendall M. How the Laborer Lives.* London, Thomas Nelson and Sons, 1913.

тной оценки минимальной потребительской корзины. Нормативный метод предполагает разработку норм потребления по всему комплексу продуктов питания, промышленных товаров и услуг. Он широко использовался в СССР, и минимальный потребительский бюджет разрабатывался как абсолютная категория минимального потребления, обеспечивающего расширенное воспроизводство населения.

Лидером развития нормативно-статистического метода оценки стоимости минимальной потребительской корзины являются США. Основываясь на данных Министерства сельского хозяйства США, М. Оршански⁵ определила, что в среднем американские семьи из двух самых бедных децильных групп тратят на еду около трети своих доходов, и вывела следующую формулу расчета черты бедности: статус бедности должен присваиваться домохозяйствам, доход которых ниже стоимости продуктовой корзины, умноженной на три. Сама продуктовая корзина оценивалась нормативным методом и обеспечивала минимальную потребность в калориях, белках, жирах, углеводах, витаминах и минеральных веществах.

К абсолютной концепции относится и одно из современных определений бедности, сформулированное в рамках разработанной А. Сенем⁶ теории благосостояния как возможностей. В данном случае благосостояние человека связывается не с полезностью и не с набором потребительских благ, которыми он располагает, а с набором его функциональных возможностей. То, как люди могут воспользоваться одними и теми же возможностями, зависит от трех факторов: во-первых, это индивидуальные характеристики (например, физическое состояние человека, пол, уровень грамотности, интеллект); во-вторых, социальные характеристики (например, государственная политика, социальные нормы, дискриминационные практики, социальные иерархии, властные отношения); наконец, характеристики среды (климат, уровень развития инфраструктуры, институты, общественные блага). При таком подходе формируется немонетарный инструментарий измерения абсолютной бедности.

Относительная концепция бедности, исторически возникшая позже абсолютной, опирается на теорию базовых потребностей, исходя из которой П. Таунсенд⁷ в конце 1980-х гг. создал методологию анализа бедности через лишения, сформировав экспертным путем их список для Великобритании. Впоследствии, благодаря С. Мак и Дж. Лансли⁸, в методологию был привнесен большой объективизм. Ученые предложили корректировать созданный экспертным путем список на основе данных опроса домашних хозяйств, отбирая те лишения, которые абсолютное большинство респондентов считают признаками бедности.

Методы оценки бедности через лишения, в отличие от вэлферистского подхода, позволяют рассматривать благосостояние шире, чем потребление товаров. Согласно относительной концепции к бедным относятся те, чей уровень жизни существенно отличается от стандарта, преобладающего

⁵ Макоули А. Определение и измерение бедности // Бедность: взгляд ученых на проблему / Под редакцией Можинной М.А., – М., ИСЭПН РАН, 1994.

⁶ Sen A., *Commodities and Capabilities*. Elsevier Science Publishers, Amsterdam, 1985.

⁷ Townsend P. *Poverty in the United Kingdom. A Survey of household resources and standards of living*, N.Y., 1979.

⁸ Mack J., Lansley S. *Poor Britain*. L.: George Allen & Unwin, 1985.

в стране. Ключевым в этом случае является тот факт, что относительно бедные не могут позволить себе то, что имеет основная масса граждан, и поэтому они испытывают некоторое состояние исключенности из сложившегося в стране стиля и образа жизни.

Черта бедности, основанная на концентрации лишений, оказалась сложной для практического применения, но еще П. Таунсенд заметил, что значимая концентрация тех, кто испытывает лишения, наблюдается до уровня доходов, равного 50–60% от медианного дохода, при этом черта бедности, равная даже 40% от медианного дохода, была выше, чем абсолютная линия бедности. В дальнейшем именно данный эмпирический результат был положен в основу методики оценки монетарной относительной линии бедности. В эволюционном контексте это означало непротиворечивый переход к более высокому стандарту бедности, не только гарантирующему физиологическое выживание, но и учитывающему факт исключенности из социокультурных стандартов и норм общественной жизни (доступ к образованию, информации, общению и пр.). Однако без внимания остался другой эмпирический результат, согласно которому часть бедных по лишениям все же не попадала в число бедных по относительной монетарной линии бедности, и это были ситуации, в которых текущие денежные доходы плохо аппроксимировали реальное потребление.

Концепция субъективного измерения бедности появилась вслед за относительной и предполагает установление количественной меры бедности на основе субъективного мнения населения относительно суммы минимального дохода или оценки достигнутого уровня благосостояния. Уровень, профиль и структура субъективной бедности стали важными индикаторами для понимания источников социальной напряженности и регулирования государственных программ для бедных. Если объективные и субъективные представления о бедности не будут совпадать, то адресатами социальной политики окажутся не те, кто формирует базу социальной напряженности.

Наиболее корректную модель построения монетарной субъективной линии бедности предложил Б. Ван Праг⁹. Ответ о сумме минимального дохода он обозначил как Y_{\min} , зависящий от суммы чистого дохода респондента Y и некоторых других параметров таких, как состав семьи, место жительства, социально-демографический состав домохозяйства и другие. Семьи с низкими доходами обычно отмечают $Y_{\min} > Y$, семьи с высокими доходами $Y_{\min} < Y$; естественным порогом бедности будет линия, при которой доходный уровень будет такой, что $Y_{\min} = Y$.

Используя эмпирическое логарифмически-линейное преобразование, он предложил оценку, приведенную в следующей формуле (1):

$$\log(Y_{\min}) = a_0 + a_1 \log(Y) + a_2 X_i, \quad (1),$$

где X_i — переменные, представляющие другие характеристики, которые оказывают существенное влияние на $\log(Y_{\min})$. После оценки параметров формулы 1 субъективная линия бедности (SPL) будет получена в предположении $Y_{\min} = Y$, или в виде формулы 2:

⁹ Goedhart T., Halberstadt K.A., Kapteyn A., van Praag B. The Poverty Line: Conception and Measurement // Journal of Human Resources. 1977.

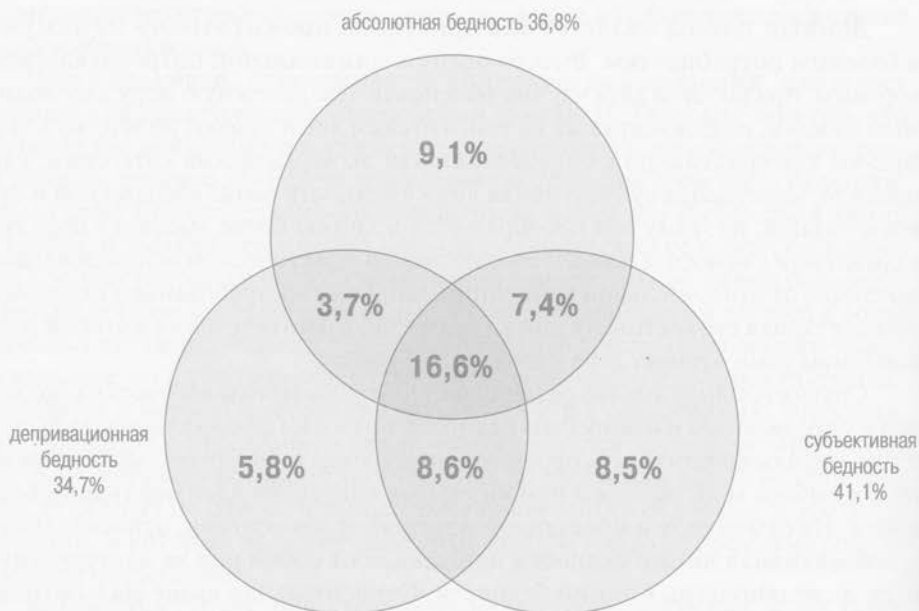
$$\text{LogSPL} = (a_0 + a_2 X_i) / (1 - a_1) \quad (2)$$

Данный подход является альтернативой прожиточному минимуму и базовым потребностям. Вместо оценки минимальной потребительской корзины, призванной дать научно обоснованную денежную меру необходимым нуждам, он фокусируется на том, что сами люди думают об этих нуждах. Будучи альтернативной в определении как экономической категории, как правило, монетарная субъективная линия бедности выше абсолютной и относительной, поэтому она преобразуется в линию более высокого порядка в сравнении с относительной и абсолютной. В практическом использовании, в отличие от относительной концепции, наиболее востребованной оказалась немонетарная субъективная линия бедности, в соответствии с которой респонденты сами относят себя к категории бедных.

Сравнительный анализ различных теоретико-методологических подходов к определению и измерению бедности позволил сформулировать вывод о том, что альтернативность проявляется не только в концептуальном разрезе, но и в выборе монетарных и немонетарных критериев идентификации бедности. На самом деле в монетарном измерении абсолютная, относительная и субъективная линии бедности представляют собой ряд не альтернативных, а эволюционных линий бедности. Относительная выше абсолютной, а субъективная, в свою очередь, выше относительной, а денежное измерение снимает проблему исключения из числа бедных при переходе к линиям более высокого порядка. При переходе от одной концепции к другой по немонетарным критериям, или от монетарной к немонетарной линии бедности в рамках одного концептуального определения часть бедных теряет этот статус по той причине, что ряд форм проявления бедности не находит своего отражения в динамике денежных доходов населения. Обусловлено это как ограничениями в доступе к ресурсам (занятость, образование, здравоохранение, социальные трансферты и социальное обслуживание, кредитные ресурсы и пр.) и в возможностях их использования для развития, так и личным выбором домашних хозяйств модели самообеспечения.

Для анализа непротиворечивости альтернативных порогов бедности используют метод совмещения различных определений, результатом которого является выделение сегментов полностью согласованной, частично согласованной и несогласованной бедности. Результаты эмпирических исследований показали, что непротиворечивость линий бедности не является универсальным правилом, особенно когда речь идет о странах или союзах с высоким уровнем неравенства или периодах развития, сопровождающихся масштабными трансформационными или модернизационными процессами. В отличие от большинства развитых стран в России альтернативные критерии бедности не являются неотъемлемой частью национального мониторинга и рассматриваются только в рамках научных разработок, которые уже имеют свою историю. Первая попытка такого анализа была реализована при участии автора в Лаборатории проблем распределительных отношений Института социально-экономических проблем народонаселения в 1996 г. на примере данных выборочного обследования, репрезентативного для городского населения (рис. 1).

Рисунок 1. Совмещение трех определений бедности, по данным репрезентативного выборочного обследования городского населения, 1996 г.¹⁰, процент

Источник: Можина и др., 1998.

В данном исследовании тестировались три линии бедности: прожиточный минимум (абсолютная монетарная линия бедности); индекс деприваций (относительная немонетарная линия бедности) и субъективная немонетарная черта бедности. В данном случае имеет место сочетание как различных экономических концепций, так и монетарного и немонетарного подхода. По результатам совмещения трех критериев бедности очевидна следующая картина: при масштабах однокритериальной бедности на уровне 35–40%, только 16,6% домохозяйств сохраняют статус бедности в случае использования трехкритериальной линии бедности. Зона бедности в данном случае распространилась на 59,7% домохозяйств и объединяет всех, кто относится к бедным хотя бы по одному из тестируемых критериев бедности. Коэффициент корреляции Пирсона между различными подходами к измерению бедности оказался самым высоким для субъективной и депривационной бедности — 0,52.

В целом совмещение монетарных и немонетарных линий бедности позволяет выделить согласованную бедность, зону двойных пересечений (частично согласованная бедность) и зону альтернативной, несогласованной бедности, соответствующей только одному из теоретико-методологических определений. По результатам исследования 1996 г. была сформулирована гипотеза, согласно которой незначительный размер зоны согласованной бедности обусловлен экономическим кризисом и рыночными трансформациями.

¹⁰ Подробно о результатах данного исследования см.: Можина М.А., Овчарова Л.Н., Попова Р.И., Прокофьева Л.М. и др. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Коллективная монография. Науч. докл. / под ред. Т.М. Малевой. Моск. центр Карнеги; Вып. 24.: М.: Моск. центр Карнеги, 1998.

и в дальнейшем следует ожидать ее увеличения¹¹. Последующие исследования (табл. 1) наоборот, подтвердили факт расширения несогласованной бедности¹². Значимый масштаб несогласованных зон бедности позволяет сделать вывод о неправомочности приоритетного использования какой-либо одной черты бедности. Последующие аналогичные исследования, реализованные под руководством автора, подтвердили устойчивость феномена несовпадения зон бедности при использовании различных инструментальных и концептуальных определений.

Таблица 1. Результаты пересечения зон бедности, выделенных на основе прожиточного минимума, процент от численности опрошенных респондентов¹³

Годы	1997 г.	2001 г.	2010 г.
Уровень общей бедности	59,7	48,5	53,2
Несогласованная зона бедности, определяемая однокритериальной бедностью	23,3	21,6	28,8
Частично согласованная (по двум критериям)	19,7	14,3	17,6
Согласованная по трем критериям	16,6	12,6	6,6

Источник: обследование 2001 г., аналогичное описанному у Можинной и др., 1998, КПДХ-2010.

Таким образом, можно говорить о трех видах альтернативности при измерении бедности. Первый возникает в случае монетарных линий бедности в цепочке: абсолютная, относительная, субъективная линия бедности — и означает концептуальный переход к линиям бедности более высокого порядка по принципу включенных множеств. Второй — концептуальный переход при немонетарном определении бедности, при котором речь не идет о включенных множествах и каждое определение имеет зону самостоятельной бедности. И, наконец, третий случай, когда в рамках одной концепции сравниваются монетарные и немонетарные критерии бедности.

Принимая во внимание данный результат, можно предложить представленную на рисунке 2 классификацию основных линий бедности в зависимости от теоретико-методологической основы определения и инструментария измерения. На сегодняшний день мы можем говорить о трех экономических концепциях бедности, для каждой из которых существует множество монетарных и немонетарных определений пороговых значений. Несмотря на то, что абсолютная концепция бедности появилась первой, ее немонетарные критерии до настоящего времени слабо разработаны.

¹¹ Можина М.А., Овчарова Л.Н., Попова Р.И., Прокофьева Л.М. и др. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Коллективная монография. Науч. докл. / под ред. Т.М. Малевой. Моск. центр Карнеги; Вып. 24.: М., Моск. центр Карнеги, 1998.

¹² Овчарова Л.Н. Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 2011.

¹³ В 2001 г. проводилось обследование городского населения по программе, аналогичной 1997 г. с выборкой городского населения объемом 1500 домохозяйств. Оценки за 2010 г. получены на основе данных репрезентативного на общероссийском уровне обследования 3000 домохозяйств «Кризис и поведение российских домохозяйств» (КПДХ-2010), проведенного Независимым институтом социальной политики.

Рисунок 2. Схема классификации основных линий бедности в зависимости от теоретико-методологической основы определения и измерения

КАК ВЫБОР КРИТЕРИЕВ БЕДНОСТИ ВЛИЯЕТ НА ЕЕ МАСШТАБ И СТРУКТУРУ?

Основным инструментом для анализа уровня и профиля монетарной бедности является семейство энтропийных индексов Фостера, Грира и Торбека (P_α), описываемых формулой 3, где для индекса численности бедных $\alpha = 0$, для индекса глубины бедности $\alpha = 1$, а для индекса остроты бедности $\alpha = 2$.

$$P_\alpha = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^q \left[\frac{z - y_i}{z} \right]^\alpha, \quad (3)$$

где: n — численность населения страны;
 q — численность бедного населения;
 z — величина прожиточного минимума;
 y_j — доходы или располагаемые ресурсы j -го гражданина.

Эти индексы обладают свойством аддитивности, что позволяет разложить бедность на подгруппы и оценить вклад, вносимый каждой подгруппой. Изменения в общем индексе бедности можно разложить на изменения в показателях бедности внутри отдельных подгрупп, изменения вследствие трансформаций долей населения в подгруппах и изменения, отражающие эффект взаимодействия между внутри- и межгрупповыми изменениями.

В первую очередь обратимся к данным, характеризующим динамику уровня и профиля населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, являющегося официальной чертой бедности для России. За постсоветский период уровень бедности был подвержен значительным колебаниям, и в 1992 г. после либерализации цен в число бедных попала треть российского населения (рис. 3).

Рисунок 3. Динамика уровня и глубины российской бедности, процент

Источник: официальные данные Росстата.

Тенденция сокращения доли бедного населения наблюдается начиная с 2001 г. и продолжает сохраняться, несмотря на кризис 2008 г., что противоречит логике экономического развития. Снижение бедности, хоть и незначительное, на фазе кризиса обусловлено мерами политики, как правило, реализуемыми на фазе экономического роста: двукратное повышение минимальной оплаты труда и ускоренный рост пенсий.

Анализ состава и структуры населения с доходами ниже прожиточного минимума (табл. 2–3) в сравнении со структурой населения в целом показывает следующие особенности российской бедности:

- семьи с детьми и соответственно дети в возрасте до 16 лет по сравнению с другими социально-демографическими группами отличаются максимальными рисками бедности, которые, по последним данным, в 1,4 раза выше среднероссийского уровня. При этом риск бедности увеличивается с ростом числа детей в домохозяйстве, и неполные семьи с детьми чаще попадают в число бедных, чем полные;
- у пенсионеров, наоборот, риск попадания в число бедных существенно ниже, особенно, когда речь идет о работающих пенсионерах. У неработающих пенсионеров вероятность оказаться среди бедных длительное время была выше среднероссийского уровня, но за последние три года резко сократилась;
- сельские жители в два раза чаще оказываются в числе бедных, и разрыв между рисками бедности проживающих в городе и на селе увеличивается. Доля городских жителей среди бедных существенно ниже, чем среди всего населения;
- безработные, экономически неактивные, получатели социальных пенсий и пенсий по инвалидности отличаются высокими рисками бедности;

Таблица 2. Структура бедного населения,
процент от численности бедного населения

Показатель	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2009 г. Все население
По месту проживания								
Проживающие в городах	68,1	67,7	66,2	60,8	59,6	58,0	58,1	73,3
Проживающие в сельских поселениях	31,9	32,3	33,8	39,2	40,4	42,0	41,9	26,7
По половозрастным группам								
Дети в возрасте до 16 лет	24,4	24,2	23,0	21,2	21,4	22,6	23,8	17,2
Население трудоспособного возраста	62,4	63,6	64,9	65,7	65,2	64,8	64,6	66,0
в том числе:								
молодежь в возрасте 16–30 лет	22,9	23,7	24,9	25,6	25,3	25,6	25,6	23,2
мужчины в возрасте 31–59 лет	18,2	18,3	18,4	19,0	18,9	18,6	18,7	20,4
женщины в возрасте 31–54 лет	21,3	21,6	21,6	21,1	21,0	20,6	20,3	22,4
Население старше трудоспособного возраста	13,2	12,2	12,1	13,1	13,3	12,6	11,6	16,7
в том числе:								
мужчины в возрасте 60 лет и более	-	-	3,5	3,6	3,8	3,5	3,1	4,2
женщины в возрасте 55 лет и более	-	-	8,6	9,5	9,6	9,1	8,6	12,5
По отношению к экономической активности (для лиц в возрасте 15 лет и старше)								
Экономически активное население	-	-	61,2	60,5	61,1	61,6	63,3	71,1
в том числе:								
занятые в экономике	-	-	58,7	58,7	59,4	59,7	60,7	69,8
из них работающие пенсионеры	-	-	2,9	3,8	4,1	4,2	4,3	10,8
безработные	-	-	2,4	1,8	1,7	1,7	2,5	1,4
экономически неактивное население	-	-	38,8	39,5	38,9	38,6	36,7	28,9
из него неработающие пенсионеры	-	-	16,1	15,1	15,1	14,3	12,7	12,5

Источник: официальные данные Росстата.

- в общей численности бедного населения широко представлены работающие;
- гендерно-возрастной состав бедного населения на протяжении рассматриваемого периода претерпевает незначительные изменения. В частности, в последние годы среди бедных несколько увеличивается представительство детей в возрасте 0–16 лет, а также молодежи в возрасте 16–30 лет. Кроме этого в структуре бедного населения вплоть до 2009 г. стабильной остается доля женщин пенсионных возрастов (на уровне чуть менее 10%), что в несколько раз превосходит долю аналогичной группы мужчин по причине существующей гендерной асимметрии в составе российского населения старших возрастов.

Таблица 3. Риски бедности среди экономических и социально-демографических групп населения, процент от численности группы, 2000, 2007-2009 гг.

Показатель	2000 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Все население	29,1	13,3	13,4	13,2
По месту проживания				
Проживающие в городах	25,0	10,8	10,6	10,5
Проживающие в сельских поселениях	34,2	20,2	21,1	20,7
По половозрастным группам				
Дети в возрасте до 16 лет	37,7	17,2	18,0	18,3
Население трудоспособного возраста,	30,4	13,0	13,0	12,9
в том числе:				
молодежь в возрасте 16-30 лет	27,9	14,1	14,5	14,6
мужчины в возрасте 31-59 лет	28,0	12,3	12,1	12,1
женщины в возрасте 31-54 лет	35,0	12,3	12,2	12,0
Население старше трудоспособного возраста	18,5	10,7	10,4	9,2
в том числе:				
мужчины в возрасте 60 лет и более	15,3	12,3	12,0	9,7
женщины в возрасте 55 лет и более	19,6	10,1	9,8	9,1
По отношению к экономической активности (для лиц в возрасте 15 лет и старше)				
Экономически активное население	-	11,8	11,7	11,8
в том числе:				
занятые в экономике	-	11,7	11,5	11,5
из них работающие пенсионеры	-	6,1	5,7	5,3
безработные	-	22,6	25,3	23,6
Экономически неактивное население	-	16,5	17,7	16,8
из него неработающие пенсионеры	-	14,4	14,9	13,4

Источник: официальные данные Росстата.

Таким образом, в целом на фоне двукратного сокращения уровня бедности за период экономического роста в России соотношение представительства основных социально-демографических групп в структуре бедного населения не изменилось. По-прежнему самая массовая категория — это население в трудоспособном возрасте, среди которого по рискам бедности лидирует молодежь. Дети устойчиво имеют риск бедности выше среднероссийского уровня, а лица старше трудоспособного возраста, напротив, — ниже. То, что растет значимость экономически неактивных в трудоспособном возрасте, косвенно указывает на серьезные проблемы развития, связанные с рынком труда. Почти каждая пятая бедная семья имеет в своем составе трудоспособного члена, которым зачастую оказывается представитель молодежи мужского пола¹⁴. С другой стороны, 55% неработающих трудоспособных, которые не ищут работу, проживают в бедных семьях.

¹⁴ Выборочное обследование благосостояния домохозяйств в Ленинградской области (программа SPRILO) в апреле-мае 2005 г. (объем выборки — 2690 домохозяйств).

Таблица 4. Риск попадания в число бедных, процент от численности домохозяйств заданного демографического типа, 2005 г.

Демографический тип семьи	Все семьи	Бедные по доходам	Бедные по лишениям	Бедные по немонетарной субъективной бедности
Семьи с детьми:	100,0	43,5	21,9	18,7
супружеские пары с 1 ребенком	100,0	25,8	10,7	11,5
супружеские пары с 1 ребенком и другими родственниками	100,0	30,5	22,2	7,7
супружеские пары с 2 и более детьми	100,0	52,6	14,5	16,2
супружеские пары с 2 и более детьми и другими родственниками	100,0	55,8	28,3	18,9
одинокие матери (отцы) с детьми	100,0	41,8	21,4	34,3
одинокие матери (отцы) с детьми и другими родственниками	100,0	54,3	34,3	29,0
Семьи без детей:	100,0	17,9	29,0	30,9
одинокими пенсионного возраста	100,0	11,0	49,1	50,3
одинокими трудоспособного возраста	100,0	24,6	17,2	29,7
супружеские пары в пенсионном возрасте	100,0	5,4	39,7	31,4
супружеские пары в трудоспособном возрасте	100,0	21,4	14,0	14,0
другие семьи без детей	100,0	26,9	24,8	34,4
Все семьи в среднем	100,0	25,7	28,5	42,3

Источник: рассчитано по данным выборочного обследования 2690 домохозяйств Ленинградской области (программа SPRILO).

При использовании альтернативных критериев измерения бедности наблюдаются существенные изменения в профиле бедности (табл. 4). В целом тенденция практически двукратного сокращения численности населения с душевыми доходами ниже прожиточного минимума не находит должного отклика в динамике потребления (относительные лишения) и субъективных ощущений. Пенсионеры, отличающиеся низкими рисками бедности по доходам, являются лидерами по немонетарной субъективной и относительной бедности. Семьи с детьми, наоборот, характеризуются высоким уровнем монетарной абсолютной бедности, и только неполные семьи среди них приближаются к семьям пожилых по распространенности лишений и субъективной бедности. Тот факт, что различия в профиле бедности проявились в основном в отношении домохозяйств с детьми и пожилыми, предопределил целесообразность рассмотрения многокритериальных линий бедности отдельно для семей с детьми и семей с пенсионерами.

Данный результат эмпирически доказывает, что качественная неоднородность бедности, идентифицируемая при использовании различных критериев, продолжает сохраняться и на фазе экономического подъема. Это доказывает необходимость, во-первых, включения альтернативных измерений в постоянный мониторинг бедности; во-вторых, разработки дифференцированной политики содействия сокращению бедности.

Рисунок 4. Уровень бедности на основе альтернативных критериев для семей различного социально-демографического состава, процент

Источник: данные РидМиЖ, КПДХ-2010.

Обратимся к данным выборочного обследования «Кризис и поведение домохозяйств» (КПДХ- 2010), которое было проведено в 2010 г. по репрезентативной общероссийской выборке (объем выборки — 3 140 домохозяйств) (рис. 4). Очевидно, что в 2010 г. абсолютная монетарная бедность домохозяйств пожилых практически ликвидирована, поскольку за год до проведения обследования в России была принята программа гарантий индивидуальных доходов пенсионеров на уровне регионального прожиточного минимума для лиц старше трудоспособного возраста. В свою очередь это способствовало сокращению субъективной бедности, но бедность по лишениям продолжает оставаться максимальной среди домохозяйств пожилых. Семьи с детьми стали лидерами по субъективной бедности, и в большинстве случаев она выходит за рамки дефицита доходов и текущего потребления. Субъективно бедные

семьи с детьми пессимистично оценивают свои шансы дать детям образование и улучшить жилищные условия.

Представленные выше результаты эмпирических исследований наглядно показывают необоснованность приоритетной ориентации на монетарные линии бедности. Использование альтернативных немонетарных измерений существенно меняет не только масштаб, но и профиль бедности, и не только потому, что осуществляется переход к линиям бедности более высокого порядка, но и потому, что часть домохозяйств в данном случае теряют статус бедности.

ПЕРЕХОД НА СТАНДАРТЫ ОЭСР: ЧТО ИЗМЕНИТСЯ В ИЗМЕРЕНИИ БЕДНОСТИ?

Рассматривая проблемы бедности, нельзя оставить без внимания еще один важный методологический аспект измерения, связанный с применением в большинстве развитых стран при сравнении доходов семей различного состава **эквивалентных** душевых доходов, позволяющих учитывать эффект экономии на масштабах, возникающий при совместном проживании нескольких членов семьи. Следует подчеркнуть, что российская статистика не использует эквивалентные душевые доходы и опирается на оценки средних доходов в расчете на душу, полученные простым делением общего дохода на количество членов домохозяйства. Использование данных шкал особенно принципиально в случаях, когда речь идет о социальных программах поддержки бедных семей, поскольку именно в этих программах оценивают душевые, а не индивидуальные доходы членов домохозяйства. В России в настоящее время реализуется как минимум две программы предоставления пособий бедным семьям (ежемесячное пособие для детей из бедных семей и доплата пенсионерам до величины прожиточного минимума), и обе они не используют эквивалентных шкал. Вместе с тем, и линии бедности США (федеральная и социальная), и линия минимального гарантированного дохода Франции учитывают эффект экономии на размере семьи¹⁵.

На самом общем виде шкалы эквивалентности описываются 3.1:

$$\text{Эквивалентные доходы} = \text{Совокупные доходы}/n^\theta, \quad (3.1)$$

где n — число членов домохозяйства;

θ — эластичность семейных потребностей в зависимости от размера семьи.

Когда θ равно 0, эквивалентный доход совпадает с совокупным доходом семьи и не зависит от числа членов в данном домашнем хозяйстве; когда θ равняется 1, доход оценен в подушевых терминах, и предполагается, что экономии на масштабах нет¹⁶.

Эффект экономии на масштабах связан с тем, что по мере увеличения размера семьи использование общесемейных благ становится более интен-

¹⁵ Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. Учреждение Российской академии наук Ин-т соц. эконом. проблем народонаселения РАН. М.: М-Студио, 2009.

¹⁶ Buhmann B., Rainwater L., Schmaus G. and Smeeding T. Equivalence Scales, Well-Being, Inequality, and Poverty: Sensitivity Estimates Across Ten Countries Using the Luxembourg Income Study (LIS) Database. / Review of income and wealth, 1998, vol. 34, pp. 115–144.

сивным, вследствие чего индивидуальные потребительские расходы снижаются. Например, семье независимо от количества ее членов требуется один холодильник, одна стиральная машина, один кухонный стол и т. д.; расходы на жилищно-коммунальные услуги в расчете на одного члена домохозяйства с ростом семьи также падают.

Экономия от совместного проживания проявляется в основном при пользовании благами общесемейного характера. Однако блага индивидуального пользования также могут служить источником экономии на масштабах. Например, одежда и питание — это индивидуальные блага, но в больших семьях существует эффект экономии за счет «большого котла», а в многодетных семьях одежда может передаваться младшим детям. Таким образом, потребительские расходы семьи из нескольких человек оказываются существенно ниже, чем расходы нескольких домохозяйств, каждое из которых состоит из одного индивида.

Рост количества источников экономии на масштабах в российских семьях в последнее время не позволяет игнорировать использование шкал эквивалентности для России. Впервые оценка коэффициентов экономии на масштабах методом Ротбара для Российской Федерации была осуществлена на базе обследования Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)¹⁷. Следуя логике Ротбара, они использовали в качестве «взрослого продукта» три характеристики питания: среднее дневное потребление энергии, выраженное в ккал., потребление белка (грамм) и потребление жира (грамм). По мнению исследователей, наилучший взрослый продукт — белок, а два других продукта исследовались для выяснения устойчивости результатов по экономии в размере семьи.

Рассчитав коэффициенты эквивалентности отдельно для женщин и мужчин и используя анализ потребления всех трех продуктов, во всех случаях они получили схожие результаты. Данный анализ стал возможным благодаря информации об индивидуальном потреблении белка, жира, углеводов и соответственно калорийности питания респондентов за 24-часовой период времени.

Теоретические и эмпирические аспекты моделирования эквивалентных шкал рассматривались и в работах Подузова и Кукушкина¹⁸, в которых авторы рассчитали шкалу эквивалентности для России на базе модели Энгеля (Engel), основываясь на зависимости $\ln \text{ПП} = a + b/\text{ПР}$, где ПП — расходы на продукты питания, ПР — потребительские расходы. В следующей работе они использовали уравнение Уоркинга-Лесера (Working-Leser). Данная работа интересна тем, что авторы сравнивают два способа расчета шкал эквивалентности: метод Энгеля и метод Ротбара и приходят к выводу, что коэффициенты эквивалентности, рассчитанные по методу Ротбара, являются значительно более «жесткими», чем по методу Энгеля. В то же самое время коэффициенты, рассчитанные по методу Энгеля, оказались «неправдоподобно низкими».

¹⁷ Мажина М.А., Попкин Б., Батурич А.К. Методы обоснования прожиточного минимума в Российской Федерации // Бедность: взгляд ученых на проблему. — М.: ИСЭПН РАН, 1994.

¹⁸ Подузов А.А., Кукушкин Д.К. Бедность в Москве // Вопросы экономики. 1997. № 7.; Подузов А.А., Кукушкин Д.К. Бедность в России: масштабы и структурные особенности // Проблемы прогнозирования. 1999. № 1.; Подузов А.А., Кукушкин Д.К. Шкала эквивалентности как инструмент измерения уровня жизни // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4.

Все ранее разработанные для российских данных шкалы эквивалентности имеют ряд недостатков. Прежде всего, все они были рассчитаны на небольших массивах данных. К тому же ряд из них имеет очень «жесткие» коэффициенты, которые при их применении на практике могут привести к дискриминации многолетних семей — наиболее уязвимой группы с точки зрения риска попадания в бедность.

С появлением массива Национального обследования благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС) (объем выборки — более 44 тыс. домохозяйств) открылись возможности для расчета эмпирической шкалы, разработанной специально для России на основе массива данных достаточного размера, и такая шкала была рассчитана И. И. Корчагиной¹⁹ (табл. 5). Данная шкала имеет ряд преимуществ по сравнению со всеми ранее рассчитанными на российских данных. Поскольку в ее основе лежит метод Энгеля, который оценивает связь доли расходов на питание и жизненного уровня домохозяйства в зависимости от его состава, полученные коэффициенты оказались достаточно «мягкими», что позволяет избежать дискриминации многолетних семей. В отличие от классических «чистых» показателей потребительских расходов, показатель благосостояния, используемый для расчета данной эмпирической шкалы, включает расходы на питание вне дома и оценку стоимости самостоятельно произведенных продуктов питания, что позволяет в полной мере учесть различия в потребительских расходах между городом и селом. Наконец, выборка была ограничена домохозяйствами, показатель благосостояния которых близок к величине прожиточного минимума (50–150% ПМ), то есть малоимущими слоями населения, имеющими похожую структуру доходов и расходов, что увеличивает точность анализа.

Оказалось, что экономия на масштабах потребления в большей степени зависит от размера семьи и практически не зависит от ее состава, в связи с этим расчетная шкала эквивалентности учитывает только размер домохозяйства. Расчетные коэффициенты для семей разного размера приведены в таблице 5. Рассчитанная шкала эквивалентности, которую мы далее будем называть национальной эмпирической, имеет более «мягкий» характер по сравнению с «оксфордской» шкалой, что лучше соответствует структуре потребления российских семей.

На примере данных «Кризис и поведение домохозяйств» за 2010 г. (КПДХ-2010) протестируем эффекты внедрения данного инструмента анализа для российских семей. Проведем расчеты доходов по шкале эквивалентности ОЭСР²⁰, а также по шкале Корчагиной, которая более адаптирована к российской модели потребления. Забегая вперед, отметим, что внедрение шкал приведения доходов к сопоставимому виду снижает дифференциацию и чем выше коэффициент эластичности шкалы, тем больше сжимается неравенство. Следовательно, высокое доходное неравенство в России обусловлено не только

¹⁹ Корчагина И. И. Разработка регионального инструментария измерения бедности для целей адресных социальных программ для бедных. Сб.: Социальная политика: реалии 21 века. Выпуск 3: ГРЗ/2007. Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 3–31.

²⁰ На данный момент официальной шкалой Евростата является модифицированная «оксфордская» шкала с коэффициентом эластичности 0,53. Согласно модифицированной шкале, потребление первого взрослого члена домохозяйства имеет вес, равный 1, каждого следующего взрослого — 0,7, а каждого ребенка — 0,5.

Таблица 5. Шкала эквивалентности, рассчитанная для России на основе структуры расходов домохозяйств с располагаемыми ресурсами, близкими к линии бедности

	Размер домохозяйства, чел.									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Коэффициенты эквивалентности	1,00	1,77	2,43	3,10	3,83	4,6	5,36	6,13	6,89	7,66

Источник: расчеты Корчагиной И.И. на основании данных НОБУС-2003.

спецификой экономического развития, но и особенностями инструментария, используемого для измерения доходной обеспеченности.

Важно отметить, что официальные показатели бедности, рассчитываемые Евростатом, базируются на относительной линии бедности и денежных доходах в качестве показателя благосостояния. Таким образом, бедными признаются индивиды, чьи эквивалентные располагаемые доходы находятся на уровне ниже 60% национального медианного дохода. Как уже отмечалось выше, такой подход гарантирует не только физиологическое выживание, но и учитывает факт исключенности из социокультурных стандартов и норм общественной жизни (доступ к образованию, информации, общению и пр.).

Результаты экспериментального расчета относительной монетарной линии на российских данных и последующего ее сравнения с действующей абсолютной линией бедности свидетельствуют о том, что разрыв между уровнями бедности, определяемыми данными границами, не сокращается по мере экономического развития, а наоборот, растет. Так, в 2003 г. относительная линия бедности составляла 114% от прожиточного минимума, а в 2010 г. — 119%. Обусловлено это тем, что на этапе экономического роста, как и в ходе экономического кризиса, наблюдался рост дифференциации доходов. Соответственно, и уровень бедности при переходе от абсолютной к относительной монетарной линии бедности увеличивался. Например, в 2010 г. эта разница составила более 9 п. п.

Внедрение шкалы эквивалентных доходов, соответствующей стандартам ОЭСР, сокращает уровень абсолютной бедности более чем в 2 раза (с 23,6% до 10,3% в 2010 г.), при этом уровень относительной бедности мало чувствителен к эффектам эквивалентных шкал (табл. 6). Таким образом, 32% населения по негенерализованным данным и 21% населения по генерализованным по пятипроцентным группам данным можно отнести к относительно бедным при внедрении шкалы эквивалентных доходов ОЭСР (или 45,3 млн. чел. без применения процедур генерализации и 29,7 млн. чел. при применении процедур генерализации). При использовании генерализованных данных по показателю уровня бедности Россия оказывается близка к постсоциалистическим либеральным странам: Латвии (где относительно бедными в соответствии с данными Евростата являются 25,7% населения), Румынии (22,4%), Болгарии (21,8%), Литве (20,6%), Эстонии (19,7%).

При этом важно иметь в виду сопоставление не только показателей бедности, но и подходов к ее анализу. Так, несмотря на применение единой относительной черты бедности Евростатом, отличительной особенностью европейского стандарта является применение различных линий бедности для решения разных социально-экономических задач. В частности, многие европейские страны используют другие линии бедности для регулирования

Таблица 6. Уровень абсолютной и относительной бедности при использовании эквивалентных шкал в разрезе социально-демографических типов домохозяйств и типов поселения, процент от численности населения группы, 2010 г.

	Абсолютная бедность			Относительная бедность		
	душевой доход	эквивалентный доход, шкала Корчагиной	эквивалентный доход, шкала ОЭСР	душевой доход	эквивалентный доход, шкала Корчагиной	эквивалентный доход, шкала ОЭСР
Все домохозяйства	23,6	17,1	10,3	32,7	32,8	31,7
Социально-демографический тип домохозяйства						
Молодая семья без детей	4,3	4,3	4,3	6,9	8,3	9,7
Молодая семья с детьми	13,7	13,7	8,1	16,2	16,2	16,2
Прочие домохозяйства непенсionеров с детьми	35,4	25,9	14,5	45,8	44,4	37,4
Прочие домохозяйства непенсionеров без детей	19,1	14,0	8,7	23,0	25,3	28,9
Смешанные домохозяйства непенсionеров и пенсionеров без детей	17,9	11,7	7,3	25,1	24,9	28,4
Смешанные домохозяйства непенсionеров и пенсionеров с детьми	30,6	22,2	14,7	43,1	40,2	32,3
Домохозяйства пенсionеров	1,7	0,8	0,6	13,7	20,4	30,8
Тип поселения						
Областной центр	8,2	4,7	2,2	15,4	15,3	14,6
Город	19,9	12,5	5,9	31,3	31,4	29,1
Поселок городского типа	39,8	30,9	15,1	41,3	41,5	38,8
Сельский населенный пункт	46,3	36,9	25,8	57,9	58,6	58,1

Примечание. Если генерализировать выборочные данные, то абсолютная бедность 14% от общей численности населения, а относительная – 21%.

Источник: рассчитано на основании данных КПДХ-2010.

адресных программ для бедных, которые, как и в США, определяются как социальный порог бедности. Они существенно ниже относительной линии бедности и ориентируются на некоторый абсолютный стандарт. Выбор более низких социальных линий бедности обусловлен не просто стремлением преодолеть абсолютную бедность, но и желанием сохранить разрыв между размерами социальных пособий для бедных и минимальной заработной платой в пользу последней, а также бюджетными ограничениями по финансированию социальных программ.

Что касается России, то в отличие от стран ОЭСР она не имеет гарантий минимального дохода и пользуется единственной официальной линией бедности как для целей мониторинга, так и для разработки мер политики,

направленной на снижение бедности. Такое узкое понимание сложного явления бедности может приводить к неточным и неполным выводам о ситуации с бедностью в России и, как результат, провоцировать принятие неадекватных или недостаточных мер по борьбе с ней.

НОВАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА БЕДНОСТИ

Результаты исследования свидетельствуют о том, что невозможно сконструировать единую линию бедности для целей текущего мониторинга, прогноза показателей уровня и качества жизни, регулирования социальных программ и международных сопоставлений. Кроме того, экономический рост и кризисы, социальные, политические и культурные трансформации, с одной стороны, успешно преодолевают определенные формы проявления бедности, с другой стороны — создают новые. В этой связи большинство стран пошли по пути разработки нескольких линий бедности, базирующихся на разных методических основаниях, но являющихся непротиворечивыми и состоятельными для решения определенного круга задач.

Это означает, что для различных вопросов мониторингового, прогностического, аналитического, управленческого и политического характера могут использоваться различные линии бедности. Например, в Великобритании относительная монетарная черта бедности используется для целей мониторинга; ненормативная абсолютная — для целей сокращения бедности; многокритериальная, базирующаяся на монетарном относительном и депривационном подходах, — для ликвидации детской бедности и, наконец, множественный индекс депривации разрабатывается для идентификации наиболее депрессивных территорий²¹. Однако методологию построения линии бедности, используемую для целей мониторинга, целесообразно не изменять на протяжении длительного промежутка времени, что позволит выделить чистый эффект динамики уровня бедности за счет фактора социально-экономического развития.

Важной частью мониторинга бедности также должна стать исследовательская компонента, предполагающая регулярные обследования для анализа немонетарной относительной бедности на основе индексов лишений, монетарной и немонетарной субъективной бедности. Второй важной исследовательской компонентой должны стать разработки в области измерения достигнутого уровня благосостояния и качества жизни. Такие обследования целесообразно проводить раз в три года. Обозначенный круг задач эффективно решается, когда национальный мониторинг бедности состоит из постоянной и переменной частей и исследовательские компоненты составляют его переменную часть.

Для целей макроэкономического мониторинга бедности предлагается использовать монетарные абсолютную и относительную и немонетарную субъективную линии бедности с последующей перспективой отказа от абсолютной черты бедности. Для регулирования адресных программ поддержки бедного населения целесообразно использовать абсолютную нормативно-

²¹ Gordon D. et al. Poverty and social exclusion in Britain. Joseph Rowntree Foundation, 2000.

статистическую линию бедности, ориентированную на цены покупки товаров и услуг, и соотношение продуктовой и непродуктовой частей прожиточного минимума во второй децильной группе распределения населения по доходам.

Необходим переход на эквивалентные доходы, и при анализе бедности целесообразно использовать национальную шкалу приведения доходов к сопоставимому виду, учитывающую только эффект экономии на питании. В тех случаях, когда решаемая задача требует сопоставимости доходов домохозяйств, близких к среднему уровню, рекомендуется использовать «оксфордскую» шкалу.

Характеристики текущего благосостояния в монетарном выражении необходимо рассчитывать на основе данных о доходах, расходах и располагаемых ресурсах. Основными немонетарными критериями являются индексы благосостояния, выраженные в виде непрерывных и шкалированных величин.

Оптимизация аналитических, организационных и финансовых возможностей может быть достигнута за счет модульного принципа организации обследований домашних хозяйств. Принцип модульности в данном случае реализуется в трех направлениях. Первое — это создание возможности объединения результатов обследований на основе группировки по ключевым характеристикам домохозяйства. Обзор аналитических потребностей и существующих источников данных о бедности свидетельствует о том, что в дополнение к действующему обследованию бюджетов домохозяйств (ОБДХ), ежеквартально проводимому Росстатом, необходимы еще три регулярных выборочных обследования домохозяйств, содержащих информацию по следующим направлениям: (1) условия и образ жизни населения; (2) доходы и располагаемые ресурсы российских домохозяйств; (3) качество и доступность социальных услуг. Второе направление — выделение постоянной и переменной частей в программе каждого из обследований. И третье — это возможность сбора информации по разным программам от одного и того же источника на протяжении трех лет.

Как уже отмечалось, национальные системы мониторинга большинства развитых стран, в отличие от России, опираются на множество однокритериальных и согласованных линий бедности. Если распространить данный опыт на Россию, то целесообразной представляется разработка трех групп линий бедности, в каждой из которых представлены пороговые значения для выделения общей и экстремальной бедности. *Первая группа* — для целей текущего мониторинга и принятия управленческих решений. Она включает абсолютную монетарную линию бедности, рассчитанную на основе прожиточного минимума, и абсолютную монетарную социальную линию бедности для установления минимального гарантированного дохода. В перспективе целесообразен переход от абсолютного монетарного к относительному монетарному порогу.

Вторая группа — для решения аналитических задач — включает относительную и субъективную немонетарные линии бедности. Для комплексного анализа, включая выделение согласованной бедности, целесообразно использовать три критерия: прожиточный минимум (абсолютная монетарная линия бедности), индекс депривации (относительная немонетарная линия бедности) и субъективную немонетарную линию бедности. В эту группу также включена национальная немонетарная линия, относящаяся к крайне бедным всех, кто имеет уровень потребления калорий ниже рекомендуемого

в соответствии с медицинскими нормами. Необходимость проведения международных сопоставлений обуславливает формирование *третьей группы* линий бедности, объединяющей относительную и абсолютную монетарные границы бедности. Первая определяется на уровне 60% от медианного дохода, а вторая исчисляется исходя из оценки стоимости дневного потребления на уровне 2,15 дол. США, пересчитанного в национальную валюту по паритету покупательной способности.

В развитие национальной методологии определения и измерения бедности предлагается адаптированная к российским условиям немонетарная относительная линия бедности, позволяющая идентифицировать депривации в текущем потреблении. Инструментально она представлена в виде индекса, а относительность определяется тем, что лишениями считаются отклонения от сложившегося в стране среднего стандарта потребления. Предлагаемый список лишений тестировался на консенсуальность и соотнесение со средним стандартом потребления и включает следующие депривации:

В питании:

- семье не хватает средств даже на самые дешевые продукты питания;
- семье не хватает средств на обед или ужин с мясом/рыбой/курицей два раза в неделю;
- из-за недостатка средств, в семье дети не едят фрукты и сладости даже изредка.

В обеспеченности одеждой и обувью:

- семье не хватает средств на обновление верхней зимней одежды членов семьи;
- не хватает средств на обновление и ремонт обуви членов семьи на холодное время года;
- не хватает средств покупать детям новую одежду и обувь по мере их роста.

В обеспеченности предметами длительного пользования, жильем и коммунальными удобствами:

- семье не хватает самой простой мебели, необходимой для повседневной жизни;
- не имеют холодильника и не могут его приобрести;
- не имеют телевизора и не могут его приобрести;
- в жилье нет центрального отопления и не хватает средств для отопления зимой;
- не хватает средств на то, чтобы в срок и в полном объеме заплатить за жилье и коммунальные услуги;
- не хватает средств на то, чтобы сделать экстренный ремонт в жилище.

В потреблении услуг здравоохранения:

- кто-либо не смог получить необходимую медицинскую помощь из-за отсутствия средств;
- кто-либо в семье не смог купить назначенные врачом лекарства из-за отсутствия средств.

В потреблении услуг образования:

- не хватает средств оплачивать пребывание детей в детских садах, яслях;
- в семье есть молодые люди в возрасте до 23 лет включительно, которые не учатся, потому что вынуждены работать.

В потреблении, обусловленном социокультурными нормами поведения:

- не могут организовать ритуальные обряды без обременительных долгов;
- не могут позволить приглашать гостей на праздники или дни рождения.

Следующий важный вопрос — это согласование однокритериальных линий бедности. Результаты эмпирических исследований показывают, что по мере сокращения абсолютной монетарной бедности, анализ которой положен в основу действующего российского мониторинга бедности, согласованность линий бедности снижается. При этом немонетарные относительная и субъективная линии бедности отличаются большей согласованностью друг с другом, нежели с абсолютной монетарной. Более того, полностью консенсуальная линия бедности, согласно которой бедными признаются те, кто имеет доходы ниже прожиточного минимума, испытывает лишения в потреблении и субъективно относит себя к бедным, является хорошим инструментом для идентификации беднейших слоев общества. Для новой модели мониторинга предлагается комбинировать три линии бедности:

- 1) абсолютную монетарную, рассчитанную на основе официального прожиточного минимума;
- 2) депривационную (относительную немонетарную), сконструированную на базе индекса лишений;
- 3) немонетарную субъективную, построенную на основе оценок респондентами своих потребительских возможностей и принадлежности к социальной страте.

Результаты тестирования данного методического подхода на основе данных КПДХ-2010 свидетельствуют о том, что общая бедность распространяется на 53% домохозяйств и 62% населения, но только 6,6% домохозяйств и 8,6% населения одновременно имеют доходы ниже прожиточного минимума, испытывают относительные лишения и субъективно бедны.

Методика комбинирования различных линий бедности решает следующие задачи:

- определяет зону бедности каждой однокритериальной линии бедности;
- фиксируют расширенную зону бедности, которая определяется объединением всех зон однокритериальных линий бедности;
- выделяет устойчивую бедность, которая определяется пересечением всех зон однокритериальных линий бедности.

Рекомендуется использовать данный метод для идентификации длительно или устойчиво бедных, а также в исследовательских и прогностических целях.

Подводя итог рассмотрению теоретико-методологических определений и измерений бедности, важно подчеркнуть, что бедность как экономическая и социальная категория является относительной во времени и пространстве, поэтому подходы к ее измерению постоянно трансформируются под влиянием экономических, социальных, политических и институциональных факторов. Методические подходы к оценке бедности должны быть согласованы с обозначившимися тенденциями динамики развития и достигнутым уровнем экономического, политического и социального развития; с системой приоритетов государственной политики в области экономики и социального

развития; с существующей системой организации источников данных о бедности и перспективами их совершенствования.

Любая концепция определения и измерения бедности предполагает методологическое решение двух принципиальных вопросов. Во-первых, установление черты бедности или того минимального стандарта, уровень ниже которого рассматривается как бедность. Во-вторых, определение таких характеристик уровня и качества жизни домашних хозяйств, сопоставление которых с чертой бедности позволяет отнести семью или индивида к числу бедных. Традиционно выделяют три концептуальных подхода к определению бедности: абсолютный, относительный и субъективный, — и их рассматривают как альтернативные. Вместе с тем альтернативность проявляется не только в концептуальном разрезе, но и в выборе монетарных и немонетарных критериев идентификации бедности.

Однако в монетарном измерении абсолютная, относительная и субъективная линии бедности представляют собой ряд не альтернативных, а эволюционных линий бедности. Относительная выше абсолютной, субъективная, в свою очередь, выше относительной, а денежное измерение снимает проблему исключения из числа бедных при переходе к линиям более высокого порядка. В случае немонетарных линий при переходе от одной линии к другой или от монетарной к немонетарной часть бедных теряет этот статус по той причине, что ряд форм проявления бедности не находит своего отражения в динамике денежных доходов населения. Для повышения степени состоятельности и непротиворечивости оценок бедности используют метод совмещения различных определений, результатом которого является выделение сегментов полностью согласованной, частично согласованной и однокритериальной бедности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бедность и благосостояние домохозяйств Ленинградской области. По результатам выборочного опроса домохозяйств в апреле 2005 г. / под ред. Овчаровой Л. Н.; СПб.: Селеста, 2007.
- Болмалова Т. Ю., Тапилина В. С. Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: методология, методы, математическое моделирование. — 2006. — № 22. — С. 90–113.
- Методы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / Л. И. Нивороженца, Т. М. Малеева, С. В. Шишкин и др.; под ред. Л. Н. Овчаровой; НИСП. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
- Барцалова И. И. Разработка регионального инструментария измерения бедности для целей адресных социальных программ для бедных. Сб.: Социальная политика: реалии 21 века. Выпуск 3: GP3/2007. Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 3–31.
- Можина А. Определение и измерение бедности // Бедность: взгляд ученых на проблему / под ред. Можинной М. А. — М.: ИСЭПН РАН, 1994.
- Можина М. А., Попкин Б., Батурич А. К. Методы обоснования прожиточного минимума в Российской Федерации // Бедность: взгляд ученых на проблему. М.: ИСЭПН РАН, 1994.
- Можина М. А., Овчарова Л. Н., Попова Р. И., Прокофьева Л. М. и др. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Коллективная монография. Науч. докл. / под ред. Т. М. Малевой. Моск. центр Карнеги; Вып. 24. М.: Моск. центр Карнеги, 1998.

Овчарова Л. Н. Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 2011.

Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. Учреждение Российской академии наук Ин-т соц. эконом. проблем народонаселения РАН. М.: М-Студио, 2009.

Подузов А. А., Кукушкин Д. К. Бедность в Москве // Вопросы экономики. 1997. № 7.

Подузов А. А., Кукушкин Д. К. Бедность в России: масштабы и структурные особенности // Проблемы прогнозирования. 1999. № 1.

Подузов А. А., Кукушкин Д. К. Шкала эквивалентности как инструмент измерения уровня жизни // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4.

Buhmann B., Rainwater L., Schmaus G. and Smeeding T. Equivalence Scales, Well-Being, Inequality, and Poverty: Sensitivity Estimates Across Ten Countries Using the Luxembourg Income Study (LIS) Database / Review of income and wealth, 1998, vol. 34, pp. 115–144.

Goedhart T., Halberstadt K. A., Kapteyn A., van Praag B. The Poverty Line: Conception and Measurement // Journal of Human Resources. 1977.

Gordon D. et al. Poverty and social exclusion in Britain. Joseph Rowntree Foundation, 2000.

Mack J., Lansley S. Poor Britain. L.: George Allen & Unwin, 1985.

Rowntree B. Poverty — a study of Town Life. London, Macmillan, 1901.

Rowntree B., Kendall M. How the Laborer Lives. London, Thomas Nelson and Sons, 1913.

Sen A. Commodities and Capabilities. Elsevier Science Publishers, Amsterdam, 1985.

Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. P. The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited, 2009.

Townsend P. Poverty in the United Kingdom. A Survey of household resources and standards of living, N. Y., 1979.

ПОЛИТИКА ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Синявская О.В., к.э.н., заместитель директора НИСП

В 2008–2011 гг. в пенсионную систему были направлены значительные бюджетные средства, позволившие обеспечить беспрецедентный в новейшей истории России рост пенсий. Тем не менее, общественное восприятие старости изменилось мало — она по-прежнему ассоциируется с бедностью и уязвимостью. В статье предпринята попытка объяснить этот парадокс с использованием данных статистики и выборочных обследований населения. Анализируются успехи пенсионной политики последних лет с точки зрения ее влияния на материально-имущественное положение пенсионеров и их семей, а также ограничения этой политики, лежащие как внутри, так и за пределами пенсионной системы.

ВВЕДЕНИЕ

Бедны ли российские пенсионеры? Общественное мнение на этот вопрос дает однозначно утвердительный ответ. В подтверждение такой позиции говорят о том, что на пенсию разве что за квартиру заплатишь, приводят примеры плохо одетых и покупающих лишь самые необходимые и самые дешевые продукты старушек. Противопоставляют нищих российских пенсионеров, никуда дальше садового участка не выезжающих, и обеспеченных, лошенных, активно путешествующих по миру пенсионеров западных стран. Подобная картина общественного восприятия положения пенсионеров остается практически неизменной, несмотря на реализованное в 2008–2010 гг. беспрецедентное повышение пенсий.

Ученые и статистики с этой точкой зрения спорят, и достаточно давно, приводя аргументы о более низких рисках бедности среди пенсионеров и семей с пенсионерами по сравнению с остальным населением, и особенно семьями с детьми¹. Более того, исследования межсемейных финансовых трансфертов (обменов товарами, продуктами и деньгами) свидетельствуют о том, что, как правило, они направлены от старших поколений к младшим, то есть от тех самых, казалось бы, бедных пенсионеров к их, вроде

¹ См., например: Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таган-до» / под ред. Н.М. Римашенской. М., 2001. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография / под ред. Т.М. Малевой. М.: Моск. центр. Карнеги, 1998.

бы, лучше обеспеченным детям и внукам [Денисенко, 1999; Иванова, 2003; Гладникова, 2007].

Автор данной статьи уже обращался к изучению вопросов бедности и уязвимости российских пенсионеров на страницах SPERO [Синявская, 2006; Пишняк и др., 2011]. В 2006 г. нас интересовало, каковы различные аспекты уязвимости пенсионеров и насколько однородна эта социальная группа по состоянию на начало пенсионной реформы. В 2011 г. предметом обсуждения стало то, выиграли или проиграли пенсионеры в период кризиса 2008–2010 гг. В данной статье мы продолжаем анализ материально-имущественного положения пенсионеров в последние годы, но ее фокус будет больше смещен на то, каковы результаты пенсионной политики 2008–2011 г., чего не удалось добиться и каковы пределы подобного повышения пенсий.

Вопросы, на которые мы попытаемся дать ответ в настоящей статье, можно сформулировать следующим образом. В какой степени рост пенсий 2008–2011 гг. повлиял на динамику доходов пенсионеров, их риски иметь доходы ниже величины прожиточного минимума, их субъективные оценки достаточности доходов для жизни? Каково положение пенсионеров и их семей² относительно других социальных групп? И что мешает нам иметь такую же обеспеченную старость, как в наиболее развитых странах?

Для ответа на эти вопросы в статье используются данные статистики и микроданные различных волн панельного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), проведенных Независимым институтом социальной политики (НИСП) в 2004–2011 гг. Поскольку фокус нашего внимания направлен на то, в какой степени бедность пенсионеров преодолевается за счет инструментов пенсионной системы, объектом анализа будут выступать получатели пенсий, независимо от возраста, а не только лица пенсионного возраста.

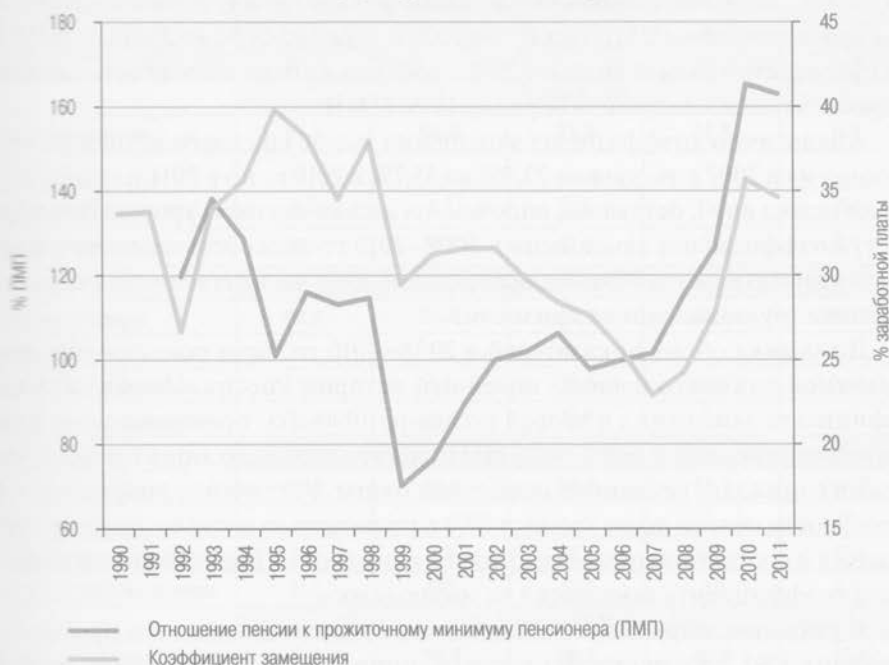
Статья организована следующим образом. Мы начинаем с анализа показателей динамики пенсии как основного параметра пенсионной системы с точки зрения населения и того, как рост пенсий последних лет отразился на величине доходов пенсионеров — личных и их домохозяйств. В следующем разделе речь пойдет о различных аспектах бедности семей с пенсионерами и их динамике за последние годы. Наконец, мы обсудим вопрос взаимосвязей пенсионной системы и рынка труда в контексте формирования благосостояния пенсионеров и связанные с этим ограничения по дальнейшему повышению уровня жизни пенсионеров.

ДИНАМИКА ПЕНСИЙ И ДОХОДОВ ПЕНСИОНЕРОВ

О материально-имущественном положении пенсионеров часто судят на основе данных об уровне пенсий, в том числе по отношению к показателям, характеризующим официальную черту бедности (прожиточному минимуму)

² В тексте данной статьи слова «семья» и «домохозяйство» используются в качестве синонимов.

Рисунок 1. Динамика отношения среднемесячной пенсии к среднемесячной заработной плате (коэффициент замещения) и прожиточному минимуму пенсионера, в среднем за год, процент

Источник: рассчитано по данным Росстата.

и доходы трудоспособного населения (заработной плате). В первом случае косвенно оценивается покупательная способность пенсии, во втором — то, в какой мере пенсия замещает утраченный заработок³. Отчасти оперирование этими показателями оправданно, поскольку государственная пенсия — ключевой параметр пенсионной системы — должна обеспечивать ее получателю, по меньшей мере, минимальные стандарты потребления, достаточные для того, чтобы человек, который не хочет или не может дополнять эту пенсию иными источниками доходов, сумел выжить. По возможности же, такая пенсия должна страховать человека от резкого падения доходов при переходе от занятости к неактивности на пенсии.

Данные рисунка 1 с убедительностью свидетельствуют о том, что хотя в «нулевые» годы средняя пенсия и не опускалась ниже прожиточного минимума, как это было во второй половине 1990-х гг., но и оторваться от этой черты ей не удалось. Несмотря на то, что пенсии дифференцированы слабо,

³ В этом смысле корректнее, безусловно, было бы оценивать индивидуальный коэффициент замещения, характеризующий отношение назначенной пенсии к последнему заработку или заработку за всю трудовую карьеру. Или хотя бы вычислять отношение пенсии новых пенсионеров к нетто-заработку (т.е. тому, что получают работники на руки, за вычетом подоходного налога) лиц предпенсионных возрастов. Однако дискуссия о способах расчета коэффициентов замещения выходит за рамки настоящей статьи и, в отсутствие других доступных данных, в ней приводится традиционно используемое в России соотношение средней пенсии всех пенсионеров к средней по экономике начисленной заработной плате.

это означает, что определенная часть пенсионеров получала пенсию в размере ниже прожиточного минимума. Перелом в этой тенденции наступил в кризисный 2008 г., когда средняя пенсия превысила величину прожиточного минимума пенсионера (ПМП) на 15%, в 2009 г. — уже на 27%, а в 2010 г. — на 65%. По предварительным оценкам, в 2011 г. рост данного показателя остановился и средняя пенсия составила порядка 163% ПМП.

Аналогично коэффициент замещения вырос со своего исторического минимума в 2007 г. на уровне 22,9% до 35,7% в 2010 г., но в 2011 г. показатель также пошел вниз, оставаясь, впрочем, на весьма высоком уровне. При этом росту коэффициента замещения в 2008–2010 гг. способствовали не только усилия правительства РФ по повышению пенсий, но и негативная динамика на рынке труда, вызванная кризисом.

Динамика обоих показателей в 2008–2010 гг. была поистине беспрецедентной для всего периода новейшей истории России. Повышение коэффициента замещения в первой половине 1990-х гг. происходило на фоне снижения отношения пенсии к ПМП и по сути отражало лишь тот факт, что пенсия снижалась медленнее заработной платы. Увеличение покупательной способности пенсии после кризиса 1998 г. происходило после ее драматического падения и соответственно с очень низких значений. При этом аналогичного роста коэффициента замещения не наблюдалось.

В реальном выражении пенсия в последние годы наконец превысила величину 1991 г. Если строить расчеты, опираясь на публикуемые Росстатом данные о реальном размере пенсии в процентах к предыдущему году, то в 2009 г. пенсия вплотную подобралась к уровню 1991 г., в 2010 г. превысила его уже на 32,9%, а в 2011 г. — на 34,5%. Альтернативные расчеты, основанные на также публикуемых Росстатом данных о номинальном размере пенсий и ежемесячном индексе потребительских цен, рисуют еще более благополучную картину: уровень 1991 г. был преодолен в 2008 г., и к 2011 г. реальная пенсия превышала этот уровень — по разным оценкам — на 67,3% — 84,5%⁴, то есть более чем в полтора раза.

Таким образом, если судить по этим показателям, то, во-первых, можно сделать вывод о заметном увеличении доходов пенсионеров от пенсии в последние годы. Во-вторых, с формальной точки зрения пенсионная система обеспечивает нынешним пенсионерам более высокий уровень жизни, чем в 1991 г.

Тем не менее, пенсия — хотя и основной, но не единственный источник доходов населения в пенсионных возрастах. По российскому законодательству пенсионеры имеют право работать, сохраняя возможность получать и заработную плату, и пенсию в полном объеме. Кроме того, многие пенсионеры имеют право на получение натуральных льгот или, начиная с 2005 г., ежемесячных денежных выплат (ЕДВ). Наконец, некоторая часть людей дополняет свои

⁴ Расхождения в оценках связаны с тем, что Росстат периодически пересчитывает основные макроэкономические показатели. И соответственно использование данных об индексе потребительских цен из различных сборников Росстата, опубликованных в разное время, может приводить к вариации в оценках.

Таблица 1. Распределение пенсионеров по 20-процентным (квнтильным) группам по уровню личных доходов, процент по строке

Категория респондентов	Квнтильные группы по уровню личных доходов				
	1 - нижние 20%	2	3	4	5 - верхние 20%
	РидМиЖ-2004				
Все пенсионеры	15,1	40,3	21,3	14,8	8,5
в том числе:					
работающие пенсионеры	0,8	5,5	21,9	42,6	29,1
неработающие пенсионеры	20,6	53,5	21,0	4,3	0,7
	РидМиЖ-2007				
Все пенсионеры	20,3	34,6	20,8	13,6	10,7
в том числе:					
работающие пенсионеры	2,7	5,8	19,2	36,0	36,4
неработающие пенсионеры	26,9	45,3	21,3	5,4	1,1
	КПДХ-2010				
Все пенсионеры	15,6	31,4	25,0	16,2	11,7
в том числе:					
работающие пенсионеры	2,6*	3,3	18,8	38,2	37,2
неработающие пенсионеры	21,1	43,3	27,7	6,9	1,1*
	РидМиЖ-2011				
Все пенсионеры	9,5	29,7	26,5	18,8	15,6
в том числе:					
работающие пенсионеры	1,8	6,2	20,7	37,8	33,6
неработающие пенсионеры	14,1	44,1	30,1	7,0	4,6
для справки - непенсионеры	24,5	14,6	16,9	22,1	21,9

Примечание. * число наблюдений менее 10.

Источник: данные обследований РидМиЖ 2004, 2007 и 2011 гг. и КПДХ-2010.

пенсии доходами от личных подсобных хозяйств, помощью родственников, доходами от сдачи в аренду недвижимости и пр.

В таблице 1 представлено распределение пенсионеров по 20-процентным (квнтильным) группам по уровню личных доходов, полученное на странственных репрезентативных данных четырех обследований — трех волн РидМиЖ (2004, 2007 и 2011 гг.) и обследования КПДХ, проведенного в 2010 г. на панели РидМиЖ, но с меньшим размером выборки. Сравнение оценок по этим четырем точкам показывает, что пенсии играют значительную роль в динамике личных доходов пенсионеров. В период с 2004 по 2007 гг., когда рост пенсии отставал от роста заработной платы, а средний размер пенсии устойчиво колебался вокруг ПМП, доля пенсионеров в нижней квнтильной группе увеличилась. В последующие годы удельный вес пенсионеров с самыми низкими доходами последовательно снижался и, напротив, росло их представительство в 4-й и 5-й квнтильных группах. И хотя больше всего пенсионеров по-прежнему оказывается во 2-й квнтильной группе, в целом распределение по доходам в 2011 г. по сравнению с 2004 г. уже больше

смещено в сторону относительно высоких доходов. Вместе с тем даже в 2011 г. одной только пенсии по-прежнему недостаточно для того, чтобы пенсионер мог оказаться в составе двух наиболее высокодоходных групп населения; для этого требуется получать еще и зарплату.

Сопоставление того, как распределяются по уровню личных доходов пенсионеры и непенсионеры, показывает, что непенсионеры чаще представлены в крайних 20-процентных группах, тогда как пенсионеры сосредоточены посередине, а свыше 2/3 работающих пенсионеров — в двух верхних квинтильных группах.

То обстоятельство, что значительная часть российских пенсионеров проживает в сложных домохозяйствах вместе с непенсионерами и, возможно, детьми, заставляет в изучении благосостояния пенсионеров перейти от их личных доходов к душевым доходам домохозяйств. Среди факторов, влияющих на величину душевых доходов домохозяйств, типологизированных по наличию в них пенсионеров, важную роль играют: во-первых, удельный вес пенсии, во-вторых, наличие в домохозяйстве занятых и, наконец, детей. Доходы домохозяйств, имеющих в своем составе пенсионеров, в последние годы росли под влиянием пенсионной политики государства. Работающие пенсионеры приносят в домохозяйство и заработок, и пенсию, тем самым, обеспечивая более высокие душевые доходы. Присутствие детей снижает душевые доходы.

Распределение домохозяйств по величине среднедушевых доходов зависит от процедуры расчета этих доходов. Если мы просто делим доход домохозяйства на число его членов, как это принято в российских статистических и научных публикациях, мы по сути исходим из представления, что расходы домохозяйства растут пропорционально числу его членов. И, например, домохозяйство из двух человек будет иметь вдвое большие расходы, чем домохозяйство из одного человека при абсолютно одинаковой модели потребления. В реальности, конечно, это не вполне корректное допущение, поскольку есть расходы, которые более-менее постоянны для домохозяйств любого размера или растут меньшими темпами, чем прирастает домохозяйство (например, квартплата для двоих не вдвое больше, чем для одного). Сложность, однако, состоит в том, как определить экономию в потреблении от каждого дополнительного члена домохозяйства. Корректные оценки шкал эквивалентности, позволяющих учесть экономию от дополнительных членов домохозяйства разного возраста, должны базироваться на результатах регрессионного оценивания данных, получаемых из обследований потребления домохозяйств⁵. В трансформирующихся экономиках эти оценки должны периодически пересматриваться.

Вместе с тем, поскольку в данной работе мы не ставим целью глубокое и всестороннее изучение бедности российских домохозяйств, а лишь ис-

⁵ См., например: *Корчагина И.И.* Разработка регионального инструментария измерения бедности для целей адресных социальных программ для бедных. Финальный отчет по гранту НИСП. 2006 г. // Сайт Независимого института социальной политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socpol.ru/grantprog/reports.shtml#r>, свободный.

Таблица 2. Распределение домохозяйств с пенсионерами по уровню душевых доходов, процент по строке

Тип домохозяйства	Квинтильные группы по уровню душевых доходов				
	1 - нижние 20%	2	3	4	5 - верхние 20%
Только пенсионеры	2,3	11,0	30,9	28,0	27,8
в том числе все пенсионеры и инвалиды	2,9	16,7	43,9	23,5	12,9
... из работающих пенсионеров	1,3	1,9	10,1	35,1	51,7
Пенсионеры и другие	21,1	22,5	21,0	19,4	16,0
в том числе все пенсионеры и инвалиды	28,5	26,0	22,0	14,7	8,7
... из работающих пенсионеров	9,5	17,1	19,5	26,6	27,3
Без пенсионеров	22,8	20,3	17,3	18,8	20,7

Примечание. Душевые доходы рассчитаны простым делением совокупного дохода домохозяйства на число его членов и скорректированы с учетом соотношения региональных и общероссийского прожиточных минимумов.

Источник: данные РидМиЖ-2011.

Используем различные подходы к измерению доходов и бедности домохозяйств для оценки результативности пенсионной политики последних лет, вполне возможно в качестве иллюстрации влияния эффекта экономии применить действующую шкалу эквивалентности, разработанную для стран-членов ОЭСР. В этой шкале потребление первого взрослого члена домохозяйства оценивается на уровне 100%, потребление каждого последующего взрослого (15 лет и старше) — на уровне 50% от потребления первого, а потребление каждого ребенка — на уровне 30% от потребления первого взрослого члена домохозяйства. Распределение домохозяйств разного типа по душевым доходам, посчитанным без использования шкал эквивалентности, представлено в *таблицах 2 и 3*, а использованием шкалы ОЭСР — в *таблице 3*.

Очевидно, что использование шкал эквивалентности увеличивает душевые доходы домохозяйств, состоящих из нескольких человек, что отражается в распределении домохозяйств (*табл. 3*). В частности, более скромными оказываются душевые доходы одиноких пенсионеров. Тем не менее принципиально картину оно не меняет: независимо от способа подсчета душевых доходов в 2011 г. семьи, состоящие только из пенсионеров, значительно реже имели доходы на уровне 1-го квинтиля и относительно чаще были представлены в домохозяйствах с доходами на уровне 3–4-го квинтилей.

При этом сравнение данных о душевых доходах, подсчитанных без применения шкал эквивалентности, за 2011 г. с данными 2007 и 2010 гг. показывает, что душевые доходы «чистых» домохозяйств пенсионеров заметно выросли: в 2007 г. эти домохозяйства концентрировались в основном во 2-м и 3-м квинтилях; в 2010 г. — преимущественно в 3-м и 4-м, тогда как во 2-й и 5-й квинтили попадало порядка 1/5 домохозяйств. В 2011 г., как показывает *таблица 2*, эта категория домохозяйств представлена в 3–5-м квинтилях.

Таблица 3. Распределение домохозяйств с пенсионерами и детьми по уровню душевых доходов, в том числе посчитанных с применением шкалы эквивалентности, процент по строке

Категория респондентов	Способ расчета душевых доходов	Квинтильные группы по уровню личных доходов				
		1 - нижние 20%	2	3	4	5 - верхние 20%
Одиноко проживающие пенсионеры	П	1,7	12,4	29,9	28,5	27,5
	Э	17,9	28,2	23,0	19,4	11,5
Д/х пенсионеров, где число пенсионеров больше 1	П	2,7	12,2	28,3	28,9	27,9
	Э	5,7	19,7	24,9	24,3	25,3
1 пенсионер с непенснерами, среди которых есть дети	П	29,1	25,1	20,3	13,5	12,0
	Э	24,2	24,6	19,4	16,8	14,9
Д/х, состоящие из пенсионеров и непенсионеров, вкл. детей	П	27,0	27,0	23,1	12,8	10,1
	Э	22,3	21,1	26,7	15,4	14,5
1 пенсионер с непенснерами, без детей	П	12,7	18,2	20,8	24,6	23,7
	Э	17,1	18,1	19,9	23,5	21,3
Д/х, состоящие из пенсионеров и непенсионеров, без детей	П	12,1	20,5	23,0	23,2	21,3
	Э	14,0	19,3	22,2	22,0	22,4
Д/х непенсионеров с детьми	П	28,7	24,3	17,3	16,0	13,7
	Э	25,2	22,1	18,1	17,0	17,6
Одиноко проживающие непенсионеры	П	8,0	8,3	11,7	24,1	47,9
	Э	17,1	11,8	19,4	23,4	28,3
Д/х непенсионеров, без детей	П	12,5	13,0	19,3	25,5	29,8
	Э	15,7	12,9	19,1	25,0	27,3

Обозначения: П - душевые доходы рассчитаны простым делением совокупного дохода домохозяйства на число его членов; Э - душевые доходы рассчитаны с применением шкалы эквивалентности ОЭСР (веса: 1 - первый взрослый член домохозяйства; 0,5 - каждый последующий взрослый член домохозяйства 15 лет и старше; 0,3 - каждый ребенок).

Примечание. Доходы скорректированы с учетом соотношения региональных и общероссийского прожиточных минимумов.

Источник: РидМиЖ-2011.

Сочетание выросшей пенсии и доходов от занятости в домохозяйствах пенсионеров, где кто-нибудь из них работает, приводит к потрясающим результатам: свыше половины таких домохозяйств имеют доходы на уровне верхнего 5-го квинтиля, и еще свыше трети — на уровне 4-го. При использовании шкалы эквивалентности ОЭСР эти цифры немного падают, но и тогда три из четырех «чистых» домохозяйств пенсионеров, имеющие в своем составе занятых, относятся к верхним 40% по уровню душевых эквивалентных доходов.

Уровень доходов смешанных домохозяйств пенсионеров и непенсионеров зависит от того, есть ли в них дети и работающие пенсионеры (табл. 2 и 3). При этом часто смешанные домохозяйства пенсионеров и непенсионеров без детей имеют в своем составе работающих пенсионеров, тогда как в смешанных домохозяйствах с пенсионерами и детьми работающие пенсионеры

встречаются реже. Соответственно в первом случае пенсии чаще дополняются более высокими доходами от занятости, а во втором, напротив, высока казенническая нагрузка. В результате доходы этих двух подгрупп внутри категории «смешанные домохозяйства с пенсионерами и другими» распределены противоположным образом. По данным *таблицы 2* свыше половины смешанных домохозяйств с неработающими пенсионерами имеет душевые доходы на уровне двух нижних квинтилей, тогда как примерно такая же доля смешанных домохозяйств с работающими пенсионерами — на уровне двух верхних. Самые низкие доходы, как следует из *таблицы 3*, наблюдаются в семьях, состоящих из одного пенсионера с непенсионерами, среди которых есть дети.

В целом благодаря значительному росту пенсий, с одной стороны, и некомпенсированным потерям работников во время кризиса, с другой, в 2011 г. «чистые» домохозяйства пенсионеров имели в среднем более высокие душевые доходы, чем все остальные категории домохозяйств⁶. Смешанные домохозяйства пенсионеров и непенсионеров по-прежнему проигрывают по уровню душевых доходов как «чистым» домохозяйствам пенсионеров, так и домохозяйствам без пенсионеров, но опять-таки благодаря повышению пенсий этот разрыв сократился. Этот вывод ранее был подтвержден нами при сравнении панельных данных 2007–2010 гг.: доходы домохозяйств, состоящих только из пенсионеров, росли наиболее быстрыми темпами [Пишняк и др., 2011: 93].

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ БЕДНОСТИ СЕМЕЙ С ПЕНСИОНЕРАМИ

Каким образом выявленные различия в величине личных и душевых доходов отражаются на рисках бедности пенсионеров и их семей? Насколько бедны современные российские пенсионеры после трех лет интенсивного повышения пенсий и введения доплаты до прожиточного минимума неработающим пенсионерам? В *таблице 4* мы свели оценки 2011 г. удельного веса домохозяйств с пенсионерами, которые могут считаться бедными по трем концепциям бедности: абсолютной, субъективной и относительной.

По абсолютной концепции бедными считаются домохозяйства, чьи денежные доходы ниже величины регионального прожиточного минимума. При этом в таблице приводятся две оценки: в первой применено традиционное измерение прожиточного минимума домохозяйства на основе существующих величин прожиточного минимума для детей, трудоспособного населения

⁶ Следует отметить, что преимущественное положение «чистых» домохозяйств пенсионеров по величине душевых доходов в реальности меньше, поскольку обследования РидМиЖ, как и большинство выборочных обследований населения, недооценивает денежные доходы населения, что особенно справедливо в отношении заработной платы. При этом анализ показывает, что пенсии учитываются обследованием очень хорошо. Кроме того, в отличие от обследований, направленных на изучение бюджетов домохозяйств (ОБДХ, НОБУС, РМЭЗ), РидМиЖ не достаточно аккуратно собирает информацию по доходам домохозяйства из различных источников и не позволяет рассчитывать показатель располагаемых ресурсов.

Таблица 4. Уровни бедности среди домохозяйств с пенсионерами и детьми согласно различным подходам к измерению бедности, процент от числа домохозяйств в группе

Тип домохозяйства	Доля домохозяйств с доходами ниже ПМ ¹	Доля домохозяйств с доходами ниже ПМ (ПМП с 73 лет) ²	Субъективная бедность ³	Бедность по лишениям ⁴	Относительная бедность (доходы ниже 60% медианного) ⁵
Только пенсионеры:	2,3	4,2	29,7	22,8	11,3
1 пенсионер	1,2	3,6	35,6	34,4	23,7
д/х пенсионеров (>1)	2,9	4,5	26,7	16,9	5,0
Пенсионеры и другие:	27,2	30,3	34,9	16,1	13,2
1 пенсионер с непенсионерами, вкл. детей	37,9	40,8	39,0	16,2	13,9
д/х пенсионеров и непенсионеров, вкл. детей	31,1	34,7	36,6	15,0	15,2
1 пенсионер с непенсионерами, без детей	18,2	20,6	31,9	16,4	13,1
д/х пенсионеров и непенсионеров, без детей	14,6	18,5	29,0	16,4	9,0
Без пенсионеров:	31,1	31,1	33,0	13,2	14,7
д/х непенсионеров с детьми	38,9	38,9	36,3	13,2	15,7
1 непенсионер	11,5	11,5	25,4	18,2	18,7
д/х непенсионеров, без детей	17,7	17,7	27,1	12,3	11,8
Все домохозяйства	26,7	27,9	33,2	15,2	13,8

Примечания: серым фоном закрашены ячейки с максимальным уровнем бедности согласно используемому определению.

¹ – Для оценки уровня бедности по «абсолютной» концепции используется сравнение денежных доходов домохозяйства по данным РидМиЖ (без их дооценки по данным статистики) с прожиточным минимумом домохозяйства. При этом для расчета прожиточного минимума домохозяйства применяются стандартные возрастные границы определения детского, трудоспособного и пенсионного возраста согласно действующему законодательству.

² – Здесь уровни бедности получены относительно нового прожиточного минимума домохозяйства, в котором пониженные значения прожиточного минимума пенсионера применены для населения в возрасте экономической неактивности (старше 72 лет). Для лиц 55/60 – 72 лет применяется прожиточный минимум трудоспособного населения. Данная идея впервые была предложена И.И. Корчагиной.

³ – Бедными считаются домохозяйства, которые ответили, что совокупный доход домохозяйства позволяет им сводить концы с концами «с большим трудом» или «с трудом».

⁴ – Бедными считаются домохозяйства, указавшие 2 и более лишения.

⁵ – Используется душевой доход домохозяйства, полученный с применением шкалы эквивалентности ОЭСР и скорректированный с учетом различий в региональных прожиточных минимумах. Бедные – домохозяйства, имеющие душевой доход менее 60% от медианного по выборке. Данный порог используется при оценках бедности в ЕС.

Источник: РидМиЖ-2011.

и пенсионеров согласно установленным в законодательстве возрастным границам.

Вместе с тем, как показала И. И. Корчагина, потребление пенсионеров, особенно младших пенсионных возрастов, практически не отличается от потребления трудоспособного населения, в то время как величина ПМП

Таблица 5. Динамика уровней субъективной бедности и крайней бедности, 2003–2011 гг., процент от числа домохозяйств в группе

Тип домохозяйства	2003 г.	2004 г.		2007 г.		2010 г.		2011 г.	
	На протяжении последних 6 мес. денег хватало только на еду	Совокупный доход домохозяйства позволяет сводить концы с концами:							
		с трудом и с большим трудом	в том числе - только с большим трудом	с трудом и с большим трудом	в том числе - только с большим трудом	с трудом и с большим трудом	в том числе - только с большим трудом	с трудом и с большим трудом	в том числе - только с большим трудом
Только пенсионеры	78,7	64,5	31,0	54,1	23,7	35,9	12,6	29,7	10,5
Пенсионеры и другие	63,7	56,0	28,0	46,2	19,6	39,6	13,4	34,9	13,2
Без пенсионеров	58,0	47,4	23,5	39,9	16,9	41,5	18,2	33,0	13,1

Источники: НОБУС-2003, РидМиж 2004, 2007 и 2011 гг., КПДХ-2010.

значительно ниже прожиточного минимума трудоспособного населения [Корчагина, 2006]. Поэтому одна из причин, по которой пенсионеры могут чаще ощущать себя бедными, чем это показывает статистика, может быть связана с тем, что реального сокращения потребления сразу после выхода на пенсию не происходит. Для проверки этого предположения мы применили предложенный И. И. Корчагиной подход и учитывали ПМП только для лиц старше 72 лет, тогда как для женщин 55–72 лет и мужчин 60–72 лет применялся ПМ трудоспособного населения. Эти оценки представлены в соседней колонке.

Результаты расчетов показывают, что увеличение возраста нетрудоспособности для расчета линии бедности несколько повышает уровни бедности домохозяйств с пенсионерами, но принципиально не меняет картину рисков бедности по разным типам домохозяйств. В любом случае, в 2011 г. наименьшими рисками бедности по абсолютной концепции характеризовались семьи, состоящие только из пенсионеров, а наибольшими — семьи без пенсионеров (табл. 4). При этом чаще других бедными оказывались домохозяйства непенсионеров с детьми и одного пенсионера с непенсионерами, среди которых есть дети.

Вплоть до середины 2000-х гг. исследователи фиксировали разрыв в рисках бедности, измеренной по отношению к величине прожиточного минимума, и бедности по субъективной концепции, когда люди сами оценивали достаточность своих доходов или уровень материально-имущественного положения⁷. Если по абсолютной концепции пенсионеры уступили «пальму первенства» в бедности семьям с детьми еще в начале 1990-х гг., то субъективные оценки у них всегда были намного хуже, чем у всех других категорий населения или домохозяйств. Этот факт подтверждают также наши расчеты на данных РидМиж и Национального обследования благосостояния домо-

⁷ См., например: Иванова Е.И. Пожилой человек в сельской местности: родственные связи и межпоколенные трансферты // Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 1: GP1/2003/04. Независимый институт социальной политики. М., 2003. С. 146–147.

хозяйств и участия в социальных программах (НОБУС) (табл. 5). Пенсионная политика последних лет существенным образом изменила эту картину, что мы отмечали уже, в частности, в публикации 2011 г. [Пишняк и др. 2011]. По данным обследований 2010 и 2011 гг., домохозяйствам, состоящим только из пенсионеров, легче удаётся сводить концы с концами: среди них меньше тех, кто делает это с трудом или с большим трудом.

По данным 2011 г., уровни субъективной бедности незначительно отличаются в домохозяйствах с пенсионерами и без таковых, но ниже все-таки в «чистых» домохозяйствах пенсионеров. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что внутри домохозяйств пенсионеров хуже оценивают свое материальное положение одинокие пенсионеры. Максимальными же рисками субъективной бедности характеризуются домохозяйства из одного пенсионера с непенсионерами, среди которых есть дети (табл. 4).

Наконец, бедность по относительной концепции была измерена на основе двух подходов. Первый — ставший уже традиционным для России (впервые введенный группой исследователей под руководством М. А. Мужиной в 1997 г.⁸) — измеряет бедность на основе деприваций или лишений. В обследовании РидМиЖ представлен список из восьми позиций, позволяющий оценить ограничения в потреблении товаров первой необходимости, социальных услуг и рекреации. Для определения уровня бедности по лишениям использовались ограничения в потреблении следующих благ/услуг: (а) не реже, чем через день есть мясо, курицу или рыбу; (б) покупать новую, а не подержанную одежду; (в) платить за то, чтобы у вас дома было достаточно тепло; (г) оплачивать медицинские услуги, исключая дорогостоящие операции, если это необходимо. Бедными считались домохозяйства, имеющие два и более лишения.

Следует отметить, что подход на основе деприваций — единственный из использованных нами, в котором наиболее высокими рисками бедности характеризуются домохозяйства, состоящие только из пенсионеров, а наиболее низкими — домохозяйства без пенсионеров (табл. 4). При этом самые высокие показатели бедности отмечаются у одиноких пенсионеров, среди которых каждый третий сталкивается с двумя или более лишениями. Детальный анализ деприваций показал, что свыше половины (и более) одиноких пенсионеров не могут позволить себе: оплачивать медицинские услуги, исключая дорогостоящие операции, если это необходимо; не реже, чем раз в месяц приглашать к себе друзей или родных на угощение, обед, ужин; заменять по мере надобности износившуюся мебель, бытовые приборы; ежегодно оплачивать недельный отпуск вне дома⁹.

Второй подход в рамках относительной концепции бедности применяется в странах ОЭСР и ЕС: бедными считаются домохозяйства, имеющие душевой эквивалентный доход на уровне ниже 60% медианного дохода в стране.

⁸ См.: Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография / под ред. Т.М. Малевой. М.: Моск. центр. Карнеги, 1998.

⁹ Вопрос о возможности оплачивать образование членов семьи применительно к одиноким пенсионерам не анализировался.

В нашем случае в качестве относительной черты бедности выступал порог в 60% медианного душевого эквивалентного дохода в выборке. В результате риски бедности незначительно отличаются между тремя крупными категориями домохозяйств — состоящих только из пенсионеров, из пенсионеров и других и из непенсионеров; однако наименьшие они по-прежнему у семей пенсионеров, а наибольшие — у семей без пенсионеров. Тем не менее, стоит обратить внимание на выделяющуюся категорию одиноких пенсионеров, среди которых почти каждый четвертый (24%) имеет душевые доходы ниже 60% медианного дохода в выборке.

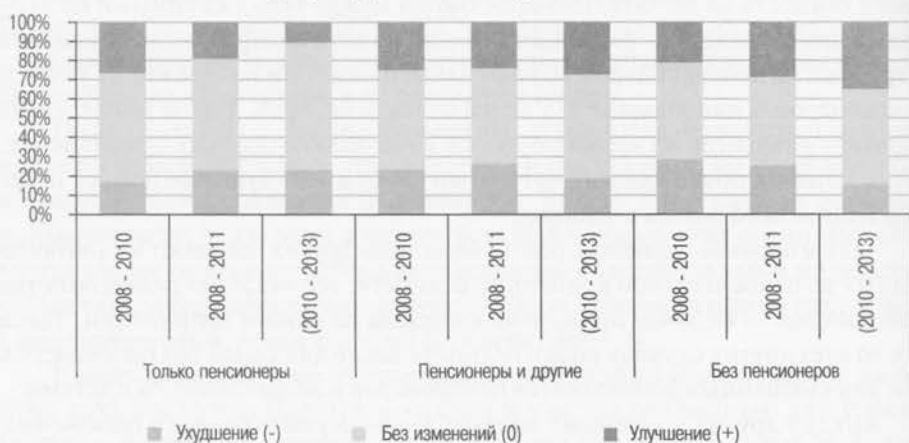
Таким образом, одинокие пенсионеры чаще других попадают в категорию бедных по относительной концепции бедности; все «чистые» домохозяйства пенсионеров — в случае применения подхода на основе деприваций. Тогда как во всех других случаях риски бедности выше для семей без пенсионеров или для смешанных домохозяйств пенсионеров и непенсионеров с детьми.

Анализ других компонент материально-имущественного положения пенсионеров дает следующие результаты. На рост пенсий и соответственно доходов пенсионеров отреагировали сбережения, уровень которых резко вырос в семьях пенсионеров за последние годы. Как показывают данные РидМиЖ, начиная с 2010 г. среди домохозяйств с пенсионерами значительно выше доля как тех, чьи текущие доходы позволяют делать сбережения, так и тех, у кого сбережения имеются. Вместе с тем в 2011 г. склонность пенсионеров к сбережениям несколько снизилась по сравнению с 2010 г.

При этом уровень имущественной обеспеченности пенсионеров, хотя и заметно вырос за прошедшие годы, продолжает оставаться более скромным, чем в семьях непенсионеров или в смешанных. Абсолютное большинство «чистых» домохозяйств пенсионеров имеют цветной телевизор, холодильник, стиральную машину и мобильные телефоны. Свыше трети (но менее половины) — видеомэгафон или DVD-плеер и микроволновую печь. Все остальные товары длительного пользования в домохозяйствах, состоящих только из пенсионеров, являются редкостью. Напротив, семьи пенсионеров и непенсионеров почти не отличаются по этому показателю от семей непенсионеров. Худшая имущественная обеспеченность по сравнению с другими типами домохозяйств наблюдается у одиноких пенсионеров, что, в общем, не удивительно, учитывая в среднем более высокий возраст данной категории пенсионеров.

Распределение ответов на вопрос о том, как изменилось материальное положение семьи с начала кризиса, свидетельствует о том, что положительное влияние быстрого роста пенсий в 2008–2010 гг. с точки зрения пенсионеров оказалось краткосрочным. Если в 2010 г. пенсионеры были не только единственной социальной группой, чьи доходы объективно выросли в период кризиса, но и субъективно оценивали динамику своего положения лучше других (рис. 2), то уже в 2011 г. их оценки стали намного более сдержанными. Почти каждое четвертое домохозяйство пенсионеров отметило ухудшение своего материального положения, и лишь почти каждое пятое — улучшение. Напротив, в семьях, где есть непенсионеры,

Рисунок 2. Материальное положение домохозяйств разного типа: изменения по сравнению с маем 2008 г. и ожидания (в течение ближайших 3 лет), процент домохозяйств данного типа

Примечание. Вопрос об изменении материального положения с мая 2008 г. задавался дважды – в 2010 г. (КПДХ) и в 2011 г. (РидМиЖ); вопрос о том, как, по мнению респондента, изменится материальное положение его семьи в ближайшие 3 года, задавался только в 2010 г. и соответственно относился к 2010-2013 гг.

Источники: данные РидМиЖ-2011, КПДХ-2010.

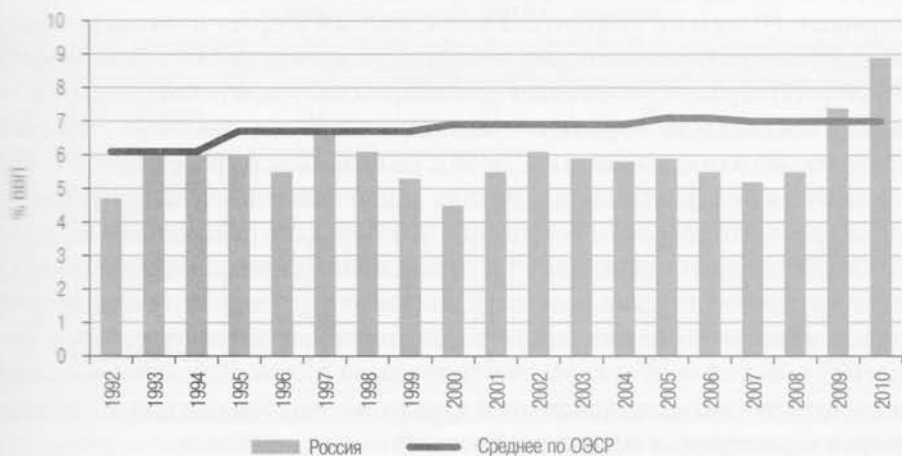
оценки динамики материального положения за весь период с начала кризиса в 2011 г. стали лучше, по сравнению с 2010 г., что может свидетельствовать о постепенном преодолении кризиса.

Эту тенденцию в определенной мере можно было предвидеть уже на основании ответов 2010 г. на вопрос о том, как, по мнению респондентов, будет меняться их материальное положение в ближайшие три года (т. е. примерно до 2013 г.). Тогда в семьях без пенсионеров наблюдался заметный оптимизм в отношении своего будущего, в то время как в «чистых» домохозяйствах пенсионеров доминировали ожидания стабильности и даже некоторого ухудшения ситуации (рис. 2).

ПОЛИТИКА НАРАЩИВАНИЯ ПЕНСИЙ: ОГРАНИЧЕНИЯ

Итак, анализ данных статистики и обследований за последние несколько лет подтвердил, что государственная политика, действительно, привела к заметному росту уровня жизни пенсионеров. Сократились риски бедности, улучшилась имущественная обеспеченность, расширились возможности для формирования сбережений. Согласно большинству подходов к определению бедности, домохозяйства пенсионеров отличаются меньшими уровнями бедности от тех, где пенсионеры живут вместе с непенсионерами, или где пенсионеров вообще нет. Даже субъективные оценки достаточности доходов у пенсионеров образца 2010–2011 гг. оказались более высокими,

Рисунок 3. Расходы на выплату пенсий, процент ВВП

Примечание. Данные по России включают расходы на выплату всех государственных пенсий. Данные по ОЭСР включают государственные расходы на выплату пенсий по старости и потере кормильца по состоянию на 1990, 1995, 2000, 2005 и 2007 гг.

Источники: сборники Росстата «Социальное положение и уровень жизни населения России» за разные годы; OECD 2009, 2011.

чем у непенсионеров, в отличие от всего периода 1990-х — первой половины 2000-х гг.

И, тем не менее, за этой внешней благостностью скрывается, по меньшей мере, две проблемы: во-первых, у государства больше нет ресурсов и дальше поддерживать заданные темпы роста пенсий; во-вторых, одним только повышением пенсий проблемы социально-экономической уязвимости пенсионеров не решить, что отчасти подтверждают данные о распространённости лишений среди домохозяйств пенсионеров.

По данным статистики, мероприятия по повышению пенсий привели к тому, что расходы на выплату пенсий по отношению к ВВП выросли в полтора раза за два года (рис. 3). Достигнутый в 2010 г. уровень пенсионных расходов почти в 9% ВВП является достаточно высоким по меркам стран ОЭСР, в том числе даже некоторых более экономически развитых, чем Россия. При этом, как справедливо указывает Е. Т. Гурвич, большинство этих расходов покрывалось за счет привлечения дополнительного бюджетного финансирования, без соответствующей оптимизации самой пенсионной системы [Гурвич, 2011].

Сравнение России с другими странами ОЭСР показывает, что относительно затрачиваемых на пенсионную систему средств размер российских пенсий продолжает оставаться весьма скромным [Гурвич, 2011]. При этом растёт дефицит пенсионной системы, несмотря на то, что тарифы страховых отчислений на пенсии по международным меркам уже весьма высоки, а их дальнейшее повышение может загнать Россию в ловушку низкой занятости, в которой находятся, например, страны Южной Европы [Эспин-Андерсен, 2006].

Основные барьеры, в которые упирается решение пенсионного вопроса, включают: (1) низкий фактический пенсионный возраст и соответственно избыточное число пенсионеров по сравнению с числом лиц пенсионного возраста; (2) ограниченный охват пенсионной системой работающего населения, а также льготы по уплате страховых взносов для отдельных категорий работодателей и самозанятого населения; (3) низкий размер заработной платы и ее высокая дифференциация. Внутри самой пенсионной системы можно и должно решать проблемы повышения фактического пенсионного возраста и отчасти расширения базы для уплаты пенсионных взносов за счет создания стимулов к формализации занятости, отказа от льгот по уплате пенсионных взносов, увеличения порога заработка, с которого уплачиваются взносы, поощрения большей продолжительности трудовой жизни. Пенсионная система также должна учитывать тенденцию к сокращению стандартной занятости, которая характерна не только для России¹⁰.

Вместе с тем часть проблем остается неподконтрольной инструментам пенсионной политики, выступая внешним ограничителем возможности повышения благосостояния пенсионеров. Речь идет прежде всего о величине и распределении заработной платы. В 2003 г., по данным НОБУС, коэффициент фондов для государственных пенсий составил 4,1 раз, а коэффициент Джини — 0,211. Коэффициент Джини, рассчитанный для трудовых пенсий, которые получают 94,7% пенсионеров, составил 0,176. По оценкам на основе РидМиЖ, неравенство в размерах пенсии в 2004–2007 гг., по меньшей мере, принципиально не изменилось. Индекс Джини был равен в 2004 г. 0,199 (что даже меньше, чем показывали данные НОБУС), а в 2007 г. — 0,219; коэффициент фондов составил 4,6 раз в 2004 г. и 6,1 раз в 2007 г. Иными словами, данные РидМиЖ фиксировали незначительное увеличение дифференциации пенсий в рассматриваемый период¹¹. Однако дифференциация заработной платы, по данным выборочных обследований организаций, публикуемых Росстатом, в тот же период была намного выше. Так, индекс Джини для заработной платы составлял в 2003 г. 0,481; в 2004 г. — 0,467, а в 2007 г. — 0,417; а коэффициент фондов, соответственно — 30,5 раз в 2003 г., 26,4 раз в 2004 г. и 22,1 раз в 2007 г. Следовательно, пенсионная система в значительной степени смягчает неравенства, возникающие на рынке труда, перераспределяя доходы от наиболее к наименее обеспеченным.

Такое перераспределение приводит к тому, что работники с низкой заработной платой (на уровне первых двух квинтилей) получают пенсию, которая практически не отличается от их трудовых доходов, тогда как в доходах относительно высокооплачиваемых работников пенсия составляет незначительную величину. В *таблице 6* представлены оценки соотношения со средней заработной платой и заработной платой по квинтилям трех показателей: средней пенсии, базовой части трудовой пенсии и социальной пенсии. Как

¹⁰ См.: Синявская О.В. Российская пенсионная реформа: куда идти дальше? // SPERO. 2010. №13. С.187–210. Осень-зима.

¹¹ При этом, безусловно, следует учитывать то обстоятельство, что оценки доходов на основе РидМиЖ отличаются меньшей точностью, чем по данным НОБУС.

Таблица 6. Соотношение различных видов или частей пенсии и ПМП с заработной платой, 2010 г., процент

Отношение к:	Средняя пенсия	Базовая часть трудовой пенсии	Социальная пенсия	ПМП
средней заработной плате	35,0	12,3	20,4	25,5
в том числе к заработной плате в следующих 20-процентных группах:				
первая (наименее оплачиваемые работники)	122,6	43,2	71,6	89,6
вторая	71,3	25,1	41,6	52,1
третья	48,2	17,0	28,1	35,2
четвертая	33,0	11,6	19,2	24,1
пятая (наиболее оплачиваемые работники)	14,3	5,0	8,4	10,5

Примечание. Данные заработной платы приведены по результатам выборочных обследований организаций за апрель 2010 г.; средняя пенсия – за апрель 2010 г.; базовая часть трудовой пенсии, социальная пенсия – на 1 января 2010 г.; прожиточный минимум пенсионера (ПМП) – за 1 квартал 2010 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Известно, для получения базовой части пенсии в полном объеме достаточно иметь хотя бы 5 лет страхового стажа, а для получения социальной пенсии можно не иметь его вовсе. При этом в 2010 г. одна только базовая часть пенсии (не зависящая от заработка!) достигала 43%, а социальная пенсия — 72% зарплаты первой квинтильной группы работников. Во второй квинтильной группе работников соотношение между социальной пенсией и зарплатами достигало 42% — также вполне достаточный коэффициент замещения для того, чтобы не создавать стимулов для длительной формальной занятости. Напротив, соотношение средней пенсии с зарплатами пятой квинтильной группы работников составляло в 2010 г. порядка 15%, при том, что известно, что дифференциация зарплаток внутри этой 20-процентной группы очень высока: и зарплатки верхних 10%, и особенно 5% принципиально выше, а коэффициент замещения, соответственно, еще ниже.

Что из этого следует? С точки зрения населения, это отчасти объясняет сохраняющееся недовольство пенсионеров и общества в целом уровнем жизни стариков. На одном полюсе мы имеем ситуацию накопленной бедности: низкооплачиваемые работники выходят на пенсию, которая хотя и составляет существенную долю их заработка (а подчас и весь заработок), но достаточно низка для приличного существования. Вынужденные ограничивать свое потребление и в прежние годы, на пенсии они сталкиваются с еще большим количеством ограничений. Именно для этой категории характерна плохая имущественная обеспеченность, отсутствие сбережений. Длительное выживание на грани бедности, естественно, порождает депривированность. На другом полюсе — относительно высокооплачиваемые работники, для которых выход на пенсию в неактивность означает резкое падение уровня жизни, какой бы высокой по отношению к другим пенсионерам ни была их пенсия. В любом случае, учитывая обозначенные

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

выше различия в дифференциации пенсий и заработной платы, жизнь на пенсии не может обеспечить им прежнего уровня потребления. При этом если западные пенсионеры активно дополняют государственную пенсию частными — от предприятия или индивидуальными и другими формами сбережений, доходами от недвижимости и пр., то число дополнительных источников доходов российских пенсионеров крайне ограничено и сводится прежде всего к заработной плате, в меньшей степени — к сбережениям, размер которых невысок, и доходам от ЛПХ, распространенным преимущественно в сельской местности. Таким образом, недовольство своим положением у обеих категорий имеет лишь отдаленное отношение к собственно ситуации в государственной пенсионной системе и в большей степени связано с особенностями функционирования рынка труда и финансовых институтов в России.

С точки зрения пенсионной системы, существование столь значительного контингента низкооплачиваемых работников при возложенном на пенсионную систему обязательстве поддерживать минимальный размер выплат пенсионерам на уровне ПМП означает неизбежность сохранения значительного элемента перераспределения. При этом, как показывает *таблица 6*, если бы в 2010 г. минимальная пенсия уже находилась на уровне ПМП, нижние по величине заработной платы 20% работников получали бы пенсию на уровне 90% их зарплаты. Для второго квинтиля коэффициент замещения зарплаты минимальной пенсией составлял бы 52%. Таким образом, пенсионная система выступает своего рода заложницей особенностей российской модели рынка труда. Внутри пенсионной системы в ответ на это можно лишь предложить разграничить по источникам финансирования компоненты, ставящие целью перераспределение и борьбу с бедностью, с одной стороны (базовую часть пенсии), и ответственные за возмещение утраченного заработка, с другой (страховая и накопительная части пенсии). В первом случае речь может идти о неких минимальных гарантиях государства всему населению в старости, обеспечиваемых за счет общих налогов. Во втором — о пенсии, жестко привязанной к объему уплаченных страховых взносов, взимаемых с заработной платы.

Наконец, возвращаясь к вопросу о том, каковы причины устойчивости общественного образа нищей старости в России, следует сказать о том, что для его изменения недостаточно усилий внутри пенсионной системы. Как показал представленный выше анализ, несмотря на небывалый за последние годы рост пенсий и общее улучшение материально-имущественной обеспеченности пенсионеров, они продолжают лидировать по числу деприваций в потреблении базовых благ, услуг и поддержании социального статуса (не имея возможности, например, отдохнуть где-либо кроме как на даче, или приглашать время от времени в гости родственников и друзей). Кроме того, за рамками анализа остались ограничения, с которыми сталкиваются пенсионеры в получении регулярной медицинской помощи и социальных услуг. А также крайне скуден набор возможностей для проведения досуга в старости. Преодолеть эти ограничения только инструментами пенсионной

системы нельзя, да и не нужно. Вместо этого государство должно более активно расширять доступность медицинских и социальных услуг приемлемого качества для пожилых.

И последнее. Обеспеченные старики в странах Западной Европы и США, чей образ вызывает у нас столько зависти, появились в результате нескольких десятилетий бурного экономического роста — «славного» послевоенного тридцатилетия. Это поколение, чья трудовая жизнь пришлась на период массовой занятости и быстрого роста зарплат, который — в сочетании с экономической стабильностью — позволил им не только сформировать значительные пенсионные права, но и накопить немалые сбережения. В стране, пережившей смену экономической модели развития, периоды высокой инфляции и финансовых потрясений, рассчитывать на сытую старость крайне сложно. Уже сейчас выполнение долга перед стариками конкурирует за государственные финансы с необходимостью поддерживать семьи с детьми и наращивать инвестиции в образование. В условиях старения населения эта конкуренция за государственные деньги будет только усиливаться. Поэтому как бы ни хотелось нам приблизиться к заветной мечте о западной модели старости, следует признать, что бежать впереди телеги невозможно: и до тех пор, пока на пенсию не начнут выходить люди, большая часть жизни которых прошла в условиях стабильного экономического роста, старость в России не будет по-настоящему сытой.

ЛИТЕРАТУРА

- Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография / Под ред. Т. М. Малевой. М.: Моск. центр. Карнеги, 1998.
- Гладникова Е. В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // SPERO. 2007. № 7. Осень-зима. С. 125–148.
- Гурвич Е. Т. Пенсионная реформа: общие принципы и необходимые меры / Экономическая экспертная группа, февраль 2011. «Стратегия-202» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2020strategy.ru/g3/documents/32580984.html>, свободный.
- Денисенко М. Б. Благополучие и внутрисемейные трансферты пожилых людей в городах России (по материалам обследований в Нижнем Новгороде, Орле и Твери) // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения: вторые Валентеевские чтения: в 2 кн., кн. 1: М., 1999. С. 150–161.
- Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / под ред. Н. М. Римашевской. М., 2001.
- Иванова Е. И. Пожилой человек в сельской местности: родственные связи и межпоколенные трансферты // Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 1: GP1/2003/04. Независимый институт социальной политики. М., 2003. С. 135–164.
- Карчагина И. И. Разработка регионального инструментария измерения бедности для целей адресных социальных программ для бедных. Финальный отчет по гранту НИСП. 2006 г. // Сайт Независимого института социальной политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socpol.ru/grantprog/reports.shtml#r>, свободный.
- Пишняк А. И., Гындик А. О., Синявская О. В. Выигравшие и проигравшие от кризиса // SPERO. № 15. 2011. Осень-зима. С. 67–104.
- Синявская О. В. Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // SPERO. 2006. № 4. Весна-лето. С. 66–90.

Синявская О. В. Российская пенсионная реформа: куда идти дальше? // SPERO. 2010. № 13. Осень-зима. С. 187–210.

Эспин-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. 2006. № 5. Осень-зима. С. 7–32.

OECD (2009), Pensions at a Glance 2009: Retirement-Income Systems in OECD Countries [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oecd.org/document/13/0,3746,en_2649_34757_47305613_1_1_1_1,00.html, свободный.

OECD (2011), Pensions at a Glance 2011: Retirement-Income Systems in OECD and G20 Countries [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.oecd.org/els/social/pensions/PAG, свободный.

ПОТРЕБЛЕНИЕ И СПРОС НА ИНСТИТУТЫ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

Дмитриев М.Э., д.э.н., президент Фонда «Центр стратегических разработок»

Михихина С.Г., к.э.н., директор Центра социальной политики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

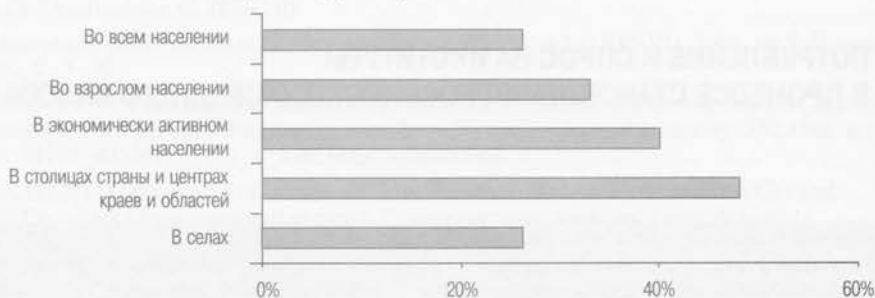
К концу 2000-х годов в России 20–30% населения относится различными исследователями к среднему классу. Структура потребления среднего класса достаточно сложна и заметно отличается от потребления других слоев населения. Ядро среднего класса заметно превосходит население, не принадлежащее к среднему классу, не только по уровню доходов, но и по показателям обладания объектами недвижимости, товарами длительного пользования, а также отличается большей свободой расходования средств на текущее потребление, активностью сберегательного поведения. Средний класс более образован и происходит из более образованных семей, его отличает склонность к более здоровому образу жизни и более высокая включенность в информационные технологии.

Однако, несмотря на определенный прогресс в развитии сложившейся системы институтов, несоответствие между ней и запросами среднего класса приобретает фундаментальный характер. Оно обусловлено не только отсутствием необходимых правовых норм и слабостью потенциала государственного управления, но и слабостью институтов правового государства в лице нейтрального независимого правосудия и эффективного правоприменения:

- низкое качество дорожного хозяйства и непрозрачные и дорогие институты организации дорожного движения приводят, в том числе, к росту затрат владельцев автомобилей, связанных с их использованием;*
- проблемы, связанные с оформлением заграничного паспорта, недостаточной эффективностью помощи российских консульских учреждений за рубежом, отсутствием безвизового режима с большей частью развитых стран затрудняют выезд россиян за границу;*
- получение всевозможных разрешений на прокладку коммуникаций и строительство осуществляется местными органами власти долго и непрозрачно и, следовательно, требует больших затрат, что вносит свой вклад в дороговизну жилья;*
- возросший уровень платности образовательных и медицинских услуг не сопровождается соответствующим ростом их качества.*

Основное бремя расходов, связанных с недостаточной развитостью системы институтов, несут представители среднего класса, которые более активно, чем другие слои населения, предъявляют спрос на товары длительного пользования и услуги. В отсутствие необходимых институциональных изменений разрыв между характером потребления среднего класса и институтами будет нарастать.

Рисунок 1. Доля среднего класса в России

Источник: Тихонова Н.Е., 2009.

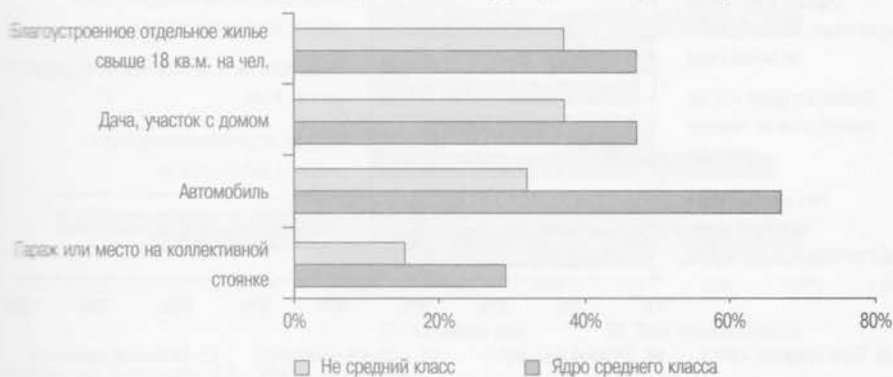
К концу 2000-х гг. экономический рост в Российской Федерации создал предпосылки для массового повышения благосостояния, особенно у тех слоев населения, которые обладали образованием и квалификацией, востребованными в секторах экономики с высокой добавленной стоимостью. В обществе рос урбанизированный средний класс, который демонстрировал существенные отличия в плане экономического поведения, образа жизни, ценностей и политических предпочтений. Уже в конце 1990-х гг. в России к среднему классу могли быть отнесены около 10–12% населения [Аврамова, 2002; Беляева, 1997]. К концу 2000-х гг. в России оценки масштабов среднего класса становятся еще выше: 20–30% населения относятся различными исследователями к среднему классу [Аврамова, 2008; Белановский и др., 2010; Малева, Овчарова, 2008; Тихонова, Мареева, 2009]. При этом в больших городах доля среднего класса еще выше, чем в среднем по России, и достигает 40–50% [Белановский и др., 2010] (рис. 1).

ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДНЕГО КЛАССА

В качестве принципа отнесения населения к среднему классу исследователями обычно используется многокритериальный подход: средний класс выделяется на основе целого ряда критериев, среди которых чаще всего встречаются материальная обеспеченность (средний уровень доходов, наличие определенных активов и сбережений и т. п.), социальные и профессиональные критерии (высокий уровень образования, квалифицированный труд, наличие управленческих функций и т. д.), самоидентификация.

Средний класс конца 2000-х гг. разительно отличается от того, каким он был в 1990-е гг. Развитие сетевого общественного питания сделало обыденным явлением питание в кафе и ресторанах. Сетевая торговля позволила повысить качество и снизить издержки покупки одежды, обуви, товаров длительного пользования. Развитие системы разнообразных услуг привело к более частому их приобретению. Так, например, за 2000-е гг., по данным Росстата, доля расходов на услуги по организации досуга (отдых, посещение культурных мероприятий) выросла в потребительских расходах среднего класса более чем в 6 раз. Возможности использования интернета для приобретения товаров и услуг еще больше приблизили уровень потребления российского среднего класса к уровню потребления средних слоев в развитых странах.

Рисунок 2. Некоторые виды имущества, находящегося в собственности различных групп россиян (2008 г.)

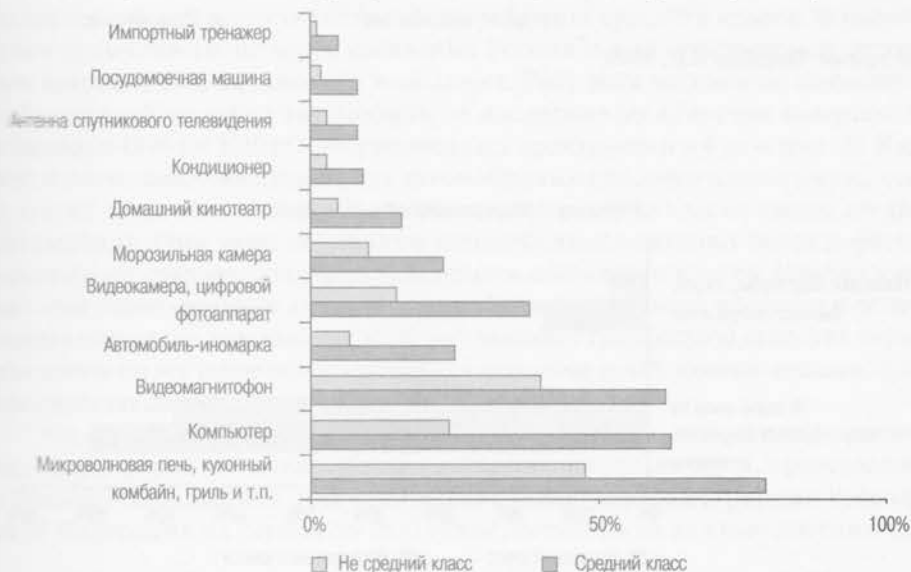

Источник: Тихонова Н.Е., 2009.

Как показывают результаты исследований, структура потребления среднего класса достаточно сложна и заметно отличается от других слоев населения.

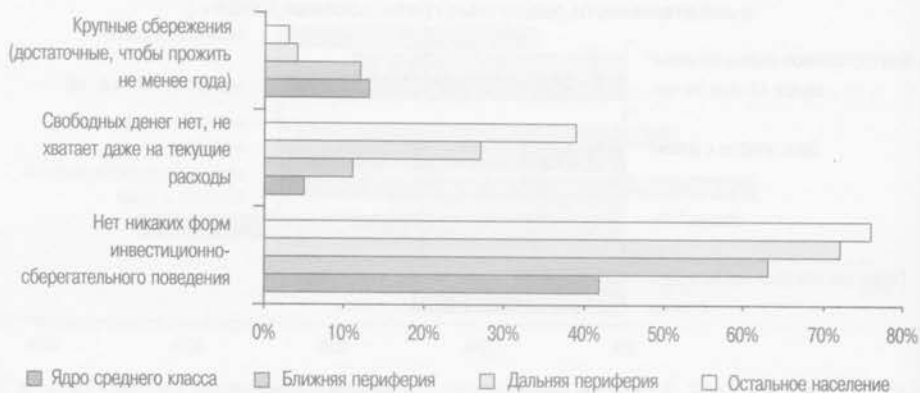
Ядро среднего класса заметно превосходит население, не принадлежащее к среднему классу, не только по уровню доходов, но и по показателям обладания автомобилями (особенно иномарками) (к концу 2000-х гг. разрыв между количеством автомобилей на 100 домашних хозяйств среднего класса в России сократился по сравнению со значением этого показателя в среднем по США до 1,9 раза), объектами недвижимости (рис. 2), а также многими видами товаров длительного пользования (ТДП) (рис. 3). Средний класс обладает значительно большей свободой расходования средств на текущее потребление и намного более активен в различных формах сберегательного поведения (рис. 4).

Рисунок 3. Наличие ТДП в различных социальных группах (2008 г.)

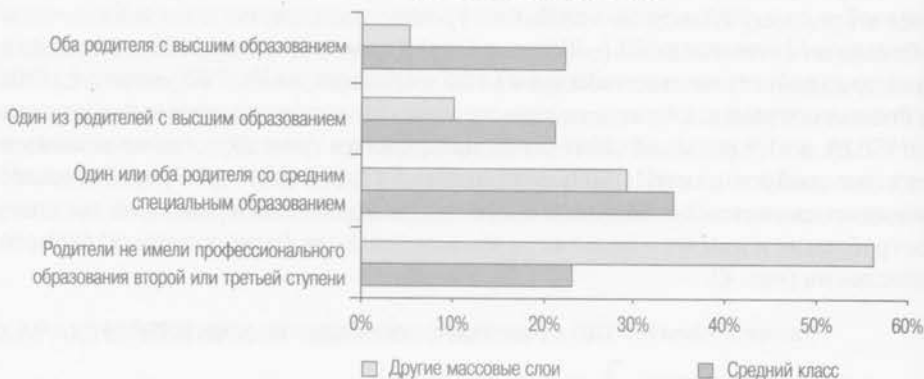
Источник: Тихонова Н.Е., 2009.

Рисунок 4. Характеристики финансового положения различных групп россиян

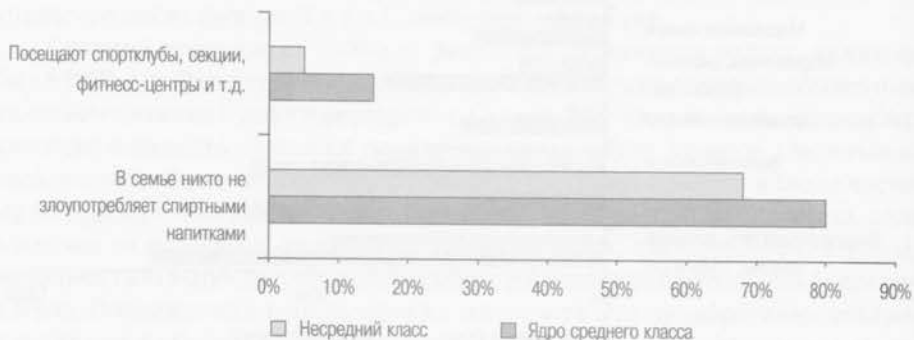
Источник: Тихонова Н.Е., 2009.

Рисунок 5. Образование родителей

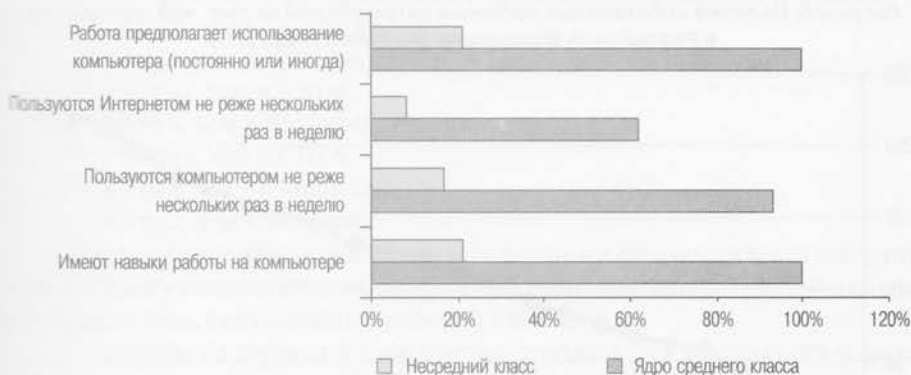
Источник: Тихонова Н.Е., 2009.

Рисунок 6. Здоровый образ жизни

Источник: Тихонова Н.Е., 2009.

Рисунок 7. Включенность в информационные технологии

Источник: Тихонова Н.Е., 2009.

Средний класс более образован: более четырех пятых представителей ядра среднего класса имеют не менее 15 лет дневного образования, в то время как для представителей периферии среднего класса более характерно дневное образование продолжительностью менее 15 лет, а для остального населения — менее 12 лет.

Средний класс происходит из более образованных семей (рис. 5), что в целом обеспечивает ему высокий культурный багаж.

Средний класс отличают склонность к более здоровому образу жизни (рис. 6) и несравненно более высокая включенность в информационные технологии (рис. 7).

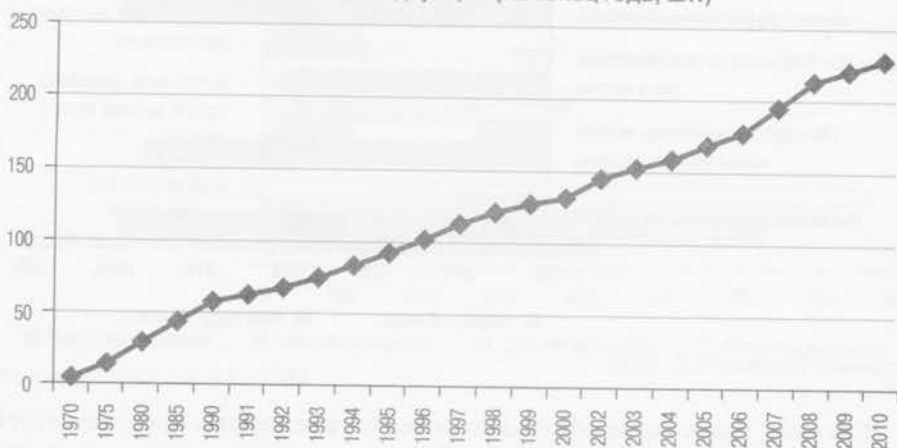
МОБИЛЬНОСТЬ СРЕДНЕГО КЛАССА

Наличие автомобиля и возможности его купить, поддерживать и обновлять является важной характеристикой потребления среднего класса. В настоящее время почти четверть населения России имеет собственный легковой автомобиль и активно его использует. Рост доли населения, имеющего собственный легковой автомобиль, за последние десятилетия впечатляет: в период с 1990 по 2010 гг. она увеличилась практически в 4 раза (рис. 8). Как уже отмечалось, обеспеченность автомобилями среднего класса выше, чем у других слоев населения, 6% домохозяйств среднего класса имеют по два автомобиля. Они чаще обновляют автомобили и покупают более дорогие машины по сравнению с представителями несреднего класса. Изменилось целевое использование личного автомобиля: из предмета роскоши и вспомогательного (по отношению к общественному транспорту) средства передвижения он все шире используется как основное транспортное средство для ежедневных деловых поездок.

Однако развитие институтов и инфраструктуры, отвечающих новым массовым форматам использования легкового автотранспорта, происходило с большим запозданием. Как отмечается в «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года»¹, несмотря на важные достижения

¹ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р.

Рисунок 8. Наличие собственных легковых автомобилей на тыс. чел. населения в Российской Федерации (на конец года, шт.)

Источник: Российский статистический ежегодник ..., 2001, 2010, 2011.

в сфере автодорожного строительства и ремонта, не завершено формирование опорной сети федеральных автомобильных дорог, связывающей все регионы России, нормативным транспортно-эксплуатационным требованиям соответствует лишь около 38% автомобильных дорог федерального значения, с превышением нормативной загрузки эксплуатируется 13 тыс. км дорог, особенно на подходах к крупнейшим городам, что составляет почти 29% протяженности сети. Транспортная обстановка в Москве и ряде других крупных городов является более напряженной, чем в большинстве мегаполисов Западной Европы и Северной Америки. Недоинвестирование в дорожную сеть, наблюдавшееся в 2000-е гг. даже по сравнению с кризисными 1990-ми гг., свидетельствует о неспособности среднего класса оказывать влияние на формирование инвестиционных приоритетов федерального и региональных бюджетов. В свою очередь, это можно рассматривать как одно из проявлений отставания в развитии политической системы, которая оказалась неспособна обеспечить представительство интересов среднего класса, соответствующее его возросшему экономическому и социальному влиянию в российском обществе.²

Если рассмотреть значения показателя густоты автомобильных дорог на 1000 кв. км территории страны в России и других странах, то окажется, что разрыв огромен: в России густота автомобильных дорог ниже, чем:

- в Великобритании — в 40 раз,
- в Венгрии — в 46 раз,
- в Германии — в 41 раз,
- во Франции — в 42 раза,
- в Швеции — в 21 раз,
- в Японии — в 72 раза.

² Подробнее этот вопрос рассматривается нами в работе «Перспективы политической трансформации России». М., ЦСР, РАНГХ и ГС, 2011.

Пассажирооборот автомобильного транспорта также заметно ниже:

- в 8 раз, чем в Германии,
- в 7 раз, чем в Италии,
- в 10 раз, чем в Китае,
- в 6 раз, чем в Великобритании,
- в 66 раз, чем в США,
- в 7 раз, чем во Франции,
- в 8 раз, чем в Японии.³

Использование автомобилей представителями среднего класса затрудняется не только неадекватностью дорожной сети, но и институциональными ограничениями, связанными с работой ГИБДД:

- поборы на дорогах и в кабинетах, только часть которых освещается средствами массовой информации, свидетельствуют о низкой транспарентности и высокой затратности для населения существующих институтов по организации дорожного движения;
- планирующееся усложнение правил сдачи экзамена на получение водительского удостоверения⁴ скорее всего не повысит качество вождения обучающихся, так как речь идет прежде всего о заметном увеличении количества упражнений на площадке и сокращении числа возможных ошибок при сдаче теоретической части с 2 до 0, что приведет к повышению расходов на обучение и сдачу экзамена;
- наметившийся прогресс в деле регистрации транспортных средств (введение регламентированных сроков постановки на учет — в течение не более 3 часов — появление возможности записаться на регистрацию транспортного средства по телефону в Москве) сопровождался незнанием новых положений сотрудниками, которые требовали большое число справок и документов, не предусмотренных регламентом.

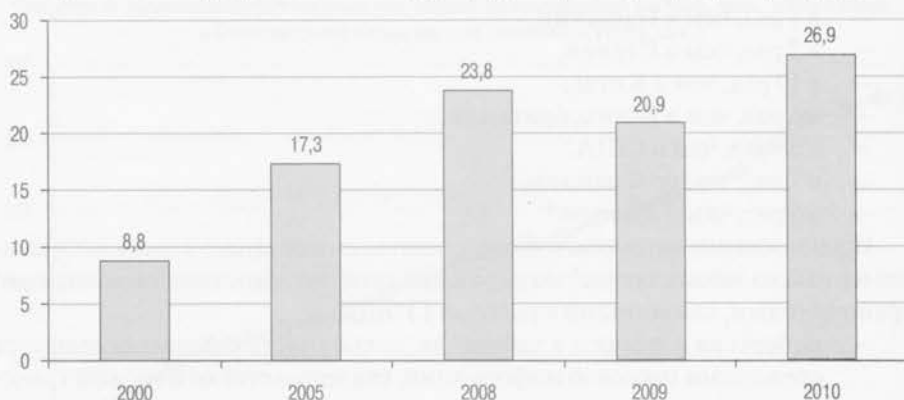
В результате служащие ГИБДД возглавляют список наиболее коррумпированных структур: по данным опроса населения, проведенного Институтом социологии РАН, 80% россиян высказали мнение о высокой степени распространенности коррупции в дорожной полиции [Добрынина, 2008]. Но если в 1990 г., накануне перехода к рыночной экономике, в непосредственное взаимодействие с представителями ГАИ в качестве автовладельцев вступало лишь около 6% взрослого населения, то сейчас — около 25%. А среди представителей среднего класса эта доля превышает 50%. Таким образом, острота и социальная значимость проблемы неадекватности институтов в сфере организации дорожного движения, по сравнению с началом 1990-х гг., несоизмеримо возросла.

Низкое качество дорожного хозяйства и непрозрачные и дорогие институты организации дорожного движения приводят, в том числе, к росту затрат владельцев автомобилей, связанных с их использованием, включая значительные издержки связанные с потерями времени на дорогах и в процессе

³ Данные по России на конец 2008 г., по другим странам - за 2006-2007 гг. Источник: Транспорт в России. 2009: стат. сб. / Росстат М., 2009. URL: <http://www.gks.ru>.

⁴ См.: Проект Методики проведения квалификационных экзаменов на получение права на управление транспортными средствами. Департамент обеспечения безопасности дорожного движения МВД России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/news/298>, свободный.

Рисунок 9. Расходы россиян на международный (выездной) туризм, млрд дол.

Источник: UNWTO: UNWTO Tourism Barometer, 2011.

взаимодействия с органами регулирования дорожного движения. Основное бремя этих расходов несут представители среднего класса.

Средние затраты на эксплуатацию автомобиля в России выросли с 2005 по 2010 гг. с 3,4 до 4,6% потребительских расходов домашних хозяйств, у представителей среднего класса — с 4 до 6% [Социальное положение ..., 2006, 2011].

Как было показано нами в предыдущей статье⁵, опубликованной в журнале SPERO, эта проблема особенно остро проявилась в бюджетной политике правительства Москвы. Несмотря на быстрый количественный рост среднего класса в Москве, который сопровождался стремительным увеличением уровня использования личного автотранспорта на протяжении последних 10 лет, доля расходов на транспортную инфраструктуру в бюджете Москвы устойчиво снижалась, при одновременном быстром росте доли расходов на социальные выплаты, в которых московский средний класс не проявлял заинтересованности. Недемократический характер городской власти вступил в явное противоречие с интересами наиболее успешной массовой социальной группы жителей города [Белановский и др., 2010].

Мобильность среднего класса можно проследить не только с помощью показателей покупки и использования автомобилей: она характерна и для его выездов за границу.

Если еще в 2000 г. Россия по расходам на международный туризм не входила в десятку стран-лидеров по объему таких расходов (Россия тогда занимала 12 место), то в уже в 2002–2003 гг. она переместилась на 10 место⁶, а с 2005 г. — на 9 место в десятке стран-лидеров по расходам на международный туризм, которое и продолжает удерживать (рис. 9).

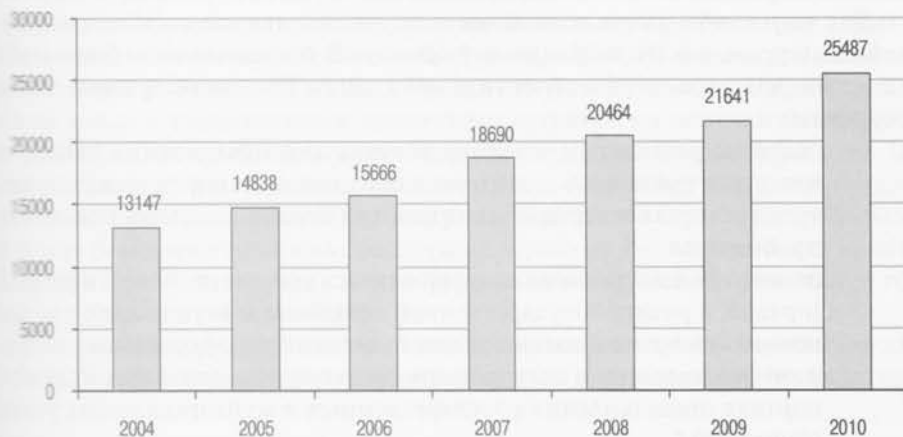
За 2000-е гг. доля расходов россиян на международный туризм в общих мировых расходах на международный туризм выросла в 1,6 раза — с 1,8% в 2000 г. до 2,9% в 2010 г.⁷

⁵ См.: Белановский С. А., Дмитриев, С. Г., Мисихина М. Э. Средний класс в рентоориентированной экономике: почему Москва перестала быть Россией? // SPERO. 2011. № 13. Осень-зима.

⁶ Рассчитано по UNWTO: World's Top Tourism Spenders. 2005. URL: <http://www.unwto.org>.

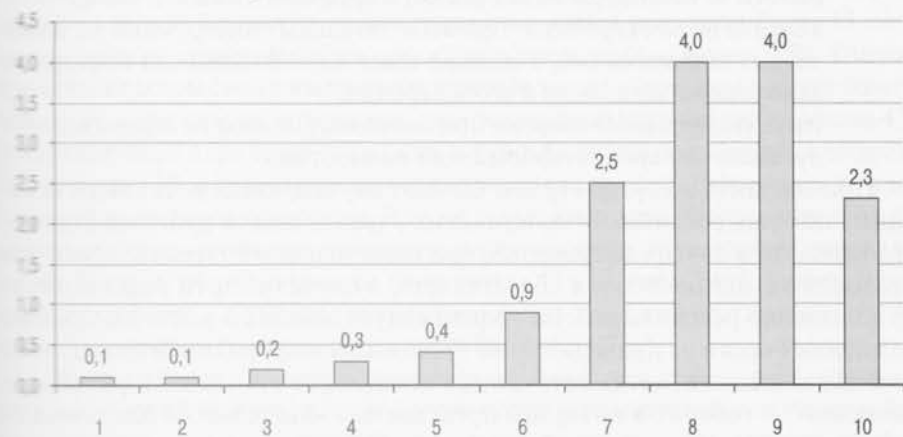
⁷ Рассчитано по UNWTO: UNWTO Tourism Barometer. 2011. www.unwto.org.

Рисунок 10. Число поездок российских граждан в страны дальнего зарубежья в 2004-2010 гг., тыс.

Источник: данные ФСБ России (Пограничная служба). Социальное положение ..., 2010, 2011.

Рисунок 11. Доля расходов домашних хозяйств на услуги центров отдыха, туризм в 2010 г. по 10-процентным группам населения, в процентах от потребительских расходов

Примечание. 1 группа - 10% населения с наименьшими располагаемыми ресурсами, 10 группа - 10% населения с наибольшими располагаемыми ресурсами.

Источник: Социальное положение ..., 2011.

По данным ФСБ России (Пограничная служба), с 2004 по 2010 гг. число поездок российских граждан в страны дальнего зарубежья увеличилось практически в 2 раза — с 13,1 млн до 25,5 млн (рис. 10).

Данные выборочного обследования домашних хозяйств Российской Федерации показывают, что подавляющая часть расходов на туризм приходится именно на представителей среднего класса и, следовательно, именно они в основном путешествуют за границей (рис. 11).

Представители среднего класса выезжают в другие страны не только туристическими целями или для отдыха, но и для получения медицинских

или образовательных услуг как для самих себя, так и для членов своих семей, в деловых целях и т. д.

Для того чтобы иметь возможность осуществлять поездки за границу, необходим прежде всего заграничный паспорт. В последние годы было много сделано для того, чтобы облегчить гражданам России получение этого документа:

- согласно регламенту оказания услуги, срок оформления паспорта не должен превышать одного месяца со дня подачи заявления по месту жительства и четырех месяцев при подаче заявления по месту пребывания;
- паспорт нового поколения оформляется сроком на 10 лет, а не на 5 (правда, и размер государственной пошлины за него выше);
- появилась возможность подачи заявления на оформление заграничного паспорта в электронном виде с использованием Единого портала представления государственных и муниципальных услуг (функций).⁸

Однако ряд проблем, связанных с оформлением заграничного паспорта, остался:

- сложности при заполнении заявления: необходимо перенести данные о работе из трудовой книжки за последние 10 лет; указать адреса мест работы за последние 10 лет (их нет в трудовой книжке); заверить заявление по месту работы. При этом детальных инструкций по заполнению заявления нет, а ошибка ведет к необходимости повторного заполнения заявления и его заверения;
- продолжительные очереди при сдаче документов на оформление;
- превышение сроков оформления паспортов.

При поездках в другие страны бывают случаи, когда россиянам необходима помощь российских консульских учреждений за рубежом (при потере паспорта и других документов, при невыполнении туристической или страховой компанией своих обязательств, в случае смерти родственника и т. д.). Однако рассчитывать на эффективную помощь в решении проблем гражданам России не приходится. «Я располагаю информацией об огромном количестве случаев, когда сотрудники консульств отказывали россиянам в помощи», — говорит в интервью председатель «Московской Хельсинской группы» Людмила Алексеева [Соловецкий, 2011]. Это происходит по разным причинам: включающим в себя как нежелание консульских работников помогать россиянам, попавшим в трудную ситуацию за рубежом, так и просто невозможность оказания такой помощи. Как отмечает эксперт Общественной палаты Российской Федерации, генеральный директор Центра защиты граждан России за рубежом Дмитрий Давыденко, «если, например, мы возьмем Анталию (Турция), куда приезжает 2 миллиона человек, то там работает всего два дипломата. А ведь в консульство обращаются не только за защитой своих прав: самый распространенный повод — утрата документов, и теряют их очень часто... А на некоторых популярных туристических курортах — например, в Шарм-эль-Шейхе и Хургаде, вообще нет консулов — они есть лишь в Каире» [Туристы ..., 2010].

⁸ Единый портал представления государственных и муниципальных услуг (функций) <http://www.gosuslugi.ru>.

Переговорный процесс по вопросам введения безвизовых режимов с развитыми странами пока не привел к заметным положительным результатам: отсутствие безвизового режима с большей частью развитых стран (страны Шенгенского соглашения, Великобритания, США, Япония и др.) является серьезной проблемой для выезжающих за границу россиян, приводящей в том числе к значительным временным затратам на получение виз (сбор необходимых документов, очереди при подаче документов на визу и т. п.). Так как представители среднего класса выезжают за границу чаще, чем остальное население, то для них такие издержки становятся серьезной проблемой. В плане безвизового режима с развитыми странами Россия отстает от многих государств, сопоставимых с ней по уровню экономического развития, в том числе большинства стран ЦВЕ.

Как видим, российская внешняя политика и дипломатическая служба с большим запозданием реагируют на запросы растущего среднего класса.

ЖИЛИЩНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕГО КЛАССА

Проблема жилья для среднего класса очень остра. С одной стороны, обеспеченность жильем этой группы населения несколько выше, чем у населения, не входящего в средний класс: 47% ядра среднего класса и 41–42% его периферии имеют благоустроенное отдельное жилье размером более 18 кв. м. на человека (у представителей остального населения — около 37%). Оценки средним классом своих жилищных условий также выше, чем у представителей несреднего класса: оценивают свои жилищные условия как хорошие 47% представителей ядра среднего класса и 41% в ближней периферии, в то время как только 12% представителей остальных слоев населения считали свои жилищные условия хорошими. В то же время квартиры представителей ядра среднего класса зачастую невелики: в половине из них метраж составляет менее 18 кв. м. общей площади на человека [Тихонова, 2009]. В этом плане российский средний класс значительно (в два-три раза) уступает аналогичным социальным группам в Западной Европе и США.

Жилье в России дорого, в том числе и потому, что получение всевозможных разрешений на прокладку коммуникаций и строительство осуществляется местными органами власти долго и непрозрачно и, следовательно, требует больших затрат. Эта проблема с особой остротой проявляется в пригородной зоне, где владельцы загородных домов нередко дискриминируются в доступе к значимым коммунальным услугам (например, очистка дорог от снега, доступ к газоснабжению) или становятся объектами хищнических практик локальных монополий (электроснабжение, вывоз мусора). Проблема обманутых дольщиков также во многом связана с непрозрачностью жилищного строительства: с одной стороны, муниципальные власти тормозят развитие такого строительства, создавая барьеры необходимостью получения большого числа разрешений, что особенно заметно в крупных городах, а с другой стороны, при выдаче таких разрешений не проводится эффективной оценки строительных компаний.

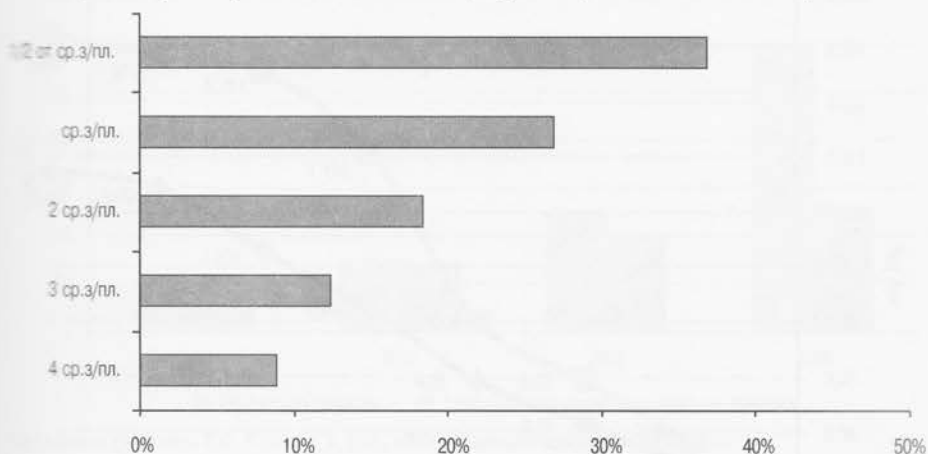
В результате, хотя покупка и строительство жилья представителями среднего класса наблюдается в 2 раза чаще, чем у остальных слоев, в течение 2007–2009 гг., немногим больше 20% представителей ядра среднего класса

и почти 20% его ближайшей периферии улучшали свое жилье таким образом [Тихонова, 2009]. Более распространенными даже среди представителей среднего класса являются другие способы: наследование жилья, разъезд с родственниками и т. п.

Особенно сложна ситуация в Москве, где были созданы беспрецедентные не только по российским меркам, но и по международным меркам барьеры входа на строительный рынок. По данным регионального обследования Всемирного Банка, Москва находилась на последнем месте среди 10 обследованных российских регионов по сложности получения разрешений на строительство и имела наибольшее в мире количество процедур для получения этих разрешений. Кроме того, Москва превосходила все другие российские города по стоимости подключения к инженерным сетям [Ведение бизнеса ..., 2009]. При Ю. Лужкове широкое распространение получила незаконная практика оформления решений, связанных с предоставлением инвесторам земельных участков и объектов недвижимости, закрытыми распоряжениями. Было подписано около 14 тыс. таких документов, причем при С. Собянине эта практика продолжилась. Массовое распространение получила и практика давления на суды. По свидетельствам специалистов, выиграть в московском суде дело по имущественным спорам рядовому москвичу против московских властей было трудновыполнимой задачей даже при наличии законных оснований для решения в пользу гражданина. В условиях явного дефицита правового государства недвижимые активы среднего класса подвержены повышенным рискам. В результате правовой незащищенности гражданин может не только лишиться собственности, но и понести существенные убытки от снижения ее рыночной стоимости, обусловленного не всегда законными действиями или бездействием властей. Насколько чувствительными могли быть такие потери, можно судить хотя бы по тому, что доходы москвичей от собственности в отдельные годы достигали $\frac{1}{4}$ от общих доходов домохозяйств [Белановский и др., 2011. С. 74].

Институциональные пробелы в сфере защиты прав и интересов на рынке жилья и недвижимости приобретают особую остроту в связи с тем, что жилищные активы служат для среднего класса главным компенсирующим элементом неадекватности системы пенсионного обеспечения. Ожидаемые коэффициенты замещения в государственной системе пенсионного обеспечения для представителей среднего класса колеблются в пределах 10–20% (рис. 12). Согласно результатам социологических исследований, проводившихся Центром стратегических разработок (ЦСР) в 2009–2010 гг. [Белановский, 2010], большинство представителей среднего класса склонно рассматривать вложения в недвижимость как основной инструмент дополнительных накоплений на старость. Надежность и эффективность защиты прав на недвижимость здесь приобретает особую роль. Дополнительной проблемой в этом плане является отсутствие института обратной ипотеки, который играет значительную роль в таких странах, как США, где ликвидация недвижимых активов является важным источником поддержания доходов в пожилом возрасте.

Рисунок 12. Индивидуальные коэффициенты замещения для заработных плат разных размеров по отношению к средней заработной плате в стране

Источник: расчеты эксперта ЦСР Т.Г. Омельчук

ОБРАЗОВАНИЕ И СРЕДНИЙ КЛАСС

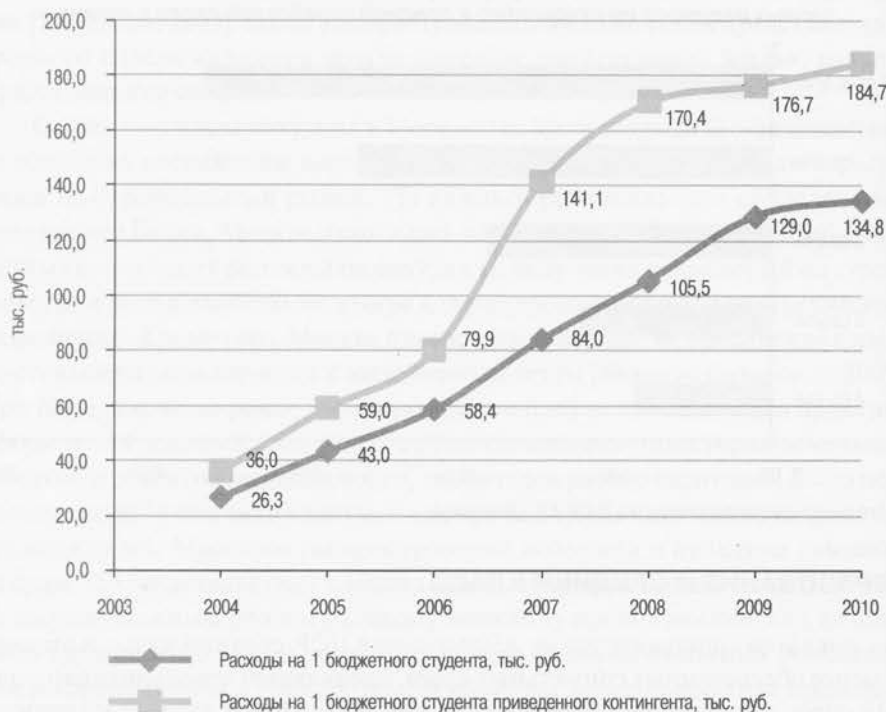
Как показали социологические исследования ЦСР, средний класс, в отличие от менее обеспеченных социальных слоев, предъявляет довольно ограниченный спрос на социальные трансферты в виде пособий и льгот, предпочитая полагаться преимущественно на собственные возможности. В части потребления социальных услуг его интересы сосредоточены прежде всего на сферах, обеспечивающих воспроизводство человеческого капитала.

Средний класс, как уже отмечалось, происходит из более образованных семей и имеет более высокое образование. Кроме того, средний класс намного более активно занимается самообразованием, по сравнению с другими группами населения: только 19% специалистов из ядра среднего класса не пополняли свое образование в течение 2007–2009 гг., тогда как среди специалистов дальней периферии среднего класса — 45%. Следовательно, услуги образования, соответствующие принципу «цена — качество», для среднего класса очень важны.

В настоящее время средний класс в России сталкивается с низкой доступностью и качеством субсидируемого дошкольного образования для своих детей, которое не отменяет платы и спонсорских взносов родителей, и дороговизной частных услуг в данной сфере. Очередь в дошкольные учреждения выросла за период 2005–2010 гг. в 2,2 раза с 966 тыс. чел. до 2145 тыс. чел. Не имеют широкого распространения механизмы субсидирования получения услуг дошкольного образования в негосударственных образовательных организациях, которые способны отвечать более разнообразным запросам семей среднего класса, а также формы частно-государственного партнерства.

В школах, которые требуют от родителей значительных затрат на обучение детей, возрастная структура учителей продолжает «стареть», только в половине школ условия обучения соответствуют современным требованиям по наличию необходимой материально-технической базы. При этом существующие механизмы финансирования школьного образования исключают

Рисунок 13. Бюджетные расходы на 1 студента

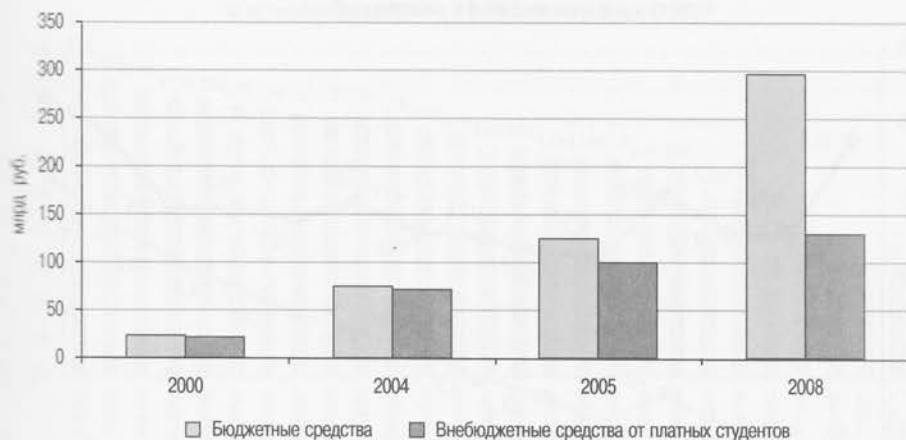
Источник: расчеты Т.Л. Клячко, д.э.н., НИУ «Высшая школа экономики».

возможность использования бюджетных средств в пределах подушевого норматива в качестве субсидий при обучении в платных школах, куда поступает значительная часть детей из семей среднего класса.

На первый взгляд, высшее образование — один из немногих сегментов социальных услуг, где формально государственная политика создает преимущества именно для среднего класса, предъявляющего повышенный спрос на эти услуги. Действительно, в отличие от государственных расходов на здравоохранение, которые в реальном выражении стагнировали или росли сравнительно медленно, бюджетные расходы на одного студента во второй половине 2010-х гг. по паритету покупательной способности выросли с 20% до 60% от среднего уровня стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (рис. 13). При этом впервые в современной российской истории в 2008 г. средние бюджетные расходы оказались более чем в 2 раза выше, чем средние расходы студента за платное обучение. Учитывая, что дети из семей среднего класса имеют больше шансов поступить на бюджетные места, средний класс получил наибольшие преимущества от такого развития событий.

Но, в отличие от многих других стран с развивающимися рынками, практика государственного финансирования обучения за рубежом в России почти не получила распространения. Фактически в стране создана система субсидирования неконкурентоспособного отечественного сектора профессионального образования. Его избыточная защищенность от глобальной конкуренции создает предпосылки для закрепления отставания качества

Рисунок 14. Бюджетные расходы и плата за обучение на 1 студента

Источник: расчеты Т.Л. Клячко, д.э.н., НИУ «Высшая школа экономики».

профессионального образования от уровня мировых лидеров. Качество отечественного профессионального образования все меньше устраивает представителей среднего класса. В социологических исследованиях ЦСР все чаще обнаруживаются намерения отправить детей на учебу за рубеж. Имеются свидетельства того, что жители Приморья предпочитают платное обучение своих детей в университете Харбина их поступлению на бюджетные места в недавно созданный Дальневосточный федеральный университет, имеющий массивную поддержку из федерального бюджета. Характерно, что и внутри страны ряд наиболее конкурентоспособных на международном рынке образовательных услуг, таких как Российская экономическая школа, дискриминируется в доступе к бюджетным средствам.

Высшее образование включает в себя в том числе большой сегмент «серых» услуг, которые в основном ложатся на средний класс (репетиторство, дополнительные занятия и т. п.). Высокая цена образовательной услуги далеко не всегда означает ее высокое качество. Это признается в том числе и специалистами, работающими в области образования. Так, коллектив авторов НИУ «Высшая школа экономики» отмечает: «Удельный вес численности студентов вузов в общей численности получающих профессиональное образование возрастал главным образом за счет платного высшего образования. Но опасность состояла в том, что платность стимулировала рост численности студентов и снижение качества образования. Между тем отдача от образования, учитывающая затраты на подготовку к поступлению и непосредственно на обучение в вузах, возросла в конце 1980 — начале 1990-х гг. примерно в 2 раза и до настоящего момента изменилась незначительно» [Уровень и образ жизни ..., 2011].

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И СРЕДНИЙ КЛАСС

Еще более сложная ситуация сложилась в сфере здравоохранения. По данным многих опросов, здравоохранение находится на первом месте среди приоритетов среднего класса. В отличие от высшего образования, государственные расходы в этой сфере в реальном выражении стагнировали или

Рисунок 15. Государственные и частные расходы на здравоохранение в ценах 1994 г., млрд руб.

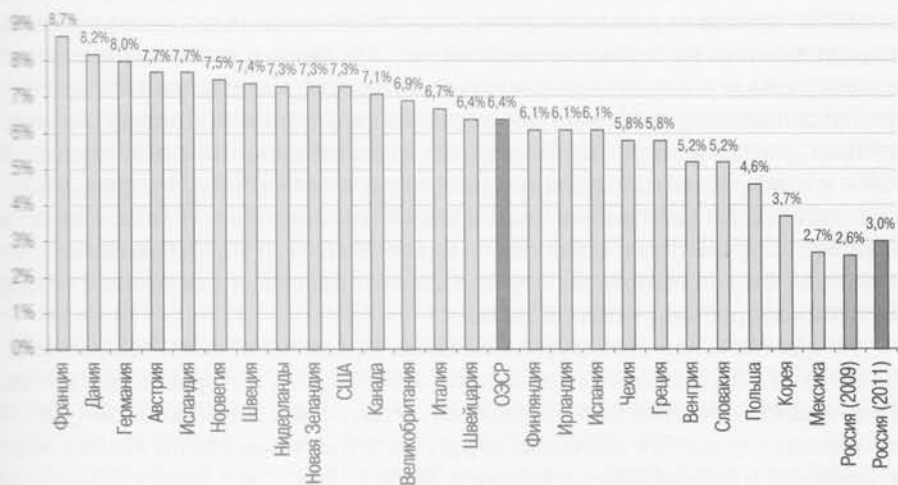
Источник: расчеты С. В. Шишкина, д.э.н., НИУ «Высшая школа экономики»; по данным Росстата и Федерального фонда Обязательного медицинского страхования с использованием индексов-дефляторов ВВП; Уровень и образ жизни ..., 2011.

росли сравнительно медленно. В процентах к ВВП государственные расходы на здравоохранение более чем в два раза уступают средним по ОЭСР (рис. 16). Этот разрыв еще более возрастает, если учесть, что показатели заболеваемости в России на 30–40% выше, чем в развитых странах [Улумбекова, 2011. С. 37]. При таком уровне отставания невозможно обеспечить качество бюджетного здравоохранения в соответствии с запросами среднего класса, уже привыкшего ориентироваться в своем потреблении на стандарты развитых стран. Рост потребления платных медицинских услуг в этих условиях становится неизбежен. Как видно на рисунке 15, расходы населения на медицинские услуги с 1994 по 2007 г. выросли в реальном выражении в 8 раз. Если в 2004 г. их совокупный размер был в 9 раз ниже совокупных государственных расходов на здравоохранение, то к 2007 г. государственные расходы и расходы населения практически сравнялись.

Однако возросший уровень платности не сопровождался соответствующим ростом качества медицинских услуг. Число граждан, недовольных системой здравоохранения, растет. В декабре 2010 г. «Левада-центр» опубликовал данные, согласно которым 91% опрошенных считает, что система здравоохранения нуждается в серьезных изменениях. Согласно данным НИУ ВШЭ, большинство граждан заменили бы врачей на более квалифицированных, медсестер — на более внимательных и оснастили бы медицинские учреждения необходимым современным оборудованием [Стратегия-2020 ..., 2012].

Коммерциализация здравоохранения не сопровождалась формированием институтов, компенсирующих проблемы асимметрии информации и зависимости пациентов от провайдеров медицинских услуг, особенно в случаях

Рисунок 16. Государственные расходы на здравоохранение в процентах к ВВП в России и странах ОЭСР

Источник: расчеты С. В. Шишкина по данным ОЭСР и Росстата.

оказания экстренной медицинской помощи и при катастрофических заболеваниях. Положение усугубляется тем, что рынок медицинских услуг в значительной мере носит неформальный и нерегистрируемый характер, например в виде доплат за формально бесплатные услуги, такие как медицинский уход в стационарах.

В условиях несовершенного рынка коммерческих услуг здравоохранения и отсутствия его адекватного регулирования пациенты в России нередко становятся объектом хищнической эксплуатации. Создаются предпосылки для массового злоупотребления рыночной силой медицинских организаций, включая навязывание ненужных, неоптимальных, дорогостоящих, а иногда и просто наносящих ущерб здоровью лечебных услуг, а также к неконтролируемому завышению цен. Количество выявленных случаев смерти в связи с врачебными ошибками в России оценивается приблизительно в 100 тыс. в год и соответствует уровню США при в 2,2 раза меньшей численности населения [Улумбекова, 2011. С. 47]. Однако в отличие от США, для которых тоже характерен высокий уровень коммерциализации медицинских услуг, в России так и не была создана система страхования ответственности медицинских работников, что не позволяет пациентам получать адекватную денежную компенсацию за нанесенный ущерб.

В результате вынужденное обращение к платным медицинским услугам, покупка медицинской страховки, оплата врачей и услуг в государственных поликлиниках (а основная часть платных услуг оказывается в государственных учреждениях) воспринимаются представителями среднего класса еще более негативно, чем оплата услуг образования. Именно средний класс, являющийся наиболее активным массовым потребителем рыночных услуг здравоохранения, в наибольшей степени является жертвой институциональной отсталости рынка медицинских услуг.

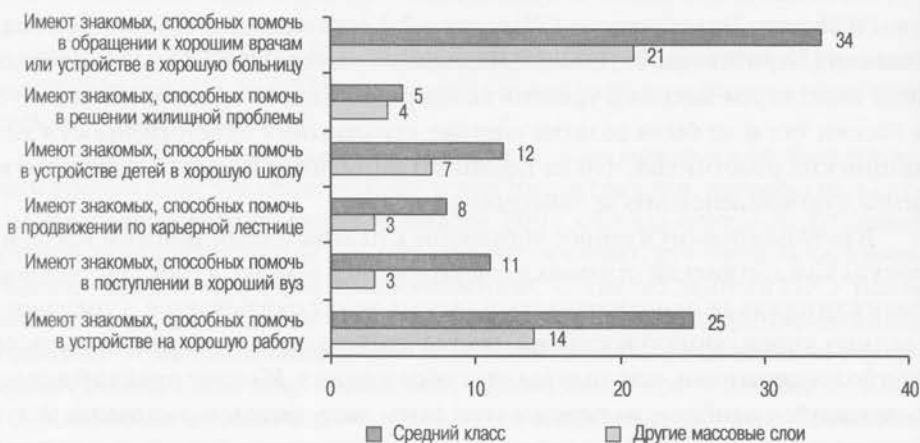
ВЫВОДЫ

Как было показано в нашей статье, становление среднего класса в России сопровождалось не только повышением его доходов и активов, но и ростом разнообразия и усложнением форматов массового потребления. Рассмотренные нами примеры из сферы транспортного регулирования, международного туризма, рынка жилья, образования и здравоохранения свидетельствуют о том, что возросшие запросы среднего класса в этих областях предъявляют дополнительные требования к качеству институтов. Во всех рассмотренных нами сферах развитие институтов заметно отстает от потребления соответствующих благ и становится серьезным препятствием для удовлетворения растущих запросов среднего класса.

Нечувствительность властей к экономическим интересам среднего класса толкает его к поиску способов защиты собственных интересов. Часто такая защита выстраивается неформальным путем, через личные связи (рис. 17), а во многих случаях и с помощью коррупционных механизмов. Но эти подходы носят явно паллиативный характер. Их использование делает потребление сложных благ (недвижимость, транспорт, путешествия, здравоохранение, образование) гораздо менее предсказуемым, поскольку структура неформальных связей носит во многом случайный характер и может не соответствовать природе и отраслевой специфике возникающих проблем. Кроме того, эффективный доступ к необходимым связям имеет меньшинство представителей среднего класса, несмотря на то, что более развитый социальный капитал обеспечивает им более развитые связи по сравнению с другими массовыми слоями населения.

Таким образом, несоответствие между сложившейся системой институтов и запросами среднего класса приобретает фундаментальный характер. Оно обусловлено не только отсутствием необходимых правовых норм и слабостью потенциала государственного управления, но и слабостью институтов правового государства в лице нейтрального независимого правосудия и эффективного правоприменения.

Рисунок 17. Наличие связей для решения проблем, процент

Источник: Тихонова Н.Е., 2009.

В отсутствие необходимых институциональных изменений разрыв между характером потребления и институтами будет нарастать. В условиях экономического роста средний класс, который уже сейчас составляет 20–30% населения в целом по России и 40–50% в крупных городах, будет увеличиваться. Его потребление будет возрастать и становиться все более сложным и многообразным, формируя усиливающийся спрос на соответствующие институты. По нашим оценкам, при сохранении умеренных темпов экономического роста к 2020 г. доля среднего класса во взрослом населении приблизится к 50% и составит 60–70% взрослого населения крупных городов. Осуществлению необходимых реформ препятствует недостаточное политическое влияние среднего класса, дефицит которого не позволяет формулировать и проводить в жизнь повестку институциональных изменений, отвечающую его коренным экономическим интересам. При сложившихся крайне медленных темпах институциональных преобразований и неспособности властей добиться их ускорения, становится все более вероятным дальнейшее расширение поля для конфликтов и их переход в политическую плоскость.

Наблюдаемый в последнее время рост протестных настроений в среде среднего класса, по-видимому, имеет фундаментальные экономические причины. Акции обманутых дольщиков, протесты против точечной застройки, в том числе нарушающей исторический облик города, протесты против транспортных пробок — все эти разновидности протестных акций имеют непосредственную связь либо с защитой прав на недвижимость, либо с защитой ее рыночной стоимости, либо с защитой права на пользование автомобилем, и, следовательно, они в значительной степени связаны с интересами среднего класса.

Запаздывание институциональных преобразований во многом связано с тем, что в рентоориентированной экономике они наталкиваются на сопротивление узких групп получателей ренты, которые перераспределяют ресурсы в свою пользу, опираясь на близость к властям разных уровней и пользуясь слабостью институтов политической конкуренции и правового государства. Институциональные реформы в интересах растущего среднего класса скорее всего приведут к масштабному перераспределению ресурсов от этих групп рентополучателей в пользу среднего класса и других массовых слоев населения. В конечном счете, для ускорения необходимых институциональных изменений среднему классу придется рано или поздно вступить в открытое политическое противостояние с влиятельными группами специальных интересов с целью усилить свое политическое представительство и сформировать эффективные механизмы контроля за властью, которыми он в настоящее время не обладает.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврамова Е. М. Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1.
- Аврамова Е. М. Формирование среднего класса в России: определение, методология, количественные оценки // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1.
- Белановский С. А. К вопросу об отношении населения к долгосрочным накоплениям // *Уровень жизни регионов России* № 6 (148) 2010.

- Белановский С. А., Дмитриев М. Э., Мисихина С. Г.* Средний класс в рентоориентированной экономике: почему Москва перестала быть Россией? // SPERO. 2010. № 13. Осень-зима.
- Беляева Л. А.* В поисках среднего класса в России // Социологические исследования. 1999. № 7.
- Ведение бизнеса в России в 2009 году. Всемирный банк, 2009.
- Добрынина Е.* Подкупающая откровенность. «Российская газета». Федеральный выпуск № 4679. 06.06.2008. URL: <http://www.rg.ru/2008/06/06/vzatki.html>.
- Малева Т. М., Овчарова Л. Н. и др.* Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Экон-Информ, 2008.
- Перспективы политической трансформации России. М., ЦСР, РАНГХ и ГС, 2011.
- Словецкий В.* Наши за рубежом: спасайтесь, как можете // Свободная пресса. 30.06.2011. URL: <http://svpressa.ru/society/article/45101>.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: стат. сб. / Росстат. М., 2006. URL: <http://www.gks.ru>.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2006. URL: <http://www.gks.ru>.
- Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. URL: <http://www.gks.ru>.
- «Стратегия-2020»: Система здравоохранения фактически стала легально платной. Стратегия социально-экономического развития страны до 2020 года. 23.01.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://strategy2020.rian.ru/news/20120123/366251222.html>, свободный.
- Тихонова Н. Е., Мареева С. В.* Средний класс: теория и реальность. М.: АльфаМ, 2009.
- Транспорт в России. 2009: стат. сб. / Росстат М., 2009. URL: <http://www.gks.ru>.
- Туристы могут обезопасить себя только с помощью полиса // Справочник путешественника, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://atlasmap.ru/index.php/gf/75455>, свободный.
- Улумбекова Г. Э.* Как отвечает законопроект «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» на вызовы системе здравоохранения. М., 2011.
- Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах. Докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г. В. Андрушак, А. Я. Бурдяк, В. Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. колл. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
- UNWTO: World's Top Tourism Spenders, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unwto.org>, свободный.
- UNWTO: UNWTO Tourism Barometer, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unwto.org>, свободный.

ВОЗМОЖНОСТИ ОЦЕНКИ ВКЛАДА МИГРАНТОВ В РОЖДАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ТЕКУЩЕЙ СТАТИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Бирюкова С.С., младший научный сотрудник НИСП

Статья содержит обзор результатов, полученных в ходе разработки массивов данных текущей статистики населения России. Основное внимание уделено вопросу качества и состава данных о естественном движении населения с точки зрения возможности их использования для оценки вклада мигрантов в рождаемость и смертность регионов Российской Федерации и страны в целом. Кроме этого статья содержит некоторые результаты проведенного пилотного расчета вклада мигрантов в рождаемость и смертность на основе указанных данных в десяти регионах России за 2009 год.

ВВЕДЕНИЕ

В связи с постоянно возрастающими интенсивностью и разнообразием международных миграционных потоков в последние годы во многих странах все более популярными становятся исследования, посвященные выявлению и оценке различий в уровнях смертности и рождаемости между мигрантами и коренным населением принимающих территорий.

Необходимость проведения аналогичных исследований в России в настоящий момент представляется бесспорной¹, особенно в контексте растущего на протяжении последних лет общественного и социального напряжения в отношении мигрантов. Вопросы негативного влияния мигрантов на ситуацию в области смертности, в том числе младенческой, распространенности социально значимых заболеваний, а также в сфере отказов от новорожденных детей нередко поднимаются российскими средствами массовой информации². Для получения обоснованных выводов по всем обозначенным вопросам и, что более важно, для формирования взвешенной и обоснованной миграционной политики, а также политики по отношению к мигрантам в сферах здравоохранения, трудоустройства, образования и других областях, необходимо иметь возможность реально оценивать как вклад мигрантов в воспроизводство населения регионов России, так и — непосредственно — демографические

¹ См.: Бирюкова С.С., Чудиновских О.С. Возможности использования данных, основанных на записях актов гражданского состояния, для оценки влияния миграции на воспроизводство населения // Вопросы статистики. 2011. № 8. С. 49–50.

² См., например: «Москва засекретила уровень рождаемости среди мигрантов» <http://www.migrant.ru/news.php?id=767>; Россия: сообщения об облавах на таджикских мигрантов: <http://www.hrw.org/ru/news/2011/11/16>; Сюжет: «Россия позаботится о детях, брошенных мигрантами», МИР ТВ: <http://www.otkazniki.ru/articles.php?ocd=view&id=197>.

характеристики мигрантов. Тем не менее, эта тема в России до настоящего времени остается практически не изученной: исследования, касающиеся связи миграции и смертности, судя по всему, не проводились вообще, а среди работ в области оценки вклада миграции в рождаемость можно указать только единичные примеры³.

До сих пор основной причиной отсутствия исследований в этой сфере специалисты считали нехватку необходимых статистических данных. Однако в статье будет показано, что в основу требуемых расчетов могут лечь данные текущего учета миграционного и естественного движения населения Российской Федерации, последние из которых до настоящего момента не использовались в научных целях.

Зарубежные авторы, обращаясь к исследованиям влияния международной и внутренней миграции на воспроизводство населения принимающих территорий, привлекают широкий спектр статистических источников. Так, европейские исследователи, как правило, опираются на данные общенациональных и муниципальных регистров населения, которые традиционно содержат сведения о стране (месте) исхода мигранта и его гражданстве, а также о времени миграции. В ряде стран эта информация дополняется связанными с ними узкоспециальными базами данных⁴, которые позволяют включить в рассмотрение более широкий набор индивидуальных характеристик. Среди европейских работ исключение составляют британские исследования, основанные на данных переписи населения, соотнесенных с информацией, получаемой в ходе текущего учета демографических событий и данными лонгитюдных выборочных обследований. В Соединенных Штатах наиболее популярными источниками информации являются крупные выборочные обследования⁵, а также статистика текущего учета населения и база микроданных десятилетних цензов⁶ за 1970, 1980, 1990 и 2000 гг. Нужно отметить, что указанные микроданные доступны также и в международном масштабе: по 44 странам мира на основе результатов 130 национальных переписей населения собраны файлы о 279 миллионах человек. Разнообразие доступных источников данных, их структуры и содержания позволяют зарубежным авторам проводить исследования по широкому кругу вопросов.

В российской системе источников статистических данных о населении, к сожалению, пока отсутствует регистр, и не проводятся регулярные обследования по репрезентативной в масштабах страны выборке, удовлетворяющие целям с точки зрения содержания вопросника. Основой работы С. Захарова и С. Суркова, упомянутой выше, стали материалы первой волны обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ, 2004 г.) и обследования «Образование и занятость», проведенного в 2005 г. на основе подвыборки 2004 г. Однако даже обследование РидМиЖ,

³ Этому вопросу посвящена опубликованная в 2009 г. работа: *Захаров С., Сурков С.* Миграция и рождаемость в России // Демоскоп weekly. 2009. №399-400, 401-402.

⁴ Это, например, база данных системы пенсионного обеспечения в Германии; база данных по иммигрантам, основанная на выборке из регистра населения, в Швеции.

⁵ К примеру, «Текущее обследование населения» (CPS, Current Population Survey); «Американское обследование общин» (ACS, American Community Survey); «Американское обследование жилищных условий» (AHS, American Housing Survey); «Лонгитюдное национальное исследование смертности» (NLMs, National Longitudinal Mortality Study) и др.

⁶ Decennial Census Public Use Microdata Samples (PUMS) files.

являющееся в России уникальным с точки зрения объема выборки и состава собираемых данных, включает только краткий блок вопросов, касающихся миграционных биографий респондентов.

Информация, собираемая в ходе Всероссийской переписи, не применяется для подобных исследований по ряду причин. Во-первых, программа переписи также включает недостаточно широкий круг вопросов о миграционном прошлом населения, и даже полученные данные не разрабатываются в полном объеме из-за финансовых ограничений. Во-вторых, длина временного интервала, проходящего между двумя раундами переписи, не позволяет проводить анализ на регулярной основе и непрерывно отслеживать динамику ситуации.

Тем не менее, несмотря на явную нехватку открытой статистической информации, в России не используется в полной мере потенциал существующей административной статистики. В настоящее время массивы записей актов гражданского состояния о событиях рождения и смерти формируются в электронном виде и включают в себя такие «миграционные» переменные, как место рождения, место постоянного жительства (регистрации) и гражданство (информация по всем указанным переменным существует для умерших и каждого из родителей новорожденных). При этом регистрация смертей и рождений ведется непрерывно и повсеместно, что снимает вопрос о репрезентативности выборки при работе с полученными в ходе текущего учета данными.

В 2010 г. автором впервые был разработан электронный массив данных текущего учета естественного движения населения за период с февраля по ноябрь 2009 г.⁷, полученный из территориального органа статистики г. Москвы⁸. Проведенная работа показала, что указанные массивы содержат в себе большое количество ошибок различных типов, в текстовых переменных файлов отсутствует единство в структуре и формате данных, и их статистическая обработка невозможна без длительной и трудоемкой предварительной подготовки.

Так, текстовые поля файлов, в которых содержится информация, теоретически позволяющая выделять различные контингенты мигрантов⁹, содержали пять основных типов ошибок:

1. *Опечатки* — явные случайные ошибки ввода, к которым были отнесены пропуски букв в названиях (например, «Калининградская», «Моковская»), употребление неверных букв в тех случаях, когда это не может считаться

⁷ Подробное описание массивов, их размеров и структуры, системы их ввода и хранения см.: Бирюкова С.С., Чудиновских О.С. Возможности использования данных, основанных на записях актов гражданского состояния, для оценки влияния миграции на воспроизводство населения // Вопросы статистики. 2011. № 8. С. 51-52.

⁸ Территориальный орган статистики г. Москвы, в свою очередь, формирует указанную базу данных на основе файлов, получаемых от органов ЗАГС.

⁹ К ним относятся следующие поля: «место рождения», «последнее место жительства» и «место смерти» в файлах регистрации смертей, а также «место рождения», «место регистрации отца» и «место регистрации матери» в файлах регистрации рождений. Информация о месте рождения отца и матери новорожденного в электронном массиве отсутствовала.

- очевидной орфографической ошибкой (например, «Кулужская») и некоторые другие виды опечаток¹⁰.
2. *Ошибки в написании географических наименований* — к данному типу ошибок были отнесены, например, такие варианты написания, встретившиеся в массивах, как «Кемировская», «Болашовская»¹¹.
Процент ошибок первых двух типов по отношению к общему объему массивов невелик, однако именно они в наибольшей степени усложняют аналитический процесс, поскольку ошибки и опечатки сложно поддаются систематизации.
 3. *Употребление неверных сокращений и аббревиатур* — по отношению к названиям типов субъектов встречались различные варианты сокращений (например, «область» и «обл.», «Республика» и «Респ.») и сокращения, употребление которых не является общепринятым («Кр.», «Гор.» и некоторые другие). Среди аббревиатур были обнаружены не поддающиеся расшифровке сокращения (к примеру, «Лзсср»), общепринятые сокращения, указанные в неверном регистре, строчными буквами (например, «Басср»), а также названия, сокращенные до аббревиатур и поддающиеся расшифровке, по отношению к которым, однако, подобные формы нельзя считать общепринятыми (к примеру, сокращение наименования «Дальневосточный край» до «Двк»). Кроме этого для всех видов сокращений и для аббревиатур географических названий отсутствуют какие-либо унифицированные формы, что значительно затрудняет автоматизацию анализа, но, скорее всего, объясняется различным написанием географических наименований в предоставленных работникам ЗАГСов документах.
 4. *Пропуск части наименования географического образования* — одна из наиболее распространенных форм ошибок, связанная с указанием названий субъектов Российской Федерации или менее крупных образований без внесения его типа (к примеру, «Самарская» вместо «Самарская область», «Хабаровский» вместо «Хабаровский край» и проч.).
 5. *Пропуск одной или нескольких частей полного адреса*¹² — к этому типу ошибок относятся случаи, где не указана страна, к которой относится адрес (при этом он может быть как на российской, так и на зарубежной территории), и случаи, где отсутствует наименование субъекта РФ (или области — если адрес находится за пределами России), сразу указывался город¹³.

Важно отметить, что все перечисленные выше ошибки мы относим к *ошибкам ввода* и считаем, что совершенствование программного обеспече-

¹⁰ Все приведенные в данном параграфе работы примеры взяты из сводного файла записей регистрации смертей, поля «место рождения» умершего. Ошибки этих же типов были найдены и в других текстовых полях как в массиве данных регистрации смертей, так и в массиве данных регистрации рождений.

¹¹ К сожалению, строгого критерия, по которому можно было бы отличать опечатки от ошибок, выработать в ходе работы не удалось, тем не менее ошибки в данном случае следует рассматривать отдельно, поскольку их наличие свидетельствует о том, что сотрудники ЗАГСов невнимательно переносят информацию из документов при вводе в базу данных, а в системе ввода отсутствует или не срабатывает механизм коррекции ошибок.

¹² Данный тип ошибок относится только к так называемым расширенным текстовым полям — тем, которые содержат в себе полный адрес, т.е. место регистрации или последнего места жительства.

¹³ Как правило, такая ситуация возникает, когда адрес относится к титульному городу субъекта Российской Федерации.

ния, на основе которого он производится, может позволить избежать значительной их части¹⁴. Кроме этого существует еще ряд недочетов, нарушающих целостность базы данных по текстовым переменным и препятствующих автоматизированному анализу, но не являющихся ошибками ввода, как то:

1. Присутствие нескольких вариантов одних и тех же географических наименований (к примеру, различия в названиях городов и стран, связанные с историческими изменениями: «Ленинград» и «Санкт-Петербург», «Чувашская АССР» и «Чувашская Республика»; краткие и полные формы наименований государств или регионов: «Грузия» и «Республика Грузия», «Чечня», «Республика Чечня» и «Чеченская Республика» и проч.).
2. Неоднородность данных с точки зрения детализированности.
3. Отсутствие единого стандарта пунктуации.

Наконец, ошибки, хотя и в меньшем разнообразии, содержатся также в нетекстовых полях массивов данных. Среди них можно указать опечатки, о наличии которых свидетельствуют, к примеру, указанные в файлах данных регистрации смертей следующие годы рождения умерших: 1023, 1867. Несоответствие двух указанных здесь дат действительным данным не вызывает сомнения, и их наличие говорит о том, что опечатки могут содержаться и в других записях и переменных.

С 2009 г. Росстатом организован сбор статистики естественного движения населения от территориальных органов государственной статистики всех регионов России в формате электронных файлов, пригодных для обработки при помощи основных статистических пакетов. Сведения предоставляются в форме типовых файлов с унифицированным перечнем и структурой полей, что позволяет говорить о создании единой и сопоставимой общегосударственной базы данных.

При этом в контексте темы данного исследования важно отметить, что перечень полей в файлах, собираемых Росстатом, сужен относительно того, что было представлено в описанной выше базе данных г. Москвы, и среди всех «миграционных» переменных сохранено только поле «гражданство»¹⁵. Возможно, это связано именно со сложностью ввода и аналитической обработки текстовых полей, о которой говорилось выше. Безусловно, такое сокращение числа признаков, на основании которых можно судить о миграционном статусе и миграционном прошлом граждан, резко снижает научный потенциал данных о текущем движении населения с точки зрения исследований рассматриваемой темы. В дальнейшем все исключенные поля, с нашей точки зрения, должны быть добавлены в структуру типового файла, запрашиваемого у регионов.

¹⁴ См.: Бирюкова С.С., Чудиновских О.С. Возможности использования данных, основанных на записях актов гражданского состояния, для оценки влияния миграции на воспроизводство населения // Вопросы статистики. 2011. № 8. С. 55-56.

¹⁵ Причем в файлах регистрации рождений содержится *единственное* поле «гражданство», в котором, вероятнее всего, содержится информация о гражданстве матери в тех случаях, когда эта информация есть, и о гражданстве отца в тех случаях, когда информация о матери ребенка отсутствует.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2011 г. была впервые проведена пилотная разработка данных текущего учета населения, собираемых Росстатом из территориальных органов статистики, — на основе базы данных за 2009 г.

Для осуществления пробных расчетов была сформирована выборка субъектов Российской Федерации таким образом, чтобы в ней были представлены все 8 федеральных округов. В качестве критерия отбора регионов использовался показатель величины миграционного притока (данные по включенным в выборку регионам см. в *таблице 1*). В Центральном и Северо-Западном федеральных округах вошедшие в выборку города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, традиционно отличающиеся очень высокой миграционной привлекательностью, были дополнены Московской и Ленинградской областями соответственно, так как миграционные процессы в каждой из этих пар регионов тесно взаимосвязаны и разделять их в ходе анализа представляется нецелесообразным.

На основе данных, собираемых Росстатом, как было отмечено выше, из всей совокупности людей, попавших под статистическое наблюдение в ходе

Таблица 1. Общие итоги миграции в отношении к численности населения регионов, 2009 г.¹⁶

Субъект РФ	Число прибывших, всего:		В том числе из-за пределов региона				Справочно: численность населения субъекта на 1 января 2010 г., тыс. чел.
	тыс. чел.	процент от численности населения региона	из других регионов России		из других стран мира		
			тыс. чел.	процент от численности населения региона	тыс. чел.	процент от численности населения региона	
Краснодарский край	78,7	1,5	39,1	0,8	10,3	0,2	5160,7
Приморский край	24,9	1,3	7,6	0,4	2,2	0,1	1982,0
Ставропольский край	45,7	1,7	18,9	0,7	5,4	0,2	2711,2
Иркутская область	29,1	1,2	8,7	0,3	1,6	0,1	2502,7
г. Санкт-Петербург	57,3	1,2	44,4	1,0	6,2	0,1	4600,3
Ленинградская область	30,1	1,8	19,3	1,2	5,3	0,3	1629,6
г. Москва	89,7	0,8	76,0	0,7	13,6	0,1	10563,0
Московская область	133,9	2,0	79,8	1,2	22,3	0,3	6752,7
Свердловская область	54,9	1,2	17,9	0,4	5,3	0,1	4393,8
Республика Татарстан	53,9	1,4	13,5	0,4	9,5	0,3	3778,5

Источник: данные Росстата (Демографический ежегодник России, 2010).

¹⁶ Данные о международной и внутрироссийской миграции Росстат получает в результате разработки поступающих от территориальных органов Федеральной миграционной службы документов статистического учета прибытия и выбытия (листок статистического учета прибытия и листок статистического учета выбытия), которые составляются при регистрации или снятии с регистрационного учета населения по месту жительства (см. Демографический ежегодник России, 2010, методические пояснения к разд. 7).

текущего учета, мы имеем возможность выделять только международных мигрантов и только по признаку гражданства. Безусловно, такой подход является упрощенным, и переменная «гражданство» не всегда связана с миграцией, поэтому полученные результаты должны рассматриваться с рядом оговорок. Тем не менее, даже эти сведения обладают огромной ценностью в условиях отсутствия иных источников данных об участии мигрантов в воспроизводстве населения.

В ходе разработки информации о гражданстве, содержащейся в базах регистрации смертей и рождений, выделялось пять основных групп умерших лиц или родителей новорожденного: (1) имевшие российское гражданство; (2) имевшие гражданство иностранного государства, входившего в состав Советского Союза¹⁷; (3) имевшие гражданство иного иностранного государства; (4) лица без гражданства и (5) лица, гражданство которых не было указано. Такой подход, с одной стороны, упрощает проведение анализа за счет укрупнения рассматриваемых совокупностей мигрантов. С другой стороны, приведенная группировка позволяет увидеть, что в текущей статистике населения находит отражение специфика потока прибывающих в Россию международных мигрантов, в котором до сих пор преобладают выходцы из стран, входивших в состав бывшего Советского Союза.

Итак, как показали первые расчеты, на долю иностранных граждан в 2009 г. в рассмотренных регионах приходилось от 0,1% до 1,3% от общего числа зарегистрированных смертей и от 0,5% до 6,6% от общего числа зарегистрированных рождений (*табл. 2 и табл. 3*)¹⁸. Нужно отметить, во-первых, что разброс этих показателей по регионам оказывается довольно значительным, и, во-вторых, их величины не зависят напрямую от показателей интенсивности миграционного притока (*табл. 1, столбец 7*). При этом подавляющее большинство смертей и рождений, относящихся к иностранным гражданам, как хорошо видно из приведенных таблиц, приходится на мигрантов, гражданство которых относится к странам бывшего Советского Союза.

Интересно также неравномерное распределение включенных в рассмотрение субъектов по долям умерших, гражданство которых было не указано. Особенно с этой точки зрения в нашей выборке выделяется г. Москва, где была зафиксирована минимальная доля пропусков в графе «гражданство умершего» (0,1%, в то время как в остальных регионах, в том числе в Московской области, на эту часть записей приходилось 2,6–5,7%) (*табл. 2*), и максимальная — в графе «гражданство» в файле регистрации рождений на уровне 2,5% (в остальных регионах доля таких ячеек находится в интервале 0,0–0,7%) (*табл. 3*). Такая исключительная ситуация, возможно, связана с какими-либо особенностями регламента процедуры регистрации событий или последующей обработки статистической информации перед передачей ее в Росстат, практикуемыми в г. Москве.

Этот момент заслуживает нашего внимания в контексте данной работы, поскольку различия в обработке первичной статистической информации,

¹⁷ В группу стран, относящихся к территории бывшего Советского Союза, в рамках данной работы включаются следующие государства: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония.

¹⁸ Подчеркнем, что указанные интервалы долей могут оказаться иными при включении в выборку всех регионов Российской Федерации.

Таблица 2. Распределение зарегистрированных смертей по гражданству умершего, в процентах по строке, 2009 г.

Регион	Гражданство умершего					Всего
	российское	иностранное, на территории быв. СССР	иностранное, за пределами быв. СССР	лица без гражданства	гражданство не указано	
Краснодарский край	95,7	0,5	0,0	0,0	3,7	100,0
Приморский край	94,6	0,2	0,1	0,0	5,1	100,0
Ставропольский край	96,9	0,3	0,0	0,0	2,7	100,0
Иркутская область	95,4	0,1	0,0	0,0	4,4	100,0
г. Санкт-Петербург	96,3	0,7	0,0	0,0	2,9	100,0
Ленинградская область	95,1	0,9	0,0	0,0	4,0	100,0
г. Москва	98,6	1,2	0,1	0,0	0,1	100,0
Московская область	96,1	0,8	0,0	0,1	3,0*	100,0
Свердловская область	96,0	0,3	0,0	0,0	3,7	100,0
Республика Татарстан	97,2	0,2	0,0	0,0	2,6	100,0

Примечание. В файлах регистрации смертей по Московской области часть граф по гражданству умершего была не заполнена; их доля прибавлена к доле записей, в которых гражданство умершего не указано.

Источник: рассчитано по данным Росстата за 2009 г.¹⁹

различия в процедуре ее ввода и иные подобные отличия могут привести к несопоставимости массивов между субъектами. То же касается наличия пустых ячеек в рассматриваемой нами графе в массиве Московской области, единственном из всех включенных в анализ регионе (*примечания к табл. 2, 3*).

Доли событий, происходящих с участием международных мигрантов, хотя и показывают в определенном смысле масштаб распространенности этого явления, но являются малоинформативными с точки зрения демографии. Для того чтобы получить представление о различиях в моделях рождаемости и смертности, характерных для мигрантов и коренного населения, а также оценить вклад мигрантов в демографические показатели, необходимо перейти к расчету относительных показателей. При этом возникает вопрос выбора «знаменателя»: теоретически при изучении вклада мигрантов в воспроизводство населения мы должны рассматривать только те демографические события, которые происходят с так называемыми «постоянными» или «безвозвратными» мигрантами, и относить их к соответствующим численностям.

Однако мы, во-первых, не имеем возможности выделять указанные события из общей совокупности, поскольку рождения и смерти могут быть зарегистрированы на территории, где они произошли, вне зависимости от срока пребывания, наличия или типа регистрации человека. Во-вторых, в случае если единственным признаком для выделения совокупности мигрантов является иностранное гражданство, под наше рассмотрение попада-

¹⁹ Здесь и далее в названиях таблиц имеются в виду данные Росстата о числе смертей и рождений, зарегистрированных на территории регионов.

Таблица 3. Распределение зарегистрированных рождений по информации, содержащейся в графе «гражданство», в процентах по строке, 2009 г.

Регион	Гражданство матери (отца)					Всего
	российское	иностранное, на территории быв. СССР	иностранное, за пределами быв. СССР	лица без гражданства	гражданство не указано	
Краснодарский край	98,8	0,5	0,0	0,0	0,7	100,0
Приморский край	98,9	0,6	0,0	0,0	0,4	100,0
Ставропольский край	98,8	0,7	0,1	0,0	0,4	100,0
Иркутская область	98,8	0,8	0,1	0,0	0,3	100,0
г. Санкт-Петербург	97,4	2,0	0,1	0,0	0,5	100,0
Ленинградская область	98,8	0,8	0,0	0,0	0,3	100,0
г. Москва	90,9	5,9	0,7	0,0	2,5	100,0
Московская область	97,3	2,1	0,0	0,0	0,5*	100,0
Свердловская область	98,1	1,5	0,0	0,0	0,3	100,0
Республика Татарстан	99,1	0,8	0,1	0,0	0,0	100,0

Примечание. *В файлах регистрации рождений по Московской области часть граф по гражданству была не заполнена; их доля прибавлена к доле записей, в которых гражданство не указано.

ют только те, кто не получают или по каким-то причинам еще не получили российское гражданство.

В рамках данного исследования в качестве знаменателя для расчета относительных показателей были использованы данные Федеральной миграционной службы о численности иностранных граждан, пребывающих на территории Российской Федерации больше года.

Самые элементарные демографические коэффициенты — это общие коэффициенты рождаемости и смертности, которые, вообще говоря, обладают слабым аналитическим потенциалом и редко используются для изучения демографических процессов, поскольку они не учитывают влияние возрастной структуры населения (что, как будет показано ниже, особенно важно при сравнении мигрантов и коренного населения) и, следовательно, дают смещенные оценки интенсивностей процессов. Тем не менее, в рамках данного исследования они представляют для нас определенный интерес, поскольку для расчета общих коэффициентов требуется наименьший объем статистических данных по численностям различных групп мигрантов, что немаловажно в условиях существующего (надеемся, временно) в нашей стране дефицита подобной статистики. В таблице 4 приведены полученные величины общих коэффициентов рождаемости и смертности среди мигрантов и немигрантов по всем рассматриваемым регионам.

Разница в величинах общих коэффициентов смертности достигает 5,9 раз в Московской области и 5,8 раз в Иркутской области. В целом общие коэффициенты смертности, рассчитанные для мигрантов, оказываются в несколько раз ниже аналогичных показателей по коренному населению субъектов Российской Федерации, что объясняется, в первую очередь, более

Таблица 4. Общие коэффициенты смертности и рождаемости среди коренного населения и мигрантов, 2009 г.

Субъект РФ	Общий коэффициент смертности		Общий коэффициент рождаемости	
	среди немигрантов	среди мигрантов	среди немигрантов	среди мигрантов
Краснодарский край	10,08	4,09	10,08	4,13
Приморский край	10,06	3,32	10,03	6,88
Ставропольский край	10,04	4,44	10,04	4,44
Иркутская область	10,05	1,74	10,05	1,74
г. Санкт-Петербург	10,28	2,08	10,14	6,08
Ленинградская область	10,32	2,32	10,33	2,13
г. Москва	10,18	4,34	9,61	22,46
Московская область	10,45	1,78	10,32	4,20
Свердловская область	10,07	3,20	9,94	16,18
Республика Татарстан	10,04	3,37	9,98	13,80

Источник: рассчитано по данным Росстата о численностях населения регионов, данным ФМС России о численностях мигрантов, зарегистрированных на территориях регионов сроком от года.

молодой возрастной структурой мигрантов, в составе которых, как правило, практически не представлены старшие возрастные группы (например, рис. 1).

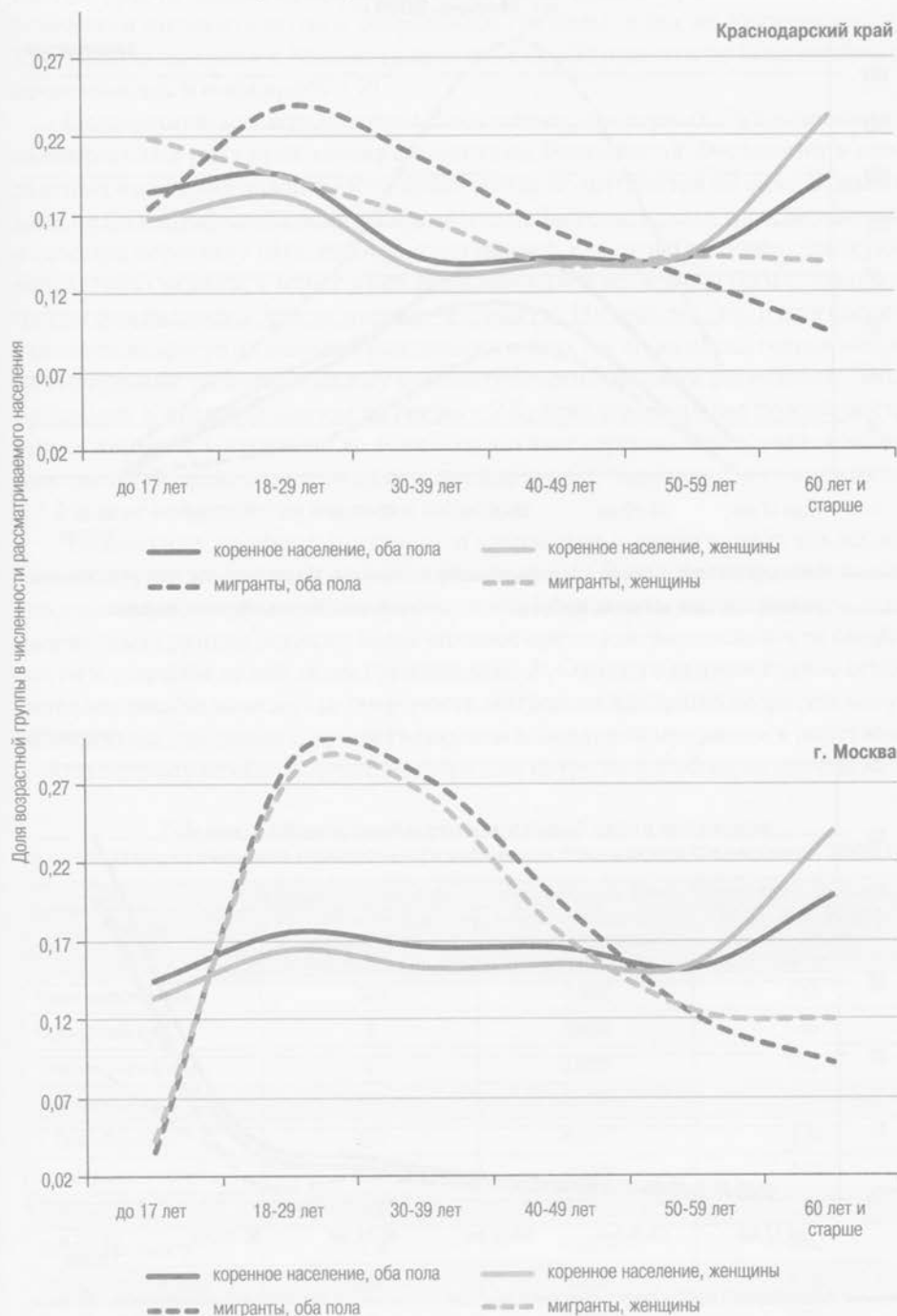
Кроме этого рассчитанные нами для мигрантов коэффициенты показывают большой разброс: их величина колеблется от 4,44 промилле в Ставропольском крае до 1,7 промилле в Иркутской области (табл. 4). В основе этих различий может также лежать специфика состава групп мигрантов: причины миграционной привлекательности тех или иных регионов могут определять особенности половозрастной структуры прибывающих в них людей (рис. 1).

По общим коэффициентам рождаемости, как и в случае расчетов по данным о смертности, мы получили достаточно однородную в разрезе субъектов Российской Федерации картину по женщинам, относящимся к коренному населению: общий коэффициент рождаемости среди них принимает значения от 9,6 промилле (в г. Москве) до 10,3 промилле (в Ленинградской области). В то же время среди населения, отнесенного нами к мигрантам, мы наблюдаем очень большой разброс значений: от 22,5 промилле до 1,7 промилле (табл. 4).

При этом в большей части рассмотренных нами субъектов уровень рождаемости среди мигрантов, оцененный при помощи общего коэффициента, оказывается ниже, чем среди коренного населения (особенно ярко эта картина выражена в Иркутской, Ленинградской и Московской областях). Обратная ситуация наблюдается только в г. Москве, Свердловской области и Республике Татарстан.

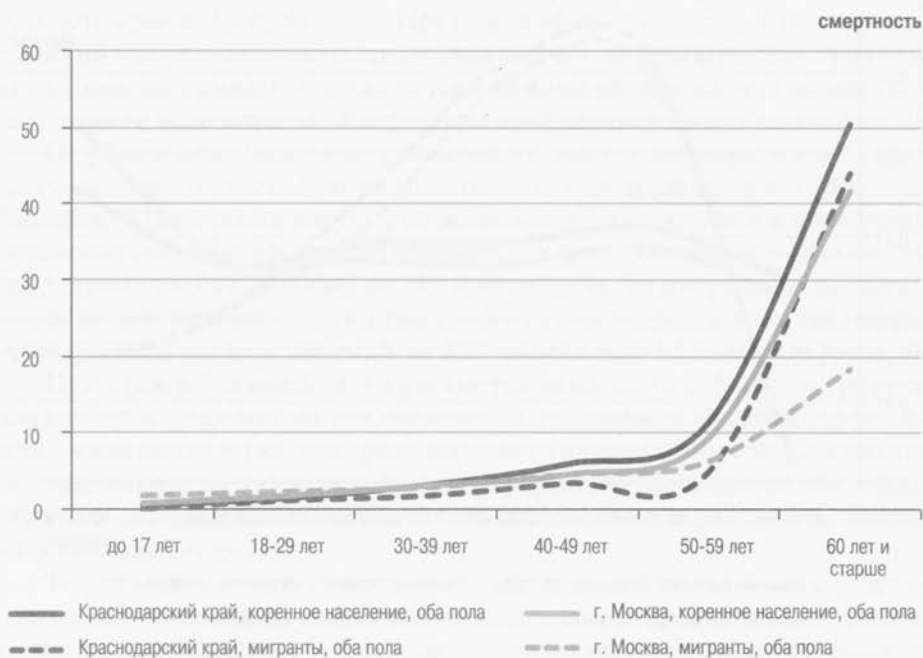
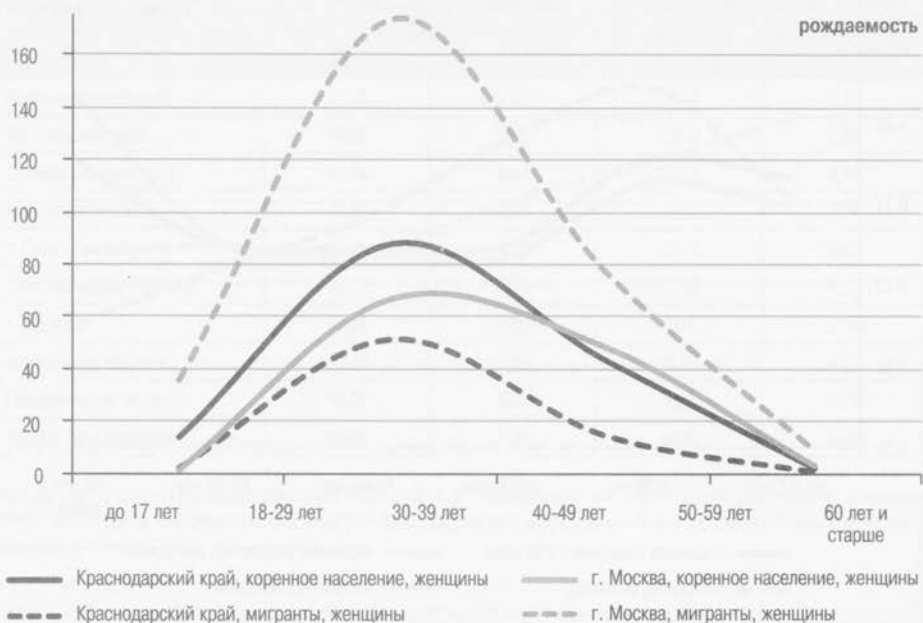
Тем не менее, на основе полученных здесь результатов нельзя с уверенностью делать выводы о «позитивном» или «негативном» вкладе мигрантов в смертность и рождаемость в регионах. Для понимания ситуации необходимо рассчитать какие-либо более сложные показатели для двух интересующих нас групп населения, и в первую очередь здесь можно перейти к возрастным коэффициентам смертности и рождаемости.

Рисунок 1. Различия в возрастной структуре коренного населения и мигрантов в Краснодарском крае и г. Москве, 2009 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата о численностях населения регионов, данным ФМС России о численностях мигрантов, зарегистрированных на территориях регионов сроком от года.

Рисунок 2. Различия в возрастных коэффициентах смертности и рождаемости среди коренного населения и мигрантов в Краснодарском крае и г. Москве, 2009 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата о численностях населения регионов, данным ФМС России о численностях мигрантов, зарегистрированных на территориях регионов сроком от года.

На *рисунке 2* приведены возрастные коэффициенты рождаемости и смертности, рассчитанные на основе данных Росстата для мигрантов и коренного населения по десятилетним возрастным группам, в тех же двух регионах, Краснодарском крае и г. Москве (возрастные коэффициенты по всем регионам представлены в *таблицах 6 и 7*).

Полученные нами результаты показывают, во-первых, существование значительных различий между субъектами Российской Федерации в возрастных профилях рождаемости среди женщин-мигрантов на фоне близких возрастных профилей среди женщин-немигрантов. Кроме того, женщины из состава коренного населения демонстрируют, как правило, более «гладкую» возрастную модель, с менее ярко выраженным и несколько более поздним пиком рождаемости, чем женщины-мигранты. Интересно, что и при сопоставлении возрастных моделей рождаемости двух групп женщин сохраняются значительные различия между рассматриваемыми нами регионами. Так, например, в представленном на *рисунке 2* Краснодарском крае рождаемость среди женщин-мигрантов во всех возрастных группах оказывается ниже рождаемости среди женщин из состава коренного населения, в то время как в г. Москве наблюдается обратная ситуация.

Возрастные профили смертности мигрантов и немигрантов также демонстрируют значительные различия (*табл. 6*). Так, коренное население показывает, во-первых, более высокие коэффициенты смертности во всех возрастных группах, а также более сильное смещение интенсивности смертности к старшим возрастным группам (*рис. 2*). Однако в данном случае относительно низкие показатели смертности мигрантов в старших возрастах могут объясняться, во-первых, существованием возвратной миграции к родственникам в страну исхода в случае болезни или нетрудоспособности мигранта и,

Таблица 5. Абсолютный и относительный вклад мигрантов в показатель суммарной рождаемости субъектов Российской Федерации, 2009 г.

Регион	Абсолютная величина вклада мигрантов в показатель	Относительная величина вклада мигрантов в показатель	Относительная величина вклада мигрантов в показатель, в процентах
Краснодарский край	-0,01	-0,0065	-0,65
Приморский край	0	0,0000	0,00
Ставропольский край	0	0,0000	0,00
Иркутская область	0,01	0,0057	0,57
г. Санкт-Петербург	-0,01	-0,0072	-0,72
Ленинградская область	-0,03	-0,0259	-2,59
г. Москва	0,05	0,0360	3,60
Московская область	-0,05	-0,0362	-3,62
Свердловская область	0,01	0,0066	0,66
Республика Татарстан	0	0,0000	0,00

Источник: рассчитано по данным Росстата о численностях населения регионов, данным ФМС России о численностях мигрантов, зарегистрированных на территориях регионов сроком от года.

Таблица 6. **Возрастные коэффициенты смертности среди мигрантов и немигрантов, 2009 г.**

Субъект РФ	Возрастные коэффициенты смертности среди немигрантов					
	до 17 лет	18-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60 лет и старше
Краснодарский край	0,48	1,38	3,12	5,93	11,42	50,50
Приморский край	0,51	2,28	5,05	7,83	14,58	51,12
Ставропольский край	0,60	1,22	3,23	6,21	11,62	52,18
Иркутская область	0,92	3,43	6,10	8,37	15,99	53,97
г. Санкт-Петербург	0,58	1,52	3,76	5,57	11,89	49,09
Ленинградская область	0,60	2,43	5,68	8,59	16,39	58,61
г. Москва	0,75	1,71	3,08	4,57	9,39	41,72
Московская область	0,61	2,33	4,96	7,48	14,09	56,48
Свердловская область	0,60	2,26	4,33	6,81	13,62	54,04
Республика Татарстан	0,54	1,53	3,26	5,79	11,64	51,91
	Возрастные коэффициенты смертности среди мигрантов					
Краснодарский край	0,00	1,09	1,71	3,38	4,89	43,87
Приморский край	0,00	1,73	3,49	3,43	5,68	10,89
Ставропольский край	0,28	0,26	2,33	4,18	4,51	35,47
Иркутская область	0,00	2,08	2,17	3,78	12,18	24,71
г. Санкт-Петербург	1,00	0,66	1,50	1,07	2,07	13,08
Ленинградская область	0,31	2,38	3,10	5,33	2,86	8,29
г. Москва	1,88	2,35	2,95	4,64	6,31	18,28
Московская область	0,20	0,95	1,50	2,59	3,51	18,87
Свердловская область	0,00	7,54	7,27	12,53	12,41	25,68
Республика Татарстан	0,00	1,46	1,63	2,45	3,68	28,90

Источник: рассчитано по данным Росстата о численностях населения регионов, данным ФМС России о численностях мигрантов, зарегистрированных на территориях регионов сроком от года.

во-вторых, небольшими численностями мигрантов в этих возрастных группах в целом, приводящими к сильному смещению построенных нами оценок²⁰.

На основе этих же данных для анализа рождаемости могут быть рассчитаны агрегированные показатели, а именно — суммарные коэффициенты рождаемости для двух этих групп населения. Используя их, вклад мигрантов в рождаемость можно оценить через разницу между величиной суммарного коэффициента рождаемости, рассчитанного для всего населения, и суммарного коэффициента рождаемости коренного населения (абсолютная величина вклада); или в относительном выражении, например, как отношение указанной разницы к итоговой величине суммарного коэффициента рождаемости для всего населения региона (*табл. 5*).

²⁰ Небольшой размер выборки, на основе которой производятся расчеты, может приводить к недостоверности полученных результатов.

Таблица 7. Возрастные коэффициенты рождаемости среди мигрантов и немигрантов, 2009 г.

Субъект РФ	Возрастные коэффициенты рождаемости среди женщин-немигрантов				Возрастные коэффициенты рождаемости среди женщин-мигрантов			
	15-17 лет	18-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	15-17 лет	18-29 лет	30-39 лет	40-49 лет
Краснодарский край	14,00	87,45	43,86	2,22	2,05	51,15	14,80	0,57
Приморский край	14,57	78,54	42,07	2,07	28,05	90,83	25,88	5,95
Ставропольский край	12,49	77,10	40,53	1,89	30,78	117,45	29,15	0,80
Иркутская область	18,21	97,46	48,02	2,47	25,84	199,38	71,35	7,46
г. Санкт-Петербург	5,13	70,57	49,66	2,76	17,61	66,94	22,67	1,61
Ленинградская область	10,04	64,82	36,13	1,67	1,93	20,63	6,84	0,91
г. Москва	1,85	66,90	49,07	3,62	35,84	173,09	78,14	9,10
Московская область	8,30	78,50	44,55	2,26	3,01	32,13	11,26	1,11
Свердловская область	14,06	81,53	46,39	2,12	41,04	431,98	126,30	9,59
Республика Татарстан	6,71	81,16	46,77	2,38	27,86	159,08	64,18	2,96

Источник: рассчитано по данным Росстата о численностях населения регионов, данным ФМС России о численностях мигрантов, зарегистрированных на территориях регионов сроком от года.

В соответствии с полученными нами результатами, только в трех из десяти рассмотренных нами регионах мигранты вносят значимый положительный вклад в итоговый показатель рождаемости: в Иркутской и Свердловской областях и в г. Москве.

ВЫВОДЫ

Проведенное пробное исследование подтвердило сделанное предположение об огромном научном потенциале данных текущего учета населения, в частности с точки зрения возможностей исследования на их основе влияния миграции на воспроизводство населения в масштабе регионов России и всей страны в целом.

Более того, на основе анализа состава полей электронной формы записей о регистрации смертей и рождений (переданной нам из территориального органа Федеральной службы государственной статистики по г. Москве) был сделан вывод о том, что при помощи этих данных можно теоретически изучать не только вклад мигрантов в процессы рождаемости и смертности в целом, но и проследить более сложные или сопряженные явления, в том числе вклад мигрантов в младенческую и перинатальную смертность, смертность по основным классам заболеваний и другие социально-значимые процессы. В дополнение к этому на основе информации о месте рождения умершего или о месте рождения каждого из родителей ребенка, которая собирается при регистрации демографических событий, теоретически можно оценивать вклад мигрантов прошлых лет в текущие демографические процессы территории их нынешнего проживания, то есть оценивать долгосрочные последствия миграции.

При этом централизованная система передачи данных текущего учета смертей и рождений от территориальных органов статистики Росстату имеет важнейший недостаток: собираемые файлы, содержащие унифицированный перечень информативных полей, включают в себя далеко не всю информацию, собираемую в ходе текущего учета движения населения. В частности, указанные файлы не содержат такую важную с точки зрения изучения вклада мигрантов в воспроизводство населения информацию, как место регистрации и место рождения отца и матери ребенка, а также место рождения умершего; файлы регистрации рождений содержат единственное поле под названием «гражданство», которое, по-видимому, включает данные одновременно по обоим родителям — можно предположить, что это зависит от полноты родительской пары или способа подачи заявления о регистрации рождения.

Наиболее точным инструментом, на основе которого можно на данный момент оценить вклад мигрантов в уровни смертности населения, нужно считать *возрастные коэффициенты смертности*, рассчитанные для двух групп населения: мигрантов и немигрантов. Эти коэффициенты, с одной стороны, сглаживают влияние различий в возрастной структуре между мигрантами и коренным населением территорий, а с другой стороны — не требуют поиска дополнительных данных и достаточно просты в вычислении. Вклад мигрантов в уровни рождаемости населения можно анализировать на основе *возрастных и суммарных коэффициентов рождаемости*.

Конкретные результаты, полученные в ходе проведения пробного расчета на основе данных регистрации смертей и рождений в десяти регионах Российской Федерации, хотя и не могут в полной мере считаться достоверными в силу ряда недостатков использовавшихся данных о численностях мигрантов, обнаружили значимые различия в моделях смертности и рождаемости, наблюдаемых среди мигрантов и коренного населения. Среди наиболее важных из полученных результатов следует указать вывод о том, что почти в половине из рассмотренных нами регионов мигранты вносят отрицательный вклад в показатели рождаемости, т. е. в этих регионах среди мигрантов наблюдаются более низкие уровни рождаемости, чем среди коренного населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бирюкова С. С., Чудиновских О. С. Возможности использования данных, основанных на записях актов гражданского состояния, для оценки влияния миграции на воспроизводство населения // Вопросы статистики. 2011. № 8. С. 49–58.
- Захаров С., Сурков С. Миграция и рождаемость в России. Ст. первая // Демоскоп weekly 2009. № 399–400. 23 ноября–6 декабря.
- Захаров С., Сурков С. Миграция и рождаемость в России, статья вторая // Демоскоп weekly 2009. № 401–402. 7–20 декабря.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2008 // Россия перед лицом демографических вызовов. М., 2009.
- Ediev, D., Coleman, D., Scherbov S., Migration as a Factor of Population Reproduction. European Demographic Research Papers. 2007. № 1.
- Sobotka, T. Overview Chapter 7: The rising importance of migrants for childbearing in Europe, Demographic Research. 2008. Vol. 19. Article 9. 1 July, P. 225–248.

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тындик А.О., научный сотрудник НИСП

В статье представлено комплексное исследование репродуктивных установок населения в современном российском обществе. В его рамках анализируется взаимосвязь между различными элементами репродуктивного поведения. Показано, что компоненты системы индивидуальных репродуктивных установок гармонично сочетаются между собой и как степень реализации потребности в детях зависит от ее величины.

В связи с тем, что в условных поколениях расхождения между желаемым и достигнутым размером семьи, а также ближайшие планы относительно рождения ребенка, обусловлены календарем рождений, отдельное внимание уделяется вопросу о возрасте первого рождения. Автор показывает связь между ориентацией на однодетность и откладыванием деторождения, стремлением к многодетности — и более ранним вступлением в родительство.

Исследование проводилось на базе репрезентативного социально-демографического обследования РИДМЖ.

ВВЕДЕНИЕ

Снижение рождаемости до уровня ниже простого воспроизводства населения, характерное для большинства развитых стран, объясняется либо трансформацией ценностей в отношении числа детей в семье, либо разрывом между нормативными представлениями населения и его фактическим репродуктивным поведением.

Недостижение желаемого числа детей обусловлено рядом социально-экономических причин — в первую очередь, увеличивающейся ценой времени женщины. Вследствие роста занятости женщин и повышения их образовательного уровня макроэкономическая и социальная инфраструктура были переориентированы на двухдоходные семьи, что сделало традиционную модель семьи («мужчина-добытчик, жена-домохозяйка») экономически невыгодной. Рост косвенных издержек рождения ребенка, равно как и конкуренция этого события с другими этапами жизненного цикла, сдвигают вступление в родительство к более поздним срокам и нередко приводят к снижению числа детей в целом. Однако повышение возраста материнства может быть связано только с текущим снижением рождаемости: вопрос о том, будет ли это скомпенсировано впоследствии, после того как средний календарь рож-

дений стабилизируется, остается открытым. На макроуровне связь между более поздним возрастом рождения первого ребенка и числом детей к концу репродуктивного периода не подтверждена однозначно.

Ценностное основание современных демографических тенденций заключается в продолжающемся повышении в иерархии ценностей современной женщины ее самореализации вне домохозяйства. Конкуренция потребностей вызывает изменение представлений о желаемом числе детей, что в свою очередь выливается в уменьшении количества детей в семьях. Многие исследователи отмечают снижение давления социальных норм общества (прежде всего, норм в отношении семьи и брака), рост личностной независимости и развитие потребностей «более высоких порядков» [Sobotka et al., 2003; Lesthaeghe, Neidert, 2006]. В связи с этим индивидуальные предпочтения в отношении числа детей и сроков их появления являются ключевыми вопросами для исследования постпереходной рождаемости. Раннее родительство нередко интерпретируется как знак более высоких репродуктивных установок [Hoem et al. 2001].

Принятие решения о рождении ребенка происходит в условиях неопределенности, поэтому люди в целом склонны переоценивать будущую рождаемость. То, от каких факторов зависит вероятность приведения в жизнь данного решения и какова величина рождаемости в современной России, вызывает высокий исследовательский интерес.

Основной задачей данной работы выступало исследование установок в отношении числа детей в семье в современном российском обществе и их трансформации в фактическое поведение. В рамках решения этой задачи авторы задавались вопросами о взаимосвязях между различными элементами репродуктивного поведения, а именно:

- Какова согласованность различных показателей репродуктивных установок?
- Насколько тесно взаимосвязаны индивидуальные нормы детности и фактическое число детей, возраст первого рождения?
- Как происходит трансформация установок в репродуктивные намерения на конкретный период времени?

Исследование проводилось на базе репрезентативного социально-демографического обследования РидМиЖ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК

Теоретическая рамка, широко охватывающая весь процесс формирования представлений о размере семьи, еще не оформилась [Testa, Grill, 2004]. Дискуссия о репродуктивных установках с самого начала шла вокруг методологии их измерения, обоснованности и надежности использования тех или иных

показателей. И западные, и российские эксперты чаще всего оперируют такими понятиями, как идеальное, желаемое и ожидаемое число детей¹.

Советская и российская демография накопила значительный опыт в изучении предпочтений различных социальных групп в отношении числа детей и в сравнении этих предпочтений с фактическим числом детей. Ключевым понятием в рамках отечественного подхода является понятие потребности в детях — «социально-психологического свойства индивида, проявляющегося в том, что без наличия детей и подобающего числа их индивид испытывает затруднения как личность» [Архангельский, 2006]. Много внимания уделяется внутренней структуре потребности в детях и ее разграничению с другими потребностями человека. Фактическое репродуктивное поведение зависит от разрешения конфликта в ситуации выбора между удовлетворением потребности в детях, других потребностей и внешними факторами, способствующими или препятствующими тому или иному выбору [Борисов, 1976]. Именно потребность в детях формирует репродуктивную установку, которая может быть численно выражена через систему трех показателей. Здесь идеальное число детей — когнитивная компонента репродуктивной установки (ориентация на социальные нормы), желаемое — когнитивно-эмоциональная компонента, ожидаемое — практическая компонента (установка действия) [Борисов, 1976]. Характерной чертой практического воплощения данного теоретического подхода выступают рекомендации включать в обследования все три вопроса и, желательно, подряд. Считается, что только в этом случае респондент будет различать эти понятия, в то время как при неполном наборе вопросов создается возможность для их смешения. Согласованность показателей отражает гармоничность установки в целом, а «более гармоничные установки более устойчивы, и семейные планы в этом случае точнее реализуются»² [Белова, Дарский, 1972].

В развитых странах взаимосвязь между установками, планами и реальным поведением в репродуктивной сфере исследуется также не одно десятилетие. Относительно идеального размера семьи отмечалось, что он носит абстрактный характер, поэтому слабо связан с фактическим опытом деторождения [van de Каа, 2001] и слабо реагирует на колебания рождаемости. Нередко он дополняется вопросом об идеальном возрасте рождения ребенка, так как календарь рождений выступает не менее важной характеристикой рождаемости, чем ее количественные показатели.

В центре внимания долгое время находилось желаемое число детей. И западные, и российские исследователи признают, что желаемое число детей лучше всего отражает индивидуальную потребность в детях и, следовательно, этот показатель может служить наиболее близким числовым выражением репродуктивной установки детности. Но при этом оно не может служить в качестве показателя точного количества детей к концу репродуктивного

¹ Формулировки вопросов варьируют от обследования к обследованию, но в целом под идеальным числом детей понимается то их число, которое, по мнению респондента, идеально иметь вообще; под желаемым — сколько детей сам респондент имел бы при всех необходимых условиях; под ожидаемым — сколько детей он собирается иметь всего.

² Отмечали это и Р.Фридман и Л.Кумбс: если ожидаемое и желаемое число детей совпадают, то ожидания более стабильны во времени [Freedman, Coombs, 1965].

периода: в странах с низкой рождаемостью оно всегда будет больше фактического при незначительных колебаниях разницы между ними. Однако необходимо отметить, что желаемое число детей как индикатор установок детности чаще подвергался изучению на макроуровне — на основании анализа тенденций средних значений показателя выявлялась взаимосвязь с уровнем текущей и будущей рождаемости. Работ, направленных на комплексное изучение желаемого числа детей на микроуровне, значительно меньше. Отчасти это связано с тем, что корректный анализ степени успешности реализации предпочтений в отношении числа детей затруднен в связи с высокими требованиями, предъявляемыми к длине панельных данных. Ранее популярными были ретроспективные вопросы — в частности, о желаемом и ожидаемом числе детей на момент вступления в брак. В дальнейшем от использования анамнестического метода применительно к установкам и намерениям отказались ввиду невысокой достоверности такой информации.

С теоретической точки зрения исследование текущей рождаемости должно проводиться в однородных по желаемому числу детей группах [Архангельский, 2006], однако такой анализ затруднен неустойчивостью установок. Долго время считалось, что представление о желаемом числе детей формируется в юности и остается на одном и том же уровне в течение жизни, определяясь более всего ценностями родительской семьи и религиозными установками [Ryder, 1973]. Советская демография также придерживалась мнения, что социальные репродуктивные нормы формируются средой в период социализации личности и потом мало меняются в течение жизни человека. Более точно это звучит в работе Борисова: в юности, в период социализации, формируется представление об идеальном числе детей, т. е. когнитивно-нормативные компоненты репродуктивной установки, но не вся установка [Борисов, 1976].

Лонгитюдные обследования помогли отследить изменение предпочтений на протяжении жизненного цикла. Описание наиболее ранних панельных обследований, в которых выявлялась устойчивость репродуктивной установки и ее связь с фактическим поведением, можно найти в работах Р. Фридмана и Л. Кумбса [Freedman, Coombs, 1965], Ф. Уилсона и Л. Бампасса [Wilson, Bumpass, 1973], Ч. Уэстоффа и Н. Райдера [Westoff, Ryder, 1977] и других³. Было выявлено, что репродуктивные установки меняются в течение жизненного цикла, будучи последовательным и обусловленным процессом. Факторами, влияющими на характер репродуктивных установок, выступают образование и история занятости на рынке труда наряду с историей создания и распада союзов, а также влияние предпочтений партнера [Thomson, 1996]. Между желаемым и фактическим числом детей возникает обратная связь. Особенно это характерно для незапланированных рождений и для тех, кто только вступает в родительство. Однако по мере «привыкания» к новому статусу респонденты нередко возвращаются к прежним установкам.

Одни и те же когорты с возрастом могут указывать как меньшее, так и большее число детей в качестве желаемого. Анализ длинных панельных

³ Несколько региональных лонгитюдных исследований было проведено и в России, более подробно см.: Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. М.: ТЕИС, 2006.

данных о репродуктивных намерениях (бюро Microcensus surveys проводило опросы в 1986, 1991, 1996 и 2001 гг.) показал, что австрийские женщины к 30 годам демонстрируют чуть более высокие репродуктивные намерения, чем когда они находились в возрасте 18–25 лет [Prskawetz et al., 2008]. В работе Хейлэнда [Heiland et al., 2008] отмечается неустойчивость желаемого числа детей — в среднем, около 50% респондентов изменили свое мнение о нем ко второй волне обследования (через 7 лет) как в сторону повышения, так и в сторону понижения. Тем не менее, авторы наряду с другими исследователями [Westoff, Ryder, 1977] отмечают, что репродуктивные установки имеют большую валидность по сравнению с другими индивидуальными характеристиками и содержат информацию, ценную для понимания последующего репродуктивного поведения.

Применительно к оценке будущей рождаемости чаще всего используется ожидаемое число детей. Поиск наиболее точных способов измерения этого показателя все еще не окончен. В одном из новых подходов ожидаемое число детей анализируется применительно к конкретному горизонту планирования, а не на весь репродуктивный период. Несмотря на то, что вопросы о намерениях задавались в обследованиях еще в середине XX века⁴, общая теоретическая модель, объясняющая взаимоотношение репродуктивных намерений и фактических рождений с учетом расхождений между двумя этими показателями, была разработана Миллером и соавторами гораздо позже [Miller et al., 2004]. Концепция TDIB («Traits-Desires-Intentions-Behaviour», т. е. «свойства личности-желания-намерения-поведение») несет в себе трехуровневую систему из биологических, психологических и социальных переменных. Существуют четыре возможных комбинации связи между намерениями и рождениями — реализация положительных намерений (рождение), реализация отрицательных намерений (нерождение), а также в случаях, когда намерения не реализуются: ложноположительная — если желание иметь ребенка не приводит к его появлению, и ложноотрицательная — если рождение ребенка происходит «незапланированно», при высказанном ранее нежелании иметь детей. Причиной ложноположительных намерений часто служит откладывание деторождения. В основном же к причинам ложноположительных результатов относятся события жизненного цикла, бесплодие и репродуктивные намерения партнера; ложноотрицательных — незапланированные беременности и появление нового партнера.

Репродуктивные намерения рассматриваются как серия последовательных и изменяющихся во времени индивидуальных решений, которые зависят от очередности рождения и временного интервала, на который осуществляется планирование [Morgan, 2001]. Здесь также следует учитывать контекст, в котором формируются намерения и принимаются последующие решения, включая изменения в брачно-партнерском состоянии, возможно, пол имеющих детей и пр., а также потенциальные разногласия между партнерами

⁴ Впервые вопросы о намерениях были разработаны в 1955 г. Growth of American Families Study и, в частности, в обследованиях США 1955 и 1960 гг. (GAF I и GAF II) задавались вопросы о том, скольких из общего числа ожидаемых детей женщина собирается родить в течение ближайших 5 лет. Агрегированная обработка данных показала высокую степень реализации заявленных планов.

в отношении деторождения. В связи с более низкими требованиями к длине панельных данных такие тайминговые показатели использовать легче.

На основании разных эмпирических данных было выявлено, что намерения завести ребенка в течение определенного периода обладают лучшей предсказательной способностью, чем предпочтения в отношении детности, измеряемые через ожидаемое или желаемое число детей [Tefaghiorghis 2007; Toulemon, Testa 2005]. Нежелание иметь (больше) детей особенно хорошо согласуется с последующим поведением (т. е. нерождением ребенка) [Westoff, 1990]. Многие также зависят от степени уверенности: более определенные намерения, в том числе положительные, реализуются лучше [Schoen R. et al. 1999; Tefaghiorghis 2007; Toulemon, Testa 2005]. В результате ряда исследований подтверждается, что намерения служат важным фактором, объясняющим последующее рождение ребенка. Более того, этот фактор имеет большую валидность по сравнению с другими индивидуальными характеристиками [Westoff C. F., Ryder, 1977; 1 Heiland et al., 2008 и др.].

Репродуктивные установки и намерения супружеской (партнерской) пары выступают отдельным направлением исследования. Традиционный экономический подход рассматривает предпочтения, полезность и решения домохозяйства (семьи) как единого целого [Becker, 1991], но в социологической теории и установки, и намерения выступают сугубо индивидуальными характеристиками, что, в частности, допускает конфликты внутри семьи относительно желания иметь детей, их количества и календаря рождений. Если репродуктивные установки и намерения являются индивидуальными характеристиками каждого из партнеров, то дальнейшее поведение выступает результатом совместного принятия решения. Поднимался этот вопрос и среди отечественных исследователей: высказывались предположения, что потребность семьи в детях формируется как «некоторая средняя из индивидуальных потребностей членов семьи» [Борисов, 1976]. Другие авторы склонялись к утверждению о том, что установка сугубо индивидуальна и «вряд ли можно говорить о том, что она (репродуктивная установка) существует у группы, даже тогда, когда в виде такой группы выступает семья. По-видимому, следует допустить, что муж и жена обладают разными репродуктивными установками, и частота их совпадения есть один из показателей гармонии семьи» [Белова, Дарский, 1972].

К сожалению, не так много обследований позволяют изучить репродуктивные установки обоих партнеров и при этом проследить успешность их реализации. Основным результатом работы Э. Томсон [Thomson, 1996] на основании панельного Национального исследования семьи и домохозяйства, проводимого в Соединенных Штатах Америки, является вывод о том, что разногласия в паре понижают вероятность рождения ребенка и повышают вероятность того, что намерения того партнера, который хотел бы иметь ребенка, изменятся в отрицательную сторону. Причем гендерное распределение ролей внутри пары не оказывает влияния на данный факт, а установки и намерения мужчины практически столь же значимы для принятия решения, сколь и женщины. Те же закономерности отмечает и В. Н. Архангельский:

по его словам, на окончательное решение влияет позиция того из супругов, кто ориентирован на меньшее число детей⁵.

Наконец, перспективным методом изучения репродуктивных установок и намерений являются качественные исследования. В последнее время в европейских странах был проведен ряд таких исследований, сосредоточенных на изучении норм, ценностей и всего комплекса объективных обстоятельств, сопутствующих процессу принятия решения о рождении ребенка [Philipov et al., 2009]. Однако систематические сопоставимые результаты анализа на качественном уровне пока получены не были.

Эмпирическая база исследования

Появление панельного обследования — «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ)⁶, реализуемого Россией в рамках международной программы «Поколения и гендер», позволило заново обратиться к изучению репродуктивного поведения населения России. Оно выступает одним из главных фокусов обследования, которое позволяет не только проанализировать фактические репродуктивные биографии респондентов, но и оценить предпочтения в отношении детности, а также намерения родить или усыновить детей — вообще или в течение определенного периода времени.

Анализ основан на пространственной выборке за 2007 г. Пространственная выборка 2007 г. ограничивалась 18–44-летними женщинами, за исключением пенсионерок, длительно больных и инвалидов (поскольку их репродуктивное поведение может значительно отличаться от поведения остальных женщин), не имевших сексуального опыта, беременных на момент опроса и тех, чье здоровье (или здоровье партнера) не позволяет иметь собственного ребенка. Общее число наблюдений в определенной таким образом выборке составило 2423 человека.

Вопрос о желаемом числе детей в обследовании РидМиЖ-2007 сформулирован таким образом, чтобы в нем не содержалось намека на долженствование или зависимость от внешних условий: *«Сколько всего детей включая имеющихся, вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые условия?»*.

Первый вопрос о намерениях касался общего желания респондента родить ребенка: *«Вы сами сейчас хотите иметь (еще одного) ребенка?»*. Он допускал ответы «да», «нет» и «не уверен(а)». Кроме собственного желания иметь ребенка, у респондента выясняли, хочет ли ребенка его (ее) партнер. Это позволяло учесть влияние согласия в паре относительно желания иметь детей на будущее поведение⁷. Дополнительным индикатором согласованности репродуктивных намерений партнеров служат ответы на вопрос о том, случались ли за последние 12 месяцев у партнеров разногласия по поводу решения иметь ребенка, оценивавшиеся по шкале от «никогда» до «очень часто». Второй вопрос измерял планы родить ребенка в обозримой перспективе: *«Собираетесь ли Вы*

⁵ Семинар Лаборатории исследований рынка труда ГУ-ВШЭ, 2.06.2009.

⁶ Подробнее см.: <http://www.socpol.ru/gender/about.shtml>

⁷ Дополнительным индикатором согласованности репродуктивных намерений партнеров служат ответы на вопрос о том, случались ли за последние 12 месяцев у партнеров разногласия по поводу решения иметь ребенка, оценивавшиеся по шкале от «никогда» до «очень часто».

завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?» (так называемые «ближайшие» репродуктивные намерения). В отличие от вопроса об общих намерениях этот вопрос допускал различную степень уверенности в намерениях респондентов. Возможные ответы включали: «определенно да», «пожалуй, да», «пожалуй, нет» и «определенно нет». Таким образом, вопрос выявлял потребность в детях, соотнесенную с возможностями и другими планами респондента на этот период. Тех респондентов, которые ответили отрицательно, спрашивали о намерении иметь детей когда-либо позже, за пределами трех лет: «Предположим, что Вы не собираетесь заводить (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет, а хотели бы Вы вообще когда-нибудь завести (еще) детей?», что позволяло оценить склонность к откладыванию рождения детей. Таким образом, в данной работе решалась также и методическая задача: определить, насколько связь между репродуктивными намерениями и будущими рождениями зависит от способа измерения намерений.

Вопрос об ожидаемом числе детей задавался после вопроса о репродуктивных намерениях и только тем, кто не ответил «определенно нет» на вопрос о намерении когда-либо завести ребенка. Он формулировался следующим образом: «Сколько всего детей (включая имеющихся и текущую беременность) Вы собираетесь иметь?»

Репродуктивные установки в современной России

Показатели желаемого и ожидаемого числа детей являются ключевыми в исследовании репродуктивных ориентаций населения. В таблице 1 приведены данные, полученные по результатам РидМиЖ-2007. В ходе анализа мы привлекали дополнительные источники информации, однако за последние 20 лет достоверные и репрезентативные для всего населения данные о репродуктивных ориентациях можно найти только в результатах микропереписи 1994 г., и то — только об ожидаемом числе детей. Ориентироваться на результаты многолетних опросов ВЦИОМ [Бодрова, 2002] довольно сложно: во-первых, из-за некоторых сомнений в их достоверности [Архангельский, 2006; Население ..., 1999], во-вторых, из-за того, что в публикациях приводятся только средние значения. Поэтому уверенно говорить о тенденциях норм детности российского населения в постсоветский период мы не можем. В какой мере они снижаются за счет падения доли сторонников трехдетности, в какой — за счет перехода ориентированных на рождение двоих в группу однодетных? Насколько стабильна доля наиболее многочисленной категории предпочитающих семью с двумя детьми?

Результаты опроса «Семья и рождаемость» [Семья ..., 2010], к сожалению, не до конца сопоставимы с РидМиЖ: различия в характере формирования выборки и шкалы ответов⁸ затрудняют сопоставление двух обследований.

⁸ В выборку обследования «Семья и рождаемость» попали только женщины, имеющие партнера в домохозяйстве (который тоже опрашивался), а также незамужние матери. Бездетные женщины, проживающие без партнера, представлены не были, что привело к смещению выборки в целом (таб. 57 в [Семья ..., 2010]). Шкала ответов на вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей включала вариант «трудно сказать» (отсутствующий в РидМиЖ), перетянувший на себя 5,8% ответов по желаемому и 11% ответов по ожидаемому числу детей.

Таблица 1. Распределение женщин репродуктивного возраста по желаемому и ожидаемому числу детей, процент и единицы

Число детей	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
0	2,0	1,9
1	17,3	25,2
2	58,9	55,6
3	17,6	13,3
4	2,5	2,0
5 и более	1,1	0,8
нет ответа	0,7	1,1
среднее число детей	2,06	1,91

Источник: РИДМЖ-2007.

Но главное, что они совпадают в одной немаловажной цифре: почти 60% респонденток обоих опросов предпочитают двухдетную модель семьи. Значит, применительно к женщинам репродуктивного возраста можно с прежней уверенностью говорить о преобладании нормы двухдетности.

Добровольная бездетность в России по-прежнему не находит распространения, и отсутствие детей считают предпочтительным всего 2% респондентов. Сторонников однодетной модели семьи 17% — почти столько же, сколько и трехдетной. Полученное распределение говорит о том, что российское общество чрезвычайно однородно по репродуктивным установкам.

Разрыв между средними значениями по желаемому и ожидаемому числу детей составляет всего 0,15 ребенка. О высокой гармоничности установок свидетельствуют и то, что у 80% респондентов оценки желаемого и ожидаемого числа детей совпадают. Чаще всего несовпадение встречалось среди тех, кто желал бы завести двоих детей, но собирается иметь одного (8% всей выборки), в два раза реже — среди тех, кто назвал 3 и 2 ребенка соответственно. Еще 1,5% респондентов при всех необходимых условиях хотели бы родить троих детей, но планируют только одного. Остальные значения ячеек кросс-таблицы не превышают 1% выборки. Однако те же цифры могут выглядеть и по-другому: если среди ориентированных на двухдетность ожидают рождения одного ребенка 13,5%, то среди назвавших троих детей в качестве желаемого числа уже каждый третий корректирует свои желания в меньшую сторону (ожидаемое число детей равно двум у 23%, одному — у 8%). Можно предполагать, что трехдетность в российском обществе становится все более декларативной установкой.

Во избежание сомнений в неверном толковании вопросов мы осуществили проверку ответов на согласованность — кросс-анализ желаемого и ожидаемого числа детей с числом уже фактически имеющихся показал внутреннюю непротиворечивость результатов. Только 1,7% респондентов указали желаемое число детей меньше фактического и всего 0,6% — ожидаемое меньше фактического. Если применительно ко второму случаю можно говорить о статистической погрешности, то среди первых 40 человек должны

быть такие, чье представление о желаемом числе детей могло измениться под влиянием имеющегося опыта рождения и воспитания.

В дальнейшем анализе основное внимание будет сосредоточено на желаемом числе детей (на укрупненных группах), а ожидания респондентов будут рассматриваться через призму намерений. Предпочитающих добровольную бездетность мы также исключали из основного анализа в силу немногочисленности этой группы и ее высокой неконсистентности. Она представлена либо самыми младшими, либо самыми старшими возрастными группами, причем у многих есть дети, что заставляет сделать предположение либо о сильной обратной связи, либо о непонимании вопроса.

Желаемое и фактическое число детей

Так насколько же велики отклонения реального числа рождений от желаемого? Доля респондентов, родивших к моменту опроса больше детей, чем входит в их представления о предпочтительном числе детей, невелика (1,6% от численности выборки, из которых 1,1% приходится на сторонников бездетности). Лучше и быстрее всего представления о желаемом числе детей реализуются в том случае, если это 1 ребенок. Среди предпочитающих одноплодность почти 70% уже выполнили свою репродуктивную программу. Тогда как при переходе к предпочтениям в два и более детей фактическое число рождений у всё большей доли опрошенных отклоняется от желаемого. Среди назвавших рождение двоих детей наиболее желательным вариантом, многие уже родили одного ребенка (44%) и еще 35% полностью реализовали свое представление о желаемом числе детей.

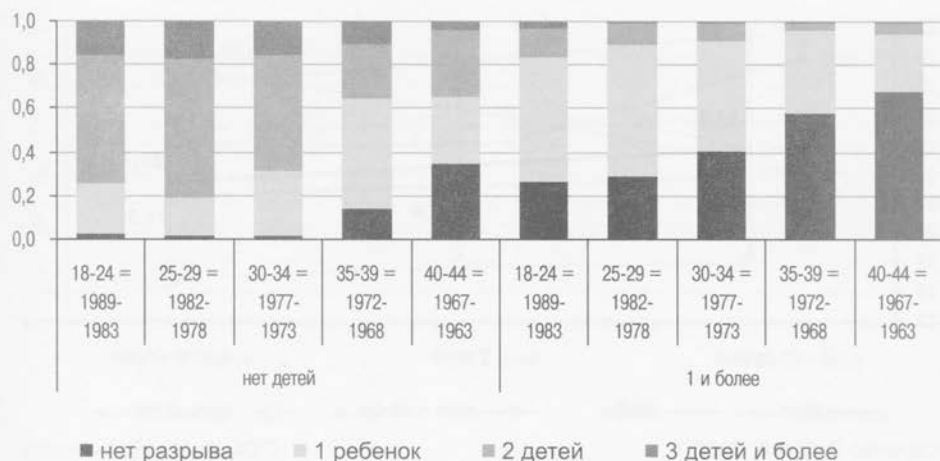
Несмотря на то, что мы не располагаем длинными панельными данными и не можем отследить трансформацию репродуктивной установки на протяжении жизненного цикла, деление пространственной выборки на демографические группы позволяет выдвинуть некоторые предположения (рис. 1). В частности, вариация разрыва по возрасту наглядно демонстрирует изменение предпочтений при переходе от бездетных в возрастных группах до 34 лет к тем, кому 35 лет и старше. Существенно снижается доля тех, кто при всех необходимых условиях имел бы двоих детей — сначала за счет предпочти-

Таблица 2. Фактическое число уже рожденных детей в зависимости от желаемого числа детей, процент

		Общее число рожденных детей					
		0	1	2	3	4 и более	всего
Желаемое число детей (среди ответивших респондентов)	0	0,9	0,3	0,6	0,2	0,0	2,0
	1	5,2	11,9	0,2	0,0	0,0	17,4
	2	11,9	26,2	20,9	0,2	0,1	59,3
	3	2,5	4,6	6,7	3,9	0,0	17,7
	4 и более	0,7	0,5	0,9	0,8	0,7	3,7
	всего	21,3	43,3	29,4	5,1	0,9	100

Источник: РидМиЖ-2007.

Рисунок 1. Разрыв между желаемым и фактическим числом детей в зависимости от возрастной группы и числа уже рожденных детей

Источник: РидМиЖ-2007.

тающих однодетность, потом за счет тех, кто остался бы бездетным в любом случае. Очевидно, что предоставление всех необходимых условий все равно не включает в себя изменение возраста респондентки.

Таким образом, по данным 2007 г. фактическое число детей совпадало с желаемым у примерно трети мужчин и женщин. Мы проводим анализ в условных поколениях и среди тех, кто еще не завершил свой репродуктивный период⁹, поэтому необходимо понимать, что этот разрыв и его вариация по группам населения во многом обусловлены календарем рождений.

Желаемое число детей и возраст при рождении первенца

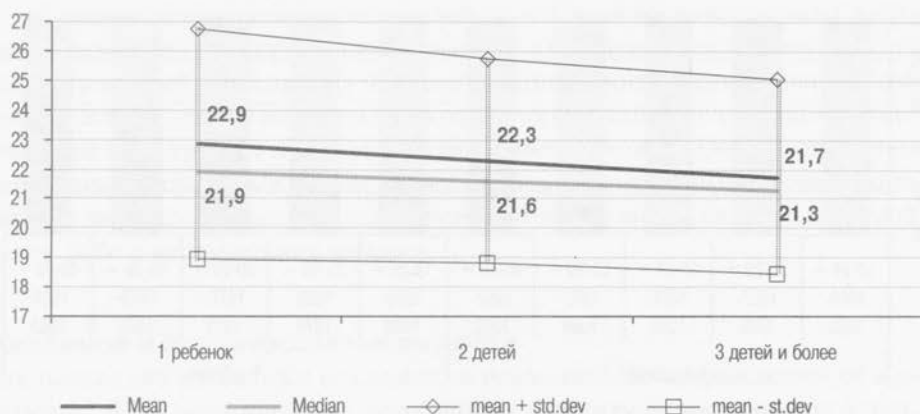
Существование отрицательной связи между желаемым числом детей и возрастом при рождении первенца будет свидетельствовать в пользу того, что высокие репродуктивные установки приводят к более раннему формированию семьи — независимо от остальных событий жизненного цикла. Не имея ретроспективных данных, мы не ставили целью определение направления этой связи, но предполагали, тем не менее, что прямая связь (репродуктивные установки — возраст при рождении) сильнее обратной связи (возраст при рождении — репродуктивные установки).

Анализ средних значений возраста при рождении первенца действительно показывает существенную его вариацию по группам женщин с разными репродуктивными установками (рис. 2).

Несмотря на то, что материнство в России продолжает стареть, средний возраст первого рождения все еще остается достаточно низким по сравнению с другими развитыми странами. Среди населения все еще сильны установки на то, что рожать первенца лучше до 30 лет (или даже до 25). Вспомогательные репродуктивные технологии, продлевающие возраст, в котором вероятность

⁹ Тем, кто его завершил, вопрос не задавался.

Рисунок 2. Средний и медианный возраст при рождении первого ребенка в разрезе желаемого числа детей, лет

Источник: РидМиЖ-2007.

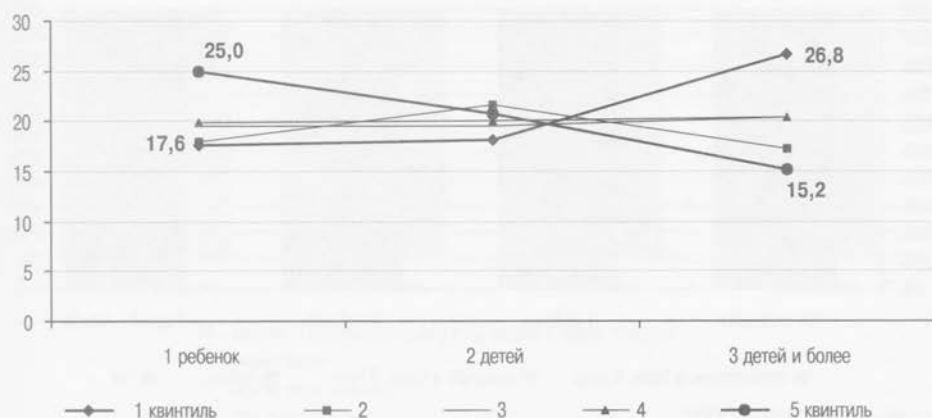
деторождения высока, распространены относительно слабо и являются труднодоступными в силу высокой стоимости оказания услуг. Что не менее важно, вариация этого показателя по-прежнему небольшая. Среди имеющих хотя бы одного ребенка, около половины женщин родили его к 21,5 году (вариация по когортам здесь крайне невелика). И около 60% первых рождений приходится на пятилетний возрастной интервал в 19,5–24,5 лет. Таким образом, российское общество отличается высокой однородностью не только по нормам детности, но и по календарю рождений. В случае снижения первой одновременно увеличится дифференциация общества по линиям репродуктивного поведения (календарю рождений), а значит и по моделям жизненного цикла в целом.

Если перейти от анализа средних значений к рассмотрению групп респонденток с наиболее низкими и наиболее высокими значениями возраста при первом рождении, то картина становится более выпуклой (рис. 3). Среди ориентированных на рождение трех и более детей только 15% женщин вошли в верхнюю квинтиль по возрасту первого рождения (это означает, что рождение состоялось не ранее 24,5 лет), тогда как среди сторонников однодетности таких на 10 п. п. больше.

Таким образом, откладывание и однодетность тесно взаимосвязаны. Толкование этой связи может быть двояким: с одной стороны, ориентация на однодетность позволяет «не спешить», с другой стороны, позднее рождение может внести коррективы в представления о желаемом числе детей в сторону их уменьшения. И наоборот — репродуктивные ориентации на трех детей и более встречаются у самых молодых матерей (около 40% сторонниц многодетности родили ребенка до достижения 20 лет). Это означает, что для них ценность формирования семьи превышает по значимости получение высокого уровня образования и закрепление на рынке труда.

Не все респондентки уже имеют детей, и абсолютные значения возрастных порогов в целом повысятся по мере того, как они будут вступать в родительство. Однако соотношение, скорее всего, не изменится — по структуре

Рисунок 3. Квнтильные группы по возрасту первого рождения в разрезе желаемого числа детей, процент

Источник: РидМиЖ-2007.

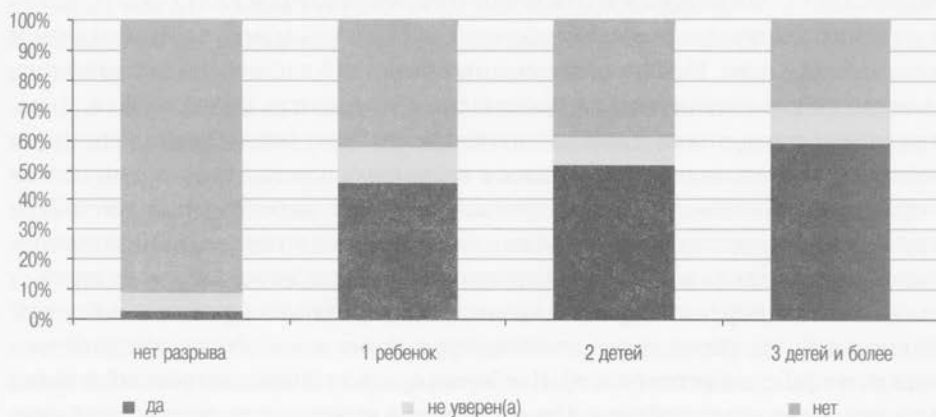
репродуктивных установок бездетные женщины наиболее активных репродуктивных возрастов не отличаются от всех остальных.

Разрыв между желаемым и фактическим числом детей и репродуктивные намерения

Разрыв между желаемым и фактическим числом детей отражает неудовлетворенную потребность в детях и в каждый конкретный период времени транслируется в репродуктивные намерения.

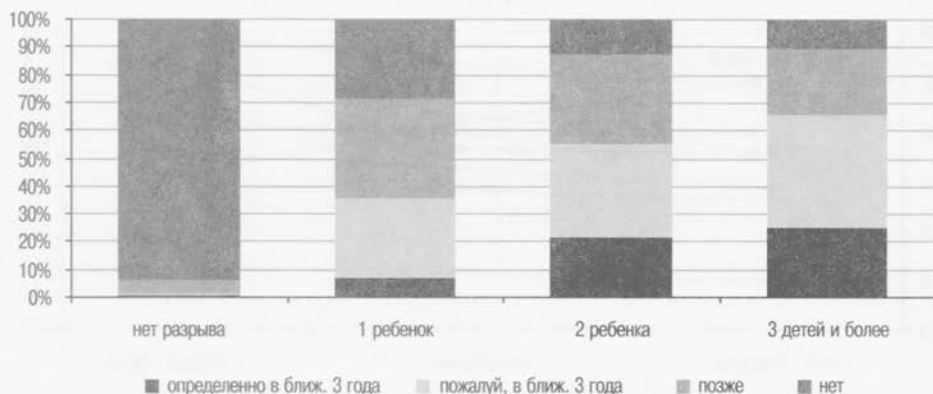
В соответствии с ответом на общий вопрос доля желающих иметь ребенка в настоящий момент варьирует в зависимости от величины разрыва между желаемым и фактическим числом уже имеющихся детей (рис. 4). Она составляет 46%, 51% и 57% соответственно для тех, у кого этот разрыв составляет 1 ребенка, 2 или 3 и более детей.

Рисунок 4. Общие репродуктивные намерения женщин в разрезе разницы между желаемым и фактическим числом детей

Источник: РидМиЖ-2007.

Рисунок 5. Интегральные репродуктивные намерения женщин в разрезе разницы между желаемым и фактическим числом детей

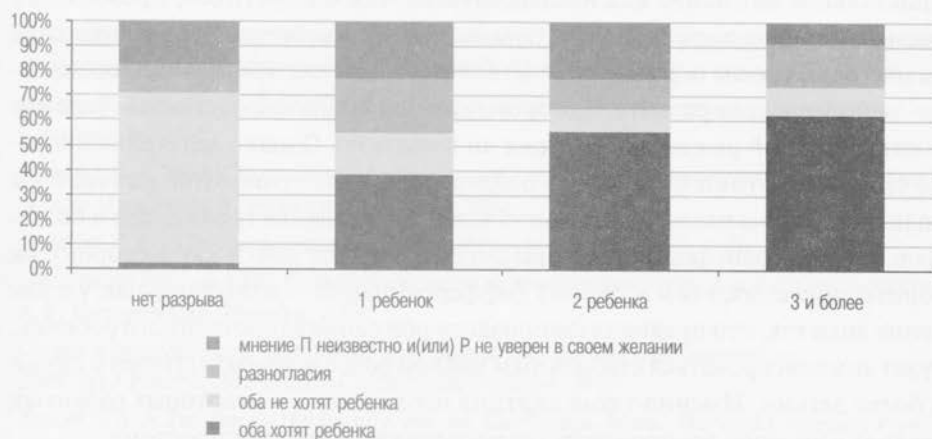
Источник: РидМиЖ-2007.

Более тонкий инструмент интегральных репродуктивных намерений также демонстрирует, что чем выше разрыв, тем сильнее намерения, и в том числе — на ближайшие 3 года (рис. 5). Доля уверенных в своем желании родить ребенка в этот период резко увеличивается с 7% до 22% при переходе с тех, кто отмечает разницу между желаемым и фактическим как 1 ребенка, к группе с разницей в 2 детей. Однако при дальнейшем увеличении разрыва эта доля увеличивается совсем незначительно: до 25%. Менее уверенные в своих намерениях составляют соответственно в каждой из групп 29%, 33% и 41%. Доля желающих отложить рождение за границу трехлетнего периода плавно снижается по мере увеличения неудовлетворенной потребности в детях — с 36% до 24%. Желание родить еще одного ребенка при всех необходимых условиях не находит своего отражения в реальных репродуктивных планах чуть менее чем у трети женщин.

Как уже было сказано, обследование РидМиЖ не позволяет изучить репродуктивные установки и намерения партнера на основании его собственных ответов, однако оно дает возможность судить о них на основании ответов респондента. Намерения пары были сформированы из двух вопросов — о желании респондента иметь ребенка в настоящий момент и аналогичном желании партнера. Исходя из возможных различий в намерениях партнеров, можно предположить, что их несогласие в том, иметь ли детей и сколько, приводит к тому, что желание одного из них не будет реализовано. Это имеет большую вероятность по сравнению с вариантом, когда пара в соответствии с ориентациями одного из партнеров заводит более высокое число детей. При прочих равных условиях связь между намерениями и последующим поведением лучше в тех парах, где оба партнера хотят (или не хотят) иметь детей.

Анализ намерений пары показывает, что вероятность разногласий в паре не выше там, где респондент демонстрирует более высокую неудовлетворенную потребность в детях (рис. 6). Наоборот, среди них чаще встречаются пары, в которых оба хотят ребенка. Самая высокая вероятность разногласий там, где женщина при всех необходимых условиях завела бы еще одного ребенка.

Рисунок 6. Репродуктивные намерения пары в разрезе разницы между желаемым и фактическим числом детей у женщины

Источник: РидМиж-2007.

В случае отсутствия разрыва между желаемым и фактическим числом детей у женщины разногласия встречаются нечасто.

Таким образом, можно говорить о том, что репродуктивные установки, выражаемые через желаемое число детей, и фактические намерения родить ребенка хорошо согласованы между собой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система индивидуальных репродуктивных установок включают в себя представления о нормах детности, социально-психологическую потребность в детях и её соотнесение как с остальными потребностями человека, так и с внешними обстоятельствами и событиями жизни. На разных этапах жизненного цикла может подвергаться изменениям само желание иметь (еще одного) ребенка и, тем более, его место в иерархии желаний. Поэтому для изучения репродуктивного поведения в контексте с поведением социально-экономическим помимо установок детности крайне важны установки относительно сроков рождения — репродуктивные намерения на определенный период времени.

На российских данных было установлено, что компоненты системы индивидуальных репродуктивных установок гармонично сочетаются между собой. Диссонанс между желаемым и ожидаемым числом детей чаще всего возникает среди женщин, ориентированных на трехдетность. Но в отношении ко всей выборке более значимо число тех, кто при всех необходимых условиях имел бы двоих детей, а планирует рождение только одного ребенка. Чем ниже желаемое число детей, тем выше вероятность того, что оно будет достигнуто — чтобы с высокой вероятностью иметь двоих детей женщина должна быть ориентирована как минимум на рождение троих. Другими словами, в обществе господствует социальная норма двухдетной семьи, которая на практике подразумевает «не менее одного ребенка и не более двух». На этом

промежутке между одним и двумя детьми и должно быть сосредоточено пристальное внимание как исследователей, так и политиков, проводящих социально-экономические меры повышения рождаемости. Распространение на массовом уровне нормы среднетности в обществе, культурное и социально-экономическое развитие которого уже ориентировано на новые условия постпереходной рождаемости, вряд ли возможно. Однако задачей демографической политики может стать поддержка и поощрение этой, не такой уж большой группы населения с ориентацией на рождение троих детей и более. Дальнейшая трансформация норм детности может пойти как в сторону их общего снижения, так и в сторону дифференциации — в таком случае, увеличение доли тех, кто предпочитает позднее рождение единственного ребенка, будет компенсироваться стабильным числом более молодых матерей с двумя и более детьми. Именно такая картина наблюдается в некоторых развитых странах с уровнем воспроизводства населения, близким к простому.

В условных поколениях наблюдаемые расхождения между желаемым и достигнутым размером семьи, а также ближайшими планами относительно рождения ребенка во многом обусловлены календарем рождений. Возраст первого рождения — ключевой фактор репродуктивной биографии, влияющий также и на последовательность социально-экономических этапов жизненного цикла женщины. В условиях высокой однородности российского общества по нормам детности остается низкой вариация возраста при рождении первого ребенка, особенно в многочисленной группе ориентированных на рождение двоих детей. С другой стороны, четко прослеживается связь между ориентацией на однодетность и откладыванием деторождения, стремлением к многодетности и более ранним вступлением в родительство. Женщины, склонные дольше других откладывать рождение первенца, к моменту опроса имеют в среднем меньшее число детей. Поскольку социальная норма твердо держится на уровне двоих детей, то они оказываются наименее удовлетворенными сложившимся положением. Отсюда и более выраженное у них стремление завести (еще одного) ребенка.

Таким образом, условно можно выделить две схемы, в диапазоне между которыми лежат модели репродуктивного поведения в разных социально-демографических группах населения. В том случае, если женщина следует более традиционной модели семьи, она выражает относительно высокие репродуктивные ориентации, рано начинает деторождение, сохраняет высокие намерения завести позже еще одного ребенка и в итоге, с корректировкой на неполную реализацию намерений, имеет как минимум двоих детей. Если женщина ориентируется на рождение только одного ребенка, она часто откладывает его на более или менее продолжительное время, выражая устойчивое намерение родить своего первенца, и реализация этого намерения весьма высока. В целом, сохраняющаяся высокая однородность российского общества по репродуктивным установкам относительно числа детей и сроков их появления на свет делает эти модели мало распространенными в чистом виде.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский В. Н. 2006. Факторы рождаемости. Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. М.: ТЕИС.
- Белова В. А., Дарский Л. Е. 1972. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972.
- Бодрова В. В. 2002. Сколько детей хотят иметь россияне? // Электронная версия бюллетеня Население и общество. № 81–82, 2002.
- Борисов В. А. 1976. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976.
- Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад. Отв. редактор А. Г. Вишневский. Москва, 2000.
- Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009 год / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.
- Becker G. S. A Treatise on the Family, enl. ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991.
- Bongaarts J. 2001. Fertility and Reproductive Preferences in Post-Transitional Societies // Population and Development Review, Vol. 27, Supplement: Global Fertility Transition (2001). Pp. 260–281.
- Freedman R., Coombs L. C. 1965. Stability and Change in Expectations About Family Size: A Longitudinal Study // Demography, Vol. 2 (1965). Pp. 250–275.
- Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W. C. 2008. Are Individuals' Desired Family Sizes Stable? Evidence from West German Panel Data // European Journal of Population, 24 (2). Pp 129–156.
- Hoem J. M., Prskawetz A., Neyer G. 2001. Autonomy or conservative adjustment? The effect of public policies and educational attainment on third births in Austria // MPIDR Working Paper WP 2001–016.
- Lesthaeghe R. J., Neidert L. 2006. The Second Demographic Transition in the United States: Exception or Textbook Example? // Population and Development Review, Vol. 32, No. 4 (Dec., 2006). Pp. 669–698.
- Miller W. B., Severy L. J., Pasta D. J. 2004. A Framework for Modelling Fertility Motivation in Couples // Population Studies, Vol. 58, No. 2 (Jul., 2004). Pp. 193–205.
- Morgan P. S. Should Fertility Intentions Inform Fertility Forecasts? // US Census Bureau Conference: The Direction of Fertility in the United States, 2001.
- Philipov D. et al. 2009. Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective (REPRO). State-of-the-Art Review // European Demographic Research Papers.
- Prskawetz A. et al. 2008. Austria: Persistent low fertility since the mid-1980s // Demographic research, Vol. 19, article 12.
- Ryder N. B. 1973. A critique of the national fertility study // Demography, 10 (4). Pp 495–506.
- de Santis G., Livi Bacci M. 2001. Reflections on the economics of the fertility decline in Europe // EURESCO conference, The second demographic transition in Europe, Bad Herrenalb, Germany, 23–28 June 2001.
- Schoen R. et al. 1999. Do Fertility Intentions Affect Fertility Behavior? // Journal of Marriage and Family, Vol. 61, No. 3 (Aug., 1999). Pp. 790–799.
- Sobotka T., Zeman K., Kantorová V. 2003. Demographic shifts in the Czech Republic after 1989: A second demographic transition view, European Journal of Population, 19: 249–277.

- Testa M. R., Grill L.* 2004. The Effects of Childbearing Regional Contexts on Ideal Family Size in Europe: A Multilevel Analysis // European Demographic Research Papers.
- Testa M. R., Toulemon L.* 2006. Family formation in France: individual preferences and subsequent outcomes // Vienna Yearbook of Population Research 2006. Pp. 41–75.
- Tesfaghiorghis H.* 2007. Fertility, desires and intentions: a longitudinal analysis // The HILDA Survey Research Conference, 19–20 July 2007.
- Thomson E.* 1996. Couple Childbearing Desires, Intentions and Births // NSFH Working Paper No. 67.
- Toulemon L., Testa M. R.* 2005. Fertility intentions and actual fertility: A complex relationship // Population & Societies Vol. 415, September 2005.
- van de Kaa D. J.* 2001. Postmodern Fertility Preferences: From Changing Value Orientation to New Behavior // Population and Development Review, Vol. 27, Supplement: Global Fertility Transition (2001). Pp. 290–331.
- Westoff C. F., Ryder N. B.* 1977. The Predictive Validity of Reproductive Intentions Demography, Vol. 14, No. 4 (Nov., 1977). Pp. 431–453.
- Westoff C. F.* 1990. Reproductive Intentions and Fertility Rates // International Family Planning Perspectives, Vol. 16, No. 3 (Sep., 1990). Pp. 84–96.
- Wilson F. D., Bumpass L.* 1973. The Prediction of Fertility Among Catholics: A Longitudinal Analysis // Demography, Vol. 10, No. 4 (Nov., 1973). pp. 591–597.

ОБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ. ПРЕДПРИЯТИЯ, РЕГИОНЫ РОССИИ, СТРАНЫ МИРА

Артюхов В.В., ведущий аналитик Интерфакс-ЭРА

Забелин С.И., к.б.н., эксперт по работе с общественными организациями Интерфакс-ЭРА

Мартынов А.С., к.б.н., директор Интерфакс-ЭРА

В статье описывается разработанная российскими авторами система объективной оценки социально-экологической ответственности хозяйствующих субъектов любого уровня (от маленького предприятия до страны), приводятся данные последних рейтингов — измерений этой ответственности. Авторы считают, что без проведения такой оценки невозможно определить реальную капитализацию, а также цену для общества бизнес-компаний и экономик государств.

ВВЕДЕНИЕ

Ни одна тема в современном обществе не вызывает таких противоречий, как проблема социальной ответственности бизнеса или корпоративной социальной ответственности. Однако большинство экспертов сходятся в одном — неотъемлемой и неоспоримой частью этой ответственности является экологическая. По мнению президента Amnesty International Business Group, социально ответственной можно считать компанию, которая управляет бизнесом, принимая во внимание все возможные негативные и позитивные последствия своей деятельности в области экологии, экономики и социальной сферы¹.

В современном мире экологическую ответственность недостаточно измерять лишь на уровне бизнес-субъектов, зачастую масштабы их деятельности и капиталы сопоставимы с доходами целых стран и континентов, они напрямую влияют на уровень экологической ответственности регионов и государств и наоборот — уровень такой ответственности государств влияет на поведение компаний.

В 2000 г. авторы впервые в России разработали универсальную систему оценки экологической ответственности, которая может быть использована для хозяйствующих субъектов любого уровня — от бензозаправки в маленьком городке до экономики Соединенных Штатов Америки или, например, всего Европейского Союза.

Первый список хозяйствующих субъектов, подвергшихся такой оценке, включал всего 13 крупнейших российских компаний, в настоящее время еже-

¹ Chris Marsden. A commentary on the principle of double effect / Responsibility in World Business Managing Harmful Side-effects of Corporate Activity. Edited by Lene Bomann-Larsen and Oddny Wiggen. United Nations University, 2004.

годно исследуются около 4000 предприятий — преимущественно из России и Казахстана. В 2010 г., ознакомившись с используемыми подходами, Комитет Государственной Думы РФ по природопользованию заказал Интерфакс-ЭРА сравнительную оценку экономик субъектов Российской Федерации, которая была опубликована агентством «Интерфакс» в июне 2011 г. Практически сразу после выхода в свет экологических рейтингов российских регионов при поддержке Русского географического общества была проведена оценка сравнительной экологичности экономик всех стран мира.

ОЦЕНКА ЭКОЛОГИЧНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ И КОМПАНИЙ

Первоначально разработанная для уровня предприятий методология объективной оценки экологичности производственной деятельности предусматривала:

- использование только физически измеримых величин, систематически наблюдаемых и ежегодно собираемых институтами статистического анализа;
- использование параметров, измеряемых и предоставляемых в упомянутые институты статистического анализа большей частью оцениваемых субъектов;
- оценку всех без исключения предприятий, у которых были запрошены данные, вне зависимости от того, ответили они на запрос или нет.

Методология предусматривает использование данных по 6 параметрам, каждый из которых удовлетворяет перечисленным требованиям и в обязательном порядке предоставляется всеми предприятиями в органы государственной статистики Российской Федерации:

- 1) объем использованной воды из природных источников;
- 2) объем загрязненных вод, сброшенных в канализацию, в природные источники или на рельеф;
- 3) выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников;
- 4) выхлопы загрязняющих веществ от автотранспорта предприятия;
- 5) объем отходов 1–4 классов опасности, произведенных предприятием;
- 6) площадь земель, занятых предприятием, включая застройку, дороги, полигоны отходов, водохранилища и пр.

Обработка собранного массива данных происходила в форме четырех последовательных шагов.

- **Шаг 1.** Для каждого предприятия определяются шесть индивидуальных значений уровня воздействия на среду от одного работающего (водопотребление, загрязненные стоки, выбросы стационарных источников, выхлопы автотранспорта, образование отходов и трансформация земель) и шесть показателей воздействия на 1 млн рублей продукции.
- **Шаг 2.** Для каждого из шести показателей определяется суммарный объем воздействия по всем предприятиям страны, который делят на суммарное для всех предприятий число занятых и выручку. Полученные значения являются средними для реального сектора

Таблица 1. Среднее воздействие на среду
для реального сектора экономики России в 2006 г.

Показатель	Вода, куб. м	Стоки, куб. м	Выбро- сы, т.	Выхлопы, т.	Отходы, т.	Земли, га
От 1 работающего	1815	527	0,60	0,38	5,6	0,23
На 1 млн руб.	19723	3248	13,8	0,75	27,1	1,6

Таблица 2. Фрагмент рейтинга социально-экологической ответственности
100 крупнейших российских компаний в 2008 г. (10 первых и 10 последних мест)

Место	Название	Прозрач- ность отчет- ности	Интегральные воздействия на среду			
			на млн руб.	от 1 чел.	2008/ 2007 гг.	2008/ 2000 гг.
1 ₋₇	СИЛЬВИНИТ	4 ₊₁₆	3 ₊₁₀	2 ₊₆	38 ₊₃₂	1 ₊₄
2.	ИЖАВТО	5	1	1	10	65
3 ₊₁₉	БРИТИШ АМЕРИКАН ТОБАКО	31 ₊₉	2 ₋₂	6 ₊₈	8 ₊₅₈	40 ₊₂₃
4 ₊₃₆	ТАТНЕФТЬ ОАО	12 ₊₁₀	11 ₊₉	20 ₊₈	1 ₊₇₅	39 ₊₃₆
5 ₊₂	СУРГУТНЕФТЕГАЗ ОАО	2 ₊₁	14 ₊₅	19 ₊₁₄	47 ₊₁₆	8 ₋₂
6 ₋₅	ОБЪЕДИНЕННЫЕ МАШЗАВОДЫ	43 ₊₁₂	18 ₊₃	13 ₊₆	53 ₊₂₆	2 ₋₁
7 ₋₉	ГРУППА ЧТПЗ	25 ₊₁	5 ₋₂	16 ₊₈	40 ₊₁₉	13 ₊₆
8 ₊₃₁	АКРОН ОАО	130	24 ₊₁₄	27 ₊₁₃	4 ₊₆₃	35 ₊₁₂
9 ₊₂₇	НИЖНЕКАМСКНЕФТЕХИМ ОАО	11 ₋₁	30 ₊₁₂	23 ₊₁₄	2 ₋₂₈	72 ₋₂₀
10 ₋₇	СОЛЛЕРС ОАО	8 ₊₁₃	9 ₊₆	3 ₋₃	62 ₊₁₂	71 ₋₃₁
...
91 ₋₇	СУЭК ОАО	97 ₋₁₂	89 ₊₃	690	31 ₊₃₃	87 ₋₇
92 ₋₉	КУЗБАСРАЗРЕЗУГОЛЬ ОАО	95 ₊₁₄	87 ₊₁	61 ₋₇	35 ₊₅₆	980
93 ₋₁₅	ЕВРАЗХОЛДИНГ ГК	48 ₋₁₁	72 ₊₂	900	79 ₊₁₆	67 ₋₂₅
94 ₋₁	ТНК-ВР	85 ₋₉	40 ₊₉	82 ₊₁	84 ₋₆	83 ₊₅
95 ₊₄₇	ПОЛЮС ЗОЛОТО ОАО	93 ₊₂₅	62 ₋₃	520	96 ₋₈₆	70 ₋₁₁
96 ₋₁	КОНЦЕРН РОСЭНЕРГОАТОМ	82 ₋₇	100 ₋₃	95 ₊₁	36 ₊₂₁	78 ₋₃
97 ₊₂	ЭНЕЛ (ОГК-5) ОАО	51 ₋₇	96 ₊₃	98 ₋₂	61 ₊₃₃	95 ₊₂₃
98 ₋₃₆	АЛРОСА АК (ЗАО)	72 ₋₁₉	80 ₋₄₈	64 ₋₃₂	100 ₋₁₁	93 ₊₄₁
99.	РУССКАЯ МЕДНАЯ КОМ- ПАНИЯ	94	76	74	77	99
100 ₋₈	МОСВОДОКАНАЛ МГУП	73 ₊₁₀	90 ₋₃	84 ₊₁	99 ₋₃₉	94 ₊₃₇

Примечания:

- вверху рейтинга находятся лучшие по социально-экологической ответственности компании. Место в сводном рейтинге определяется по сумме мест в пяти рейтингах, указанных в таблице;
- рядом с цифрой, показывающей место в каждом списке, приведена величина подъема (+) или снижения (-) относительно рейтинга прошлого года. У впервые включенных в рейтинг компаний такого дополнения нет;
- на сером фоне представлены предприятия/компании, раскрывшие свою экологическую отчетность менее чем на 50%.

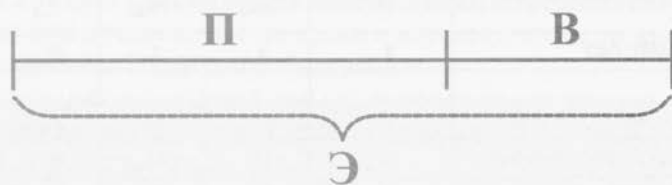
экономики России уровнями воздействия на окружающую среду. Пример по состоянию на 2006 г. приведен в *таблице 1*.

- **Шаг 3.** Индивидуальное для каждого предприятия значение, полученное на шаге 1, делят на соответствующее среднее по всем предприятиям страны значение, полученное на шаге 2. Результат выражается в процентах к среднему для экономики России уровню.
- **Шаг 4.** Среднее арифметическое из шести полученных на шаге 3 значений — это интегральный показатель экологических издержек производства на оцениваемом предприятии в процентах к среднероссийскому уровню.

Сравнение экологичности производства предприятий выполняется путем их ранжирования по интегральному показателю. Первые места в рейтинге занимают предприятия с низким удельным экологическим воздействием от одного работающего и низкими экологическими издержками на 1 млн рублей выручки.

Дальнейшее развитие этого подхода с привлечением аппарата «Общей теории систем» [Артюхов, Мартынов, 1996] привело к включению в список критериев эффективности предприятий показателей потребления энергии (2009 г.). Это позволило сформировать целостную систему, учитывающую все стороны производственного процесса: потребление ресурсов, производство полезной продукции и образование отходов (экологических воздействий). Основания этой системы легко проиллюстрировать нижеприведенной схемой (*рис. 1*) и связанными с ней пояснениями.

Рисунок 1. Схема эффективности производства

На производство полезного продукта всегда затрачивается определенное количество вещества-энергии, часть которого в процессе производства неизбежно рассеивается в окружающую среду в виде разнообразных воздействий. Если полные затраты вещества — Энергии на производство — обозначить как Э, полезно использованные на произведенную Продукцию — как П, а выброшенные в окружающую среду в виде Воздействий — как В, то обобщенный производственный процесс может быть описан приведенной схемой.

Если валовые значения П, В и Э характеризуют элементы производственной системы, то их отношения характеризуют *эффективность* конкретного производства. Всего таких отношений между элементами шесть.

1. Отношение П/Э — по смыслу это коэффициент полезного действия (КПД) производственной системы, который отражает ее *энергетическую эффективность*. Чем выше показатель, тем эффективнее завод или компания используют энергию.
2. Второе отношение В/Э — это характеристика доли того, что бесполезно рассеялось в окружающую среду. И порой не просто бесполезно, а очень даже вредно. В конкретных производственных процессах — это отходы,

- нарушенные земли, выхлопы автомобилей, сточные воды, газовые шлейфы труб. По смыслу это нечто обратное показателю КПД — неэффективность или КВД (коэффициент вредного действия) производственной системы. Однако, строя логику в терминологии эффективности, разумнее будет использовать обратное отношение — \mathcal{E}/\mathcal{B} , которое резонно назвать *технологической эффективностью*, так как оно не содержит параметров продукции и отражает только внутренние характеристики производственных процессов в системе. Чем выше показатель, тем меньшее вредное воздействие на среду оказывает затрата каждой единицы энергии, необходимой для производственного процесса.
3. Предыдущие два коэффициента характеризуют отношения частей и целого (рис. 1), тогда как «внутреннее» соотношение частей между собой — \mathcal{P}/\mathcal{B} характеризует экологическую «чистоту» производства единицы товарной продукции и может быть названо *экологической эффективностью*, поскольку его большие значения (например, при сравнении предприятий с однотипной продукцией) обозначают меньшие вредные воздействия на среду при выпуске единицы товара.
 4. $(\mathcal{E} \bullet \mathcal{P})/\mathcal{B}$ — высокие значения этого отношения по смыслу отражают сочетание в одной производственной системе высокой экологической эффективности и высокой энергоёмкости, что дает основания называть такие системы *энергорасточительными*. Примерами таких систем могут служить электрометаллургические производства (конвертерная плавка стали, производство алюминия, электролиз), использующие большие объемы экологически чистой электроэнергии и отличающиеся относительной экологичностью технологий.
 5. $(\mathcal{B} \bullet \mathcal{P})/\mathcal{E}$ — высокие значения такого отношения отражают сочетание энергоэффективности системы с повышенным воздействием на среду. По аналогии с энергорасточительностью, такие системы могут быть названы *природорасточительными*. К этому типу, например, могут относиться предприятия, закупившие из соображений экономии энергосберегающее оборудование, но не вложившиеся в нейтрализацию воздействий на среду. Использование централизованной канализации, системы вывоза отходов и прочей коммунальной инфраструктуры является типичной для малых предприятий, как правило, не сталкивающихся с серьезными санкциями со стороны природоохранных органов за отсутствие собственных систем утилизации.
 6. $\mathcal{P}/(\mathcal{B} \bullet \mathcal{E})$ — высокие значения этого показателя по смыслу отражают получение большего количества продукции на каждую единицу потребленной энергии и произведенных воздействий. То есть продукт (товар предприятия) содержит некую «необъясненную добавку», созданную не за счет вещественно-энергетических затрат, а за счет чего-то другого. Этим «другим», в первую очередь, являются интеллектуальные технологии, эффективный менеджмент, компьютеризация и прочие нематериальные факторы, отражающие инновационную насыщенность конечного продукта. Сюда же с полным правом относится продукция, произведенная по технологиям «экологически замкнутых циклов», к которым сегодня можно отнести многие биоресурсные отрасли.

Этим весь, в принципе возможный, список отношений в системе исчерпывается. Мы получили *три* основных критерия (эффективности) и *три*

производных показателя: $(Э \bullet П)/В$ — *энергорасточительность*, $(В \bullet П)/Э$ — *природорасточительность* и критерий $П/(В \bullet Э)$, по смыслу отражающий интегральную *эко-энергетическую эффективность*.

Использование всех шести критериев для характеристики конкретных производственных систем является избыточным. Они, несомненно, каждый по-своему отражают ту или иную специфическую особенность функционирования системы, но если речь идет о наиболее общих, интегральных характеристиках, то достаточно ограничиться лишь двумя:

- $П/(В \bullet Э)$ — *эко-энергетическая эффективность* производства продукции — содержит комбинацию всех трех базовых параметров и характеризует самые общие свойства системы с точки зрения инновационного содержания конечного продукта;
- $Э/В$ — *технологическая эффективность* характеризует не продукцию, а только внутреннюю эффективность производственных процессов в системе. Это отношение отражает экологическую безопасность использующего энергию оборудования.

Применение этих двух критериев позволяет дать объективную характеристику эффективности любых производящих систем и служит научно обоснованным критерием для их сравнения и ранжирования.

На основе этих критериев в 2011 г. были собраны и оценены данные 4000 предприятий и (на их основе) 150 крупнейших холдингов².

Оценка экологичности экономики регионов России

Использование системного подхода с описанием объектов исследования через наиболее общие физические характеристики позволило вполне логично перейти от оценки предприятий к оценке регионов. И предприятия, и экономики регионов равно являются хозяйствующими субъектами, потребляющими ресурсы и энергию, производящими полезную продукцию и неизбежно воздействующими на окружающую среду. Первая оценка регионов была выполнена в 2008 г. на основе данных государственной статистики.

Реализованный в 2009 г. в сотрудничестве с Институтом современного развития (ИНСОР) проект по оценке экологичности экономик субъектов Российской Федерации вызвал беспрецедентный интерес: информацию для составления этого рейтинга добровольно предоставили руководители 76 (из 83) субъектов Российской Федерации.

Продолжение этого исследования было сделано уже по заказу Комитета по природным ресурсам и охране окружающей среды Государственной Думы РФ. В результате объективной количественной оценки был не только составлен рейтинг устойчивого развития регионов Российской Федерации, но и сформирован единый список критериев оценки эффективности природоохранных и модернизационных мероприятий на местном, региональном и федеральном уровнях. В числе этих критериев были описанные выше критерии эко-энергетической и технологической эффективности, использованные для оценки экономик всех 83 регионов РФ.

² Подробнее рейтинг предприятий см. на сайте «Интерфакс ЭРА»: <http://interfax-era.ru/predpriyatya>; рейтинг холдингов см.: <http://interfax-era.ru/reitingi-predpriyatii/2010>.

Эко-энергетическая эффективность экономики региона определялась как количество полезной продукции (валовой региональный продукт — ВРП), полученное на единицу затраченной энергии, с одной стороны, и единицу произведенного воздействия на среду — с другой.

Технологическая эффективность экономики региона определялась через соотношение всей совокупности отходов-воздействий на окружающую среду и объема проделанной регионом работы (потребленной первичной энергии).

Таблица 3. Оценка экологичности экономик регионов в 2009 г.

Регионы	Эко-энергетическая эффективность	Регионы	Технологическая эффективность
Москва	584,3	Хакасия	373,1
Сахалинская область	271,2	Ямало-Ненецкий АО	316,5
Санкт-Петербург	220,7	Московская область	202,0
Тюменская область	182,5	Новгородская область	198,4
Московская область	160,1	Тюменская область	178,6
Калининградская область	152,2	Владимирская область	178,3
Татарстан	147,1	Смоленская область	167,8
Ненецкий АО	141,8	Воронежская область	162,3
Камчатский край	139,4	Амурская область	159,9
Еврейская АО	136,3	Алтайский край	158,4
Калужская область	129,9	Татарстан	158,0
Хабаровский край	128,2	Иркутская область	155,1
Удмуртия	126,9	Ханты-Мансийский АО	153,6
Ханты-Мансийский АО	121,9	Курская область	145,6
Чувашия	113,1	Удмуртия	138,6
Владимирская область	112,5	Мордовия	138,5
Республика Алтай	111,1	Пермский край	135,4
Тамбовская область	110,6	Самарская область	133,4
Курская область	109,5	Ингушетия	132,6
Ульяновская область	104,5	Рязанская область	132,6
Белгородская область	103,3	Нижегородская область	131,6
Брянская область	101,9	Белгородская область	130,7
Новосибирская область	101,3	Новосибирская область	130,5
Пензенская область	100,7	Чувашия	128,9
Томская область	100,5	Башкортостан	127,4
Адыгея	98,4	Ульяновская область	127,0
Ростовская область	98,1	Липецкая область	125,7
Ярославская область	97,5	Саратовская область	125,0
Краснодарский край	97,2	Забайкальский край	123,2
Орловская область	95,2	Северная Осетия-Алания	122,3

Продолжение на следующей странице

Таблица 3 (продолжение). Оценка экологичности экономик регионов в 2009 г.

Регионы	Эко-энергетическая эффективность	Регионы	Технологическая эффективность
Башкортостан	95,0	Волгоградская область	121,2
Нижегородская область	95,0	Астраханская область	119,0
Амурская область	93,3	Коми	117,0
Курганская область	92,5	Ярославская область	116,0
Псковская область	89,8	Калужская область	115,1
Магаданская область	87,2	Бурятия	114,5
Дагестан	87,0	Тульская область	114,1
Волгоградская область	85,5	Магаданская область	114,0
Новгородская область	85,1	Ненецкий АО	113,2
Омская область	84,2	Республика Алтай	106,8
Марий Эл	83,2	Тверская область	102,4
Карачаево-Черкесия	79,2	Тамбовская область	100,1
Мордовия	75,9	Курганская область	99,8
Самарская область	75,3	Чечня	98,1
Рязанская область	74,8	Калининградская область	95,8
Ямало-Ненецкий АО	74,3	Ивановская область	95,7
Приморский край	74,1	Кировская область	95,2
Пермский край	74,0	Омская область	93,6
Коми	73,9	Кемеровская область	92,5
Тверская область	72,8	Ростовская область	91,7
Свердловская область	72,7	Орловская область	89,7
Воронежская область	72,5	Москва	89,6
Карелия	71,8	Брянская область	87,9
Ивановская область	71,8	Ставропольский край	87,6
Смоленская область	71,2	Адыгея	87,5
Бурятия	71,0	Мурманская область	87,1
Кабардино-Балкария	70,9	Пензенская область	86,7
Липецкая область	70,2	Томская область	86,5
Оренбургская область	69,7	Свердловская область	82,5
Алтайский край	69,6	Карачаево-Черкесия	80,9
Кировская область	68,8	Хабаровский край	76,3
Саратовская область	68,0	Еврейская АО	73,5
Архангельская область	64,0	Санкт-Петербург	73,2
Забайкальский край	63,7	Красноярский край	72,0
Калмыкия	62,9	Псковская область	70,0
Северная Осетия-Алания	62,3	Приморский край	70,0
Ленинградская область	61,4	Вологодская область	68,5

Продолжение на следующей странице

Таблица 3 (продолжение). Оценка экологичности экономик регионов в 2009 г.

Регионы	Эко-энергетическая эффективность	Регионы	Технологическая эффективность
Тульская область	61,0	Оренбургская область	68,3
Саха	60,7	Челябинская область	68,1
Ставропольский край	60,1	Кабардино-Балкария	67,6
Красноярский край	58,4	Костромская область	67,5
Астраханская область	54,8	Сахалинская область	66,5
Мурманская область	52,6	Краснодарский край	62,1
Иркутская область	47,6	Карелия	61,2
Ингушетия	46,9	Архангельская область	58,5
Хакасия	45,4	Марий Эл	58,3
Челябинская область	44,0	Камчатский край	57,9
Костромская область	40,6	Ленинградская область	57,5
Кемеровская область	39,9	Дагестан	55,5
Чечня	33,6	Калмыкия	29,1
Вологодская область	32,4	Саха	16,0
Чукотский АО	31,8	Тыва	7,8
Тыва	22,1	Чукотский АО	5,2

Примечание. Среднее значение по России = 100%.

Оценка экологичности экономик стран мира

Самым последним по времени исследованием с использованием разработанного авторами методологического подхода является сравнительная оценка экологичности экономик стран мира, выполненная в 2011–2012 гг. «Оценка национальных воздействий на состояние глобальной природной среды». За основу для расчетов взяты доступные базы данных Организации Объединенных Наций и ее специализированных институтов, а также находящиеся в свободном доступе результаты изучения природной среды Земли космическими аппаратами, что позволяет, при желании, осуществить перепроверку сделанных Интерфакс-ЭРА оценок и выводов.

В основу оценки экологичности экономик стран мира была положена та же методология, использование которой проиллюстрировано выше примерами на уровнях предприятий, компаний и регионов России. Определение эколого-энергетической и технологической эффективности связано с корректным определением Продукции (П), произведенной национальной экономикой, Энергии (Э), затраченной на производство этой продукции, и Вредных Воздействий (В) на природную среду, оказанных в результате производства Продукции.

Продукция. Показателем продукции (индикатор П) выбран ВВП по паритету покупательной способности — ВВП_{ППС}. Данный показатель не всегда обеспечивает корректное сопоставление производства в разных странах, особенно в странах, существенно изолированных от мировой экономики (например, в Северной Корее), но из имеющегося набора это наиболее

объективный индикатор, который «с оговорками» можно использовать как измеритель полезной продукции экономики (П).

Энергия. В качестве основы для получения обобщенной оценки энергопотребления (Э) был выбран универсальный показатель в абсолютных величинах, а именно потребление первичной энергии (млн т. нефтяного эквивалента (н.э.)), характеризующее степень обеспечения разных стран мира энергией.

Однако прямое сопоставление объемов потребления энергии и объемов производства продукции дает совершенно неожиданные результаты. Лидерами по энергетической эффективности производства (\$ВВПппс/1 т.н.э.) оказываются те страны, которые общепринято считать слаборазвитыми, например Лесото. Причина этого феномена в том, что реальное энергопотребление определяется не только количеством «выпитого» бензина и мощностью электрических лампочек. В аграрных странах, где большая часть ВВП создается в секторе производства продовольствия, используется биогенная энергия. Такая структура энергопотребления характерна для современных цивилизаций Африки, Южной Америки, Южной Азии и Австралии. Здесь значительная часть энергии потребляется не в виде топлива для тракторов и комбайнов, а в виде корма, потребляемого скотом.

Исследование количественных соотношений показало, что даже затраты энергии, полученной человеком с пищей, вполне сопоставимы с потреблением энергии в виде топлива. Например, в такой стране как Дания, имеющей развитое животноводство, суммарное потребление энергии сельскохозяйственными животными и человеком составляет почти 60% от потребления энергии в техническом комплексе страны. А в странах Африки совершенно нормальными являются 3-10-кратные превышения использования биогенной энергии над объемами потребленного топлива и электроэнергии.

Соответственно, для корректного определения фундаментальной эффективности производства в каждой стране, помимо сбора данных о потреблении всех видов топлива и техногенной энергии, были собраны сведения о потреблении энергии сельскохозяйственными животными с кормами и энергии, потребленной с пищей человеческим населением каждой страны. Для этого нами были обобщены данные по поголовью сельскохозяйственных животных (крупный рогатый скот, буйволы, лошади, ослы, мулы, верблюды, овцы и козы, свиньи, птица), рассчитаны их суммарная потребность в кормах и первичное энергетическое содержание этих кормов, к которому было приплюсовано энергопотребление с пищей человека.

Воздействия. Выбор показателей для определения индикаторов экологически опасных воздействий национальных экономик на природную среду связан с полнотой их статистического учета и возможностью применения для характеристики всего хозяйственного комплекса. Все виды глобального негативного антропогенного воздействия были сгруппированы в четыре основных блока:

- воздействия на воздушную среду;
- воздействия на внутренние воды;
- воздействия на земли;
- воздействия на Мировой океан.

По сравнению с методикой оценки предприятий и регионов России — ввиду глобальности исследования — потребовалось дополнить традицион-

ный список показателями воздействия на Океан. При отборе конкретных показателей авторы руководствовались следующими общими методическими принципами:

- показатели должны отражать влияние человека на среду в широком смысле, включая всю хозяйственную деятельность;
- показатели должны иметь достаточное для количественной оценки покрытие по странам мира;
- показатели воздействия должны допускать сложение по всем странам мира и трактовку суммы как глобального воздействия на природную среду.

Последнее условие позволяло выразить значение экологического воздействия каждой страны в процентах от его общемировой суммы, а интегральный показатель для каждой страны рассчитать как среднее арифметическое из 12 видов воздействия.

Интегральные показатели **Продукции**, **Энергии** и **Воздействий** использованы для расчета искомым индексом эко-энергетической и технологической эффективности.

Эко-энергетическая эффективность = $\Pi / (B \cdot \mathcal{E})$ позволяет определять страны, где производство полезной продукции осуществляется при минимальном расходе энергии и минимуме производимых воздействий на природную среду. По сути, это среднее между показателем экологической эффективности (Π / B) и показателем энергетической эффективности (Π / \mathcal{E}).

Если объем общего энергопотребления, интегральных экологических воздействий и продукции в каждой стране выразить в процентах от общей суммы по миру, то итоговое значение также можно будет выразить безразмерной цифрой, где единица (или 100%) будет соответствовать средней для стран мира эко-энергетической эффективности производства валового внутреннего продукта.

Технологическая эффективность = \mathcal{E} / B характеризует долю энерго-вещественного потока, которая в процессе производства не рассеялась в окружающую среду, а была полезно использована. По смыслу отношение \mathcal{E} / B названо *технологической* эффективностью, так как оно отражает только внутренние характеристики работы оборудования, используемого в хозяйственной системе каждой страны. Необходимо подчеркнуть, что данный показатель рассчитывается с использованием только техногенного потребления энергии (без энергии кормов животных и пищи человека), что отражено и в его названии. Если объем общего энергопотребления и интегральных экологических воздействий в каждой стране выразить в процентах от общей суммы по миру, то равное единице отношение \mathcal{E} / B будет соответствовать средней для стран мира технологической эффективности. Для удобства мы приравниваем среднемировое значение эффективности к 100%. Страна с технологической эффективностью вдвое выше среднемировой имеет значение 200%, а значение 50% говорит о том, что эффективность хозяйственного комплекса и инфраструктуры в стране вдвое ниже мирового уровня.

Таблица 4. Оценка экологичности экономик стран мира в 2008 г.

Страны	Эко-энергетическая эффективность	Страны	Технологическая эффективность
Сан-Марино	366	Тринидад и Тобаго	325
Швейцария	266	Андорра	251
Австрия	249	Бахрейн	233
Великобритания	247	Израиль	214
Израиль	237	Кувейт	205
Лихтенштейн	236	Нидерландские Антилы	187
Италия	234	Словакия	176
Андорра	233	Южная Корея	174
Германия	220	Австрия	172
Экваториальная Гвинея (нефтедобыча)	214	Франция	171
...
Науру	107	Китай	103
Габон	106	ЮАР	102
Австралия	105	Португалия	102
Гибралтар	103	Турция	101
Канада	102	Венесуэла	100
Финляндия	99	Туркмения	97
Колумбия	98	Македония	97
Малайзия	97	Сингапур	95
Армения	95	Венгрия	95
Нидерландские Антилы	94	Болгария	95
...
Заир	15	Намибия	7
Намибия	15	Кабо-Верде	7
Центральная Африканская Республика	15	Западная Сахара	6
Гайана	15	Гренландия	6
Афганистан	13	Гамбия	6
Зимбабве	12	Соломоновы острова	5
Сомали	11	Вануату	5
Нигер	11	Монтсеррат	3
Мавритания	11	Гвинея-Бисау	2
Гвинея-Бисау	8	Кирибати	1

Примечание. Среднее значение по миру равно 100%.

Оценка сохранности и степени разрушения природной среды по странам мира

Для разработки национальной экологической политики и политики международного сотрудничества в этой сфере необходима оценка, с одной стороны, вклада каждого государства в сохранение Природы нашей планеты, а с другой — оценка, её национальной ответственности за обострение глобальных экологических проблем. Чтобы мировое сообщество успешно осуществило большое и трудное дело по сохранению Биосферы, надо точно распределить общую работу. Каждое государство должно быть уверенно, что на него не перекладывают ответственность за действия или бездействие других стран: большие и малые государства должны взять ту часть общего груза, которая пропорциональна их ответственности за трансформацию Биосферы. Соответственно, вклад каждого в сохранение природы и доля ответственности за её разрушение должны определяться корректно и точно, не по намерениям, а по фактам. Нельзя оценивать роль разных по размеру или типу экономики стран на основании субъективных, порой политизированных, мнений, не подкрепленных строгими и честными данными, или на основании снисходительных суждений об «отсталости» экологической политики экономически менее развитых стран. Новые «зеленые миссионеры» несут в Африку, Азию и Латинскую Америку свое понимание охраны природы, не очень оглядываясь на ситуацию непосредственно в развитых странах. К сожалению, такой подход доминирует и в мировых СМИ. Неудивительно, что представления о высокой экологической ответственности развитых экономик США, Великобритании и Японии пришли в противоречие с реалиями экологических трагедий Мексиканского залива и Фукусимы.

Эко-энергетическая и технологическая эффективность экономик стран, с одной стороны, и сохраненный на национальной территории потенциал поддержания жизнеспособности (устойчивости) участков Биосферы — с другой, — две главные характеристики, позволяющие ответить на вопрос о справедливом распределении груза задач по сохранению Биосферы, а следовательно, и рода человеческого.

Выполненная нами *оценка эко-энергетической и технологической эффективности* дает представление об экологичности современной хозяйственной деятельности на территории каждой страны. *Вторая характеристика* должна дать представление о *вкладах разных стран в сохранение природной среды и об их индивидуальной ответственности за разрушение природы*.

Характеристику ответственности стран мира за разрушение природной среды следует начать с более детального изложения оценки экологических воздействий, которые в качестве интегрального индикатора (**B**) были использованы в расчете их эко-энергетической и технологической эффективности.

Напомним, что общая характеристика каждой страны включает показатели воздействия экономики на четыре компонента природной среды: атмосферу, внутренние воды, земли и Мировой океан. Для обеспечения обозримой и сбалансированной системы критериев авторы решили ограничиться в каждой группе тремя показателями, выбор которых сделали исходя из следующих соображений:

- *один из показателей должен быть общим*, отражающим не столько опасность воздействия для среды, сколько масштаб хозяйственной деятельности, способной влиять на соответствующий компонент

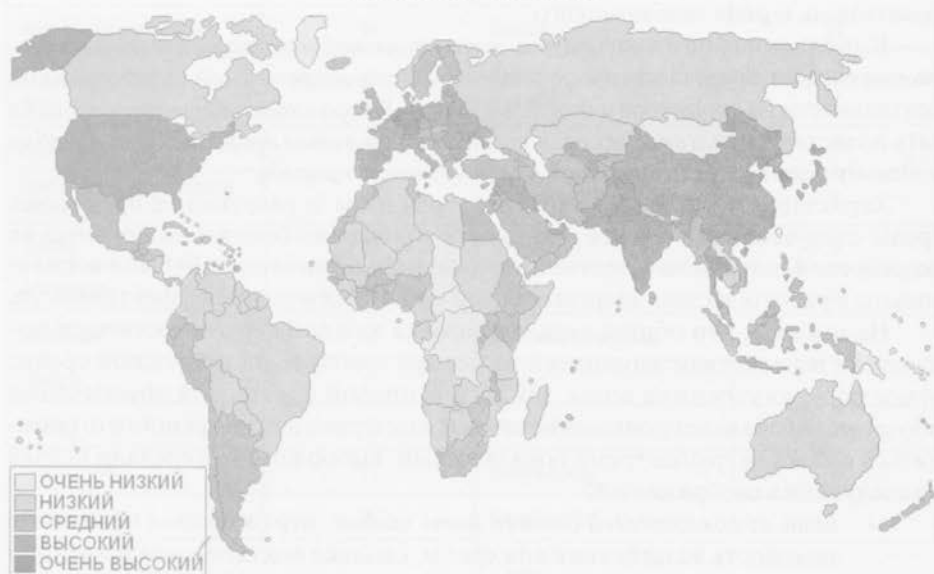
природной среды. Такой показатель служит индикатором воздействий, в том числе тех, которые статистически надежно не наблюдаются;

- *вторым желательно иметь универсальный показатель*, максимально интегрирующий опасность оцениваемого воздействия для природной среды;
- *третий показатель может быть достаточно специфичным* по механизму действия на среду или её компоненты.

Отношение величины национальной ответственности за каждый вид воздействия к сумме аналогичных воздействий во всех странах мира выражено в процентах. Для получения интегрального критерия антропогенного воздействия на среду был использован наиболее простой метод расчета среднего арифметического.

Воздействие на природную среду, произведенное в конкретной стране, далеко не всегда можно считать «виной» или совокупной ответственностью проживающего в ней населения по причине его расточительности. Множество стран производят товары, которые практически не используются внутри их территории, а идут на экспорт. А это значит, что часть ответственности за воздействия на окружающую среду должна быть снята с производителей таких товаров. В то же время, импортируя произведенные в других странах товары, страна принимает ответственность за экологические издержки, связанные с их производством. Точная оценка экологической ответственности стран мира требует расчета балансов между экологическим воздействием при выпуске товаров, отправляемых на экспорт, и товаров, полученных по импорту. Только с учетом этой, для ряда стран весьма существенной, поправки сравнительные оценки интенсивности воздействий на природную среду будут объективными и корректными.

Карта 1. Суммарная интенсивность уровня антропогенного воздействия на окружающую среду

В качестве примера можно привести закупку странами южной Европы фотоэлементов для солнечных батарей, являющихся основой их «чистой энергетики». Производство фотоэлементов — экологически очень «грязный» процесс, сопряженный с серьезным ущербом окружающей среде и здоровью населения. Однако весь этот ущерб остается (и регистрируется) в Китае и ряде других низкотехнологичных стран «третьего мира». Если же экологическую ответственность за стоки гальванических производств возложить на те экономики, которые потребляют фотоэлементы, не производя их на своей территории, картина станет не столь контрастной и, без сомнения, более справедливой.

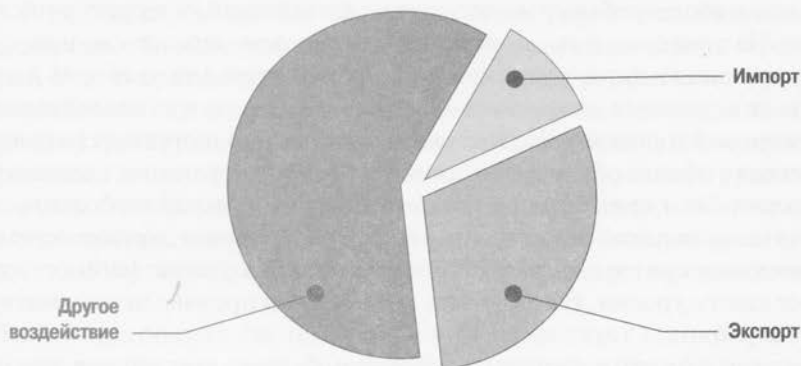
Для оценки ответственности стран за воздействия, произведенные на природную среду **ВНЕ** границ национальной территории, с одной стороны, рассчитан баланс негативных экологических воздействий, произведенных внутри национальной территории для нужд глобального товарного обмена (экспорта), с другой стороны, учтены воздействия на среду, которые сделаны в других странах при производстве импортированной продукции (т. е. для потребностей населения и экономики оцениваемой страны).

Для учета воздействий, вынесенных за национальные границы средствами международной торговли, взяты показатели участия экономики каждой страны в глобальной торговле. Подобная статистика вполне адекватно отражается показателями производства ВВП (по данным ООН) и отношениями импорта-экспорта к ВВП. Поскольку все три показателя имеют одинаковое денежное выражение, то отношение Экспорт/ВВП может рассматриваться как доля воздействия на природную среду, произведенного на национальной территории для нужд глобальной экономики.

Просуммировав все национальные воздействия для нужд глобального товарно-ресурсного обмена, мы определили общую величину таких воздействий. Эта сумма рассматривалась как условно единый пул воздействий на природную среду, произведенных для нужд международной торговли.

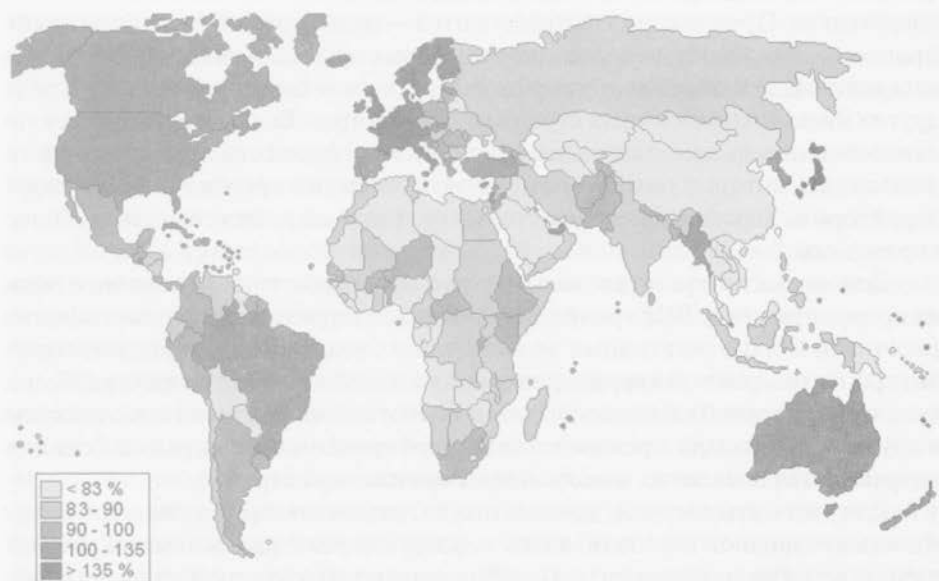
Далее, с использованием данных о стоимости импорта каждой страны определено условное количество воздействий на природную среду, которое

Рисунок 2. Воздействие импорта и экспорта на среду

Примечание. Импортируя продукцию, страна формально экономит воздействие на природу в объеме, равном выбросам, стокам, отходам при производстве продукции импорта. Экспортируя продукцию, страна разрушает среду для нужд других государств на своей национальной территории.

Карта 2. Баланс воздействий на окружающую среду в процентах к воздействию внутри страны

Примечание. Баланс рассчитан с учетом прибавления воздействия от производства импортируемых товаров и услуг и вычета воздействия при производстве экспортируемых товаров и услуг.

было произведено для выпуска той части товаров, которую каждая страна закупила по импорту. Поскольку в национальной экономике покупательная способность доллара существенно отличается, то для корректной оценки объемов товаров, поставляемых для мировой торговли и покупаемых на мировом рынке, потребовалось учесть отношение паритета покупательной способности доллара внутри страны и средней величины ППС для товаров разных стран, собранных в пул мировой торговли.

Оценка условного количества негативных воздействий на природную среду, сопряженных с производством импортированных товаров, была *приплюсована* к общему объему экологических воздействий на территории каждой страны. Из этой суммы *вычли* объем негативного воздействия на природную среду, произведенного национальной экономикой для экспорта в другие страны (т. е. условно «отданного» страной в единый пул воздействий для нужд мировой торговли). Балансовая величина антропогенных воздействий соотнесена с общим объемом воздействий на среду в границах национальной территории. Этот критерий при значении более 100% отражает более высокий уровень национальной ответственности за воздействия на окружающую среду. При значении критерия менее 100% национальная ответственность страны ниже среднего уровня, так как часть воздействий производится в интересах других стран.

Подчеркнем, что речь идет о физическом балансе ответственности стран. В данном исследовании мы не рассматриваем механизмы финансовых взаиморасчетов за услуги ассимиляции выбросов, стоков, отходов, произведенных для стран, фактически получающих такие услуги вместе с импортированным товаром.

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ПОДДЕРЖАНИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ (УСТОЙЧИВОСТИ) БИОСФЕРЫ, СОХРАНЕННОГО И УТРАЧЕННОГО НА ТЕРРИТОРИИ СТРАН МИРА

Возможности ассимиляции вредных экологических воздействий у разных стран мира существенно различаются. Поясним, что речь не только о поглощении (разбавлении или связывании) токсичных для человека веществ. Более общее свойство — поддержание глобальной устойчивости Биосферы, как мозаика, складывается из жизнеспособности отдельных участков, расположенных на территории разных стран. Страна, разрушающая природу на своей национальной территории, наносит урон не только себе, но и всем остальным странам. На Земле, как на подводной лодке или космической станции, любое нарушение систем жизнеобеспечения создает угрозу для всех членов экипажа и всех отсеков корабля. Биосферные результаты осуществления хозяйственной деятельности на территории стран отображаются состоянием экологических систем на их территории.

Описанные выше показатели эко-энергетической и технологической эффективности национальных экономик, оценки интенсивности воздействий на природную среду отражают лишь хозяйственную, антропогенную составляющую целостных природно-техногенных комплексов. Состояние природной компоненты они не характеризуют, что является серьезным препятствием для проведения действительно объективных сопоставлений и получения сравнительных оценок, адекватно отражающих реальное положение дел.

Очевидно, что если две страны имеют примерно равные показатели экологичности хозяйственной деятельности, но различаются по потенциалу поглощения вредных воздействий, устойчивости или текущей нарушенности природных экосистем, объективно их состояние нельзя считать одинаковым. Для объективного сравнения необходимо количественно оценить потенциал природных систем — как сохраненный, так и утраченный вследствие хозяйственной деятельности.

Решение этой задачи возможно с привлечением теории устойчивости материальных систем, разработанной авторами [Артюхов, Мартынов, 1996]. В любых сколь-нибудь сложных системах разница в устойчивости (жизнеспособности) определяется, *во-первых*, различиями в размерах (объеме, массе) сравниваемых систем, *во-вторых*, различиями в качестве (эффективности) их функционирования и, *в-третьих*, различиями в разнообразии структуры систем. Последнее свойство определяет возможность построения — в ответ на неблагоприятное изменение условий существования — *разных* комбинаций из имеющихся в системе элементов: это *информационная* составляющая устойчивости-неустойчивости материальных систем [Артюхов, 1996], которая количественно характеризуется показателем их *адаптивности*.

Любая природная система, если она существует и сохраняет себя, имеет все три группы свойств, каждая из которых может быть выражена количественно. Соответственно, для характеристики и количественной оценки фундаментальных механизмов обеспечения устойчивости всяких материальных систем необходимы следующие индикаторы:

- *инерционность* — валовые характеристики массы или мощности;

- *эффективность* — КПД, способность связывать потоки вещества-энергии;
- *структурная сбалансированность* — величина адаптивного разнообразия структурных элементов системы.

В качестве иллюстрации можно привести «устойчивость» боксера. Экстенсивная компонента его устойчивости — это весовая категория (масса системы), интенсивная компонента — это КПД работы в единицу времени (скорость и сила ударов), информационная компонента — гармоничность набора используемых боксером технических приемов (экономия сил, обманные финты).

Устойчивость биосферы поддерживается исключительно функционированием природных экосистем. Таким образом, для сравнения стран по природной устойчивости достаточно выделить и в наиболее общем виде количественно описать различия природных экосистем по трём главным свойствам — массе, эффективности и структурной сбалансированности.

Для природных экосистем *инерционную компоненту* устойчивости можно выразить через запас биомассы.

Эффективность (КПД) экосистем можно характеризовать через отношение содержащейся в экосистеме биомассы к её годовому приросту, которое отражает способность экосистем поддерживать жизнедеятельность при равном ресурсном потоке. Фактически это индикатор эффективности работы экосистем как «термодинамических машин», показывающий время хранения в экосистеме каждого грамма однажды произведенного ею органического вещества.

Оценка *структурной сбалансированности* экосистем может быть выполнена по данным о количестве видов в разных группах растений и животных в каждой стране. При этом, поскольку заведомо невозможно оценить все биоразнообразие, приходится ограничиваться лишь достаточно изученными группами, например, сосудистыми растениями, млекопитающими, птицами, пресмыкающимися и амфибиями, выполняющими функции индикаторов [Артюхов, Мартынов, 1996].

Соответственно, используя данные о площади природных экосистем с разным запасом биомассы, жизнеспособностью и биоразнообразием, можно оценить вклад каждой страны в поддержание глобальной жизнеспособности Биосферы планеты. Для оценки ответственности каждой страны за потерю устойчивости Биосферы нужно определить площадь, на которой произошло замещение естественных экосистем нарушенными землями, застройкой, агроценозами. В первом приближении такие расчеты могут быть проведены пока без учета роли экосистем Мирового океана.

Для оценки площади, занятой в каждой стране разными типами экосистем, были привлечены данные космической съемки — нормализованного вегетационного индекса NDVI (NASA Goddard DAAC), классификации территорий разных стран по типам экосистем, полученные в ходе осуществления проекта Global Land Cover Characteristics Database (Global Land Cover Characteristics Database ver 2.0), а также данные Всемирной продовольственной организации (FAO) по структуре земель (FAOstat).

Авторами были проанализированы подготовленные Институтом географии РАН сведения о биомассе, продуктивности и биоразнообразии основных типов экосистем. Эти оценки в сочетании со статистикой, отражающей пло-

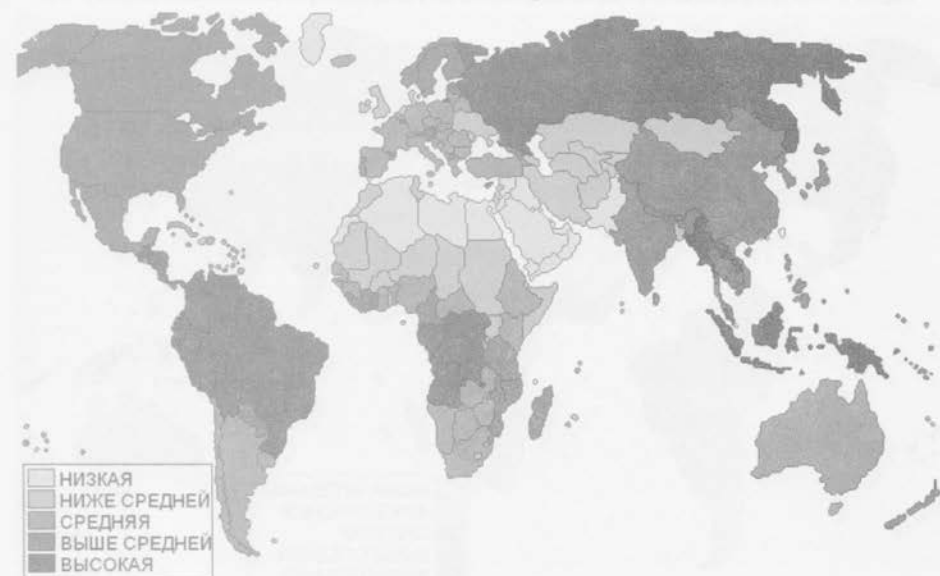
щадь, занятую разными типами растительности и хозяйственного использования, позволили сравнить 209 стран мира по эффективности сохранения и интенсивности разрушения глобальной природной среды.

Первым из критериев для такого сравнения был выбран показатель сохраненного каждой страной потенциала природной устойчивости. По данным о площади разных типов экосистем, не измененных деятельностью человека, выполнена оценка суммарных запасов биомассы в природных экосистемах всех стран мира. При этом запас биомассы природных экосистем каждой страны выражен в процентах к общемировому. Одновременно определена общая площадь суши (без Антарктиды) и её распределение по странам мира (также в процентах).

Страну, в которой запас биомассы (процент от мирового) близок или равен проценту мировой площади суши, можно считать средней по эффективности сохранения этого компонента устойчивости природной среды. Если доля сосредоточенного в стране запаса биомассы выше доли этой страны в общей площади суши, то отношение (процент/процент) больше единицы и роль каждого гектара территории страны для сохранения глобальной устойчивости Биосферы здесь выше средней мировой. Коэффициент ниже единицы отражает более низкую эффективность территории страны в процессе сохранения природы планеты.

Подобные коэффициенты (процент сохраненного компонента устойчивости/процент площади суши) рассчитаны для всех трех показателей экосистем страны — запаса биомассы, уровня жизнеспособности (биомасса/продуктивность) и адаптивности (структурной сбалансированности) биоразнообразия. Среднее из трех коэффициентов интегрально характеризует эффективность сохранения потенциала природной устойчивости на территории каждой страны.

Карта 3. Эффективность сохранения мирового потенциала устойчивости экосистем

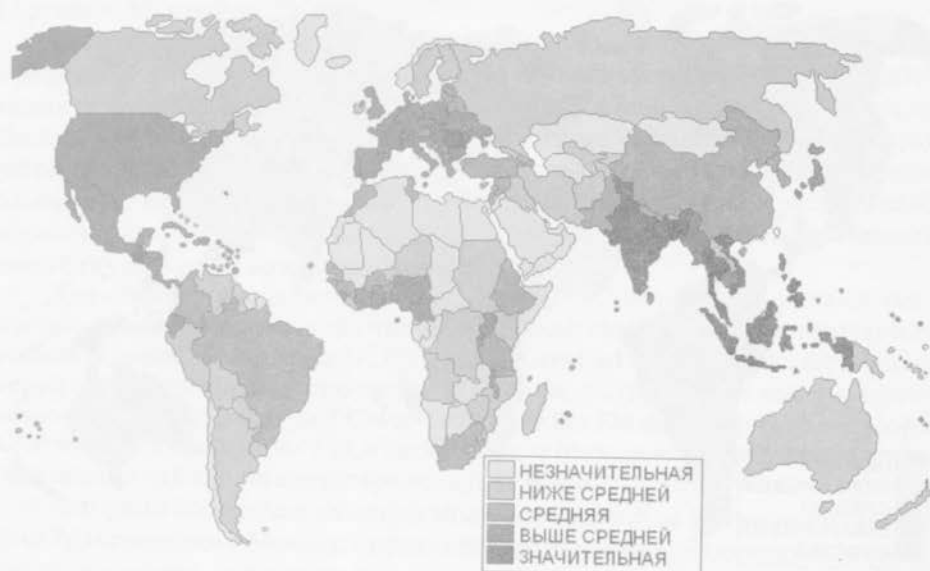

Второй критерий для сравнения стран учитывал природную устойчивость, утраченную в результате преобразования природных экосистем на территории каждой страны или их замены агроценозами. В каждой стране к территориям, на которых утрачены природные экосистемы, отнесены земли дорог, промышленной и поселенческой застройки, нарушенные земли, все категории пашни и насаждений. Агроценозы и насаждения (например, банановые или кофейные плантации) хотя и функционируют в биологическом круговороте, но являются неустойчивыми образованиями, и поэтому их площади не могут рассматриваться как участвующие в поддержании глобальной устойчивости Биосферы. Как и кукурузные или картофельные поля, они неспособны воспроизводить себя в течение нескольких лет без участия человека.

С использованием тех же данных по биомассе, продуктивности, биоразнообразию экосистем и данных о площади, на которой природные экосистемы отсутствуют, определены суммарные (по всем странам мира) потери глобальной устойчивости естественных экосистем суши. Поскольку уровень биопродуктивности уничтоженных хозяйственной деятельностью экосистем нам неизвестен, пришлось сделать несколько допущений. Мы полагали, что застройка и насаждения размещены там, где существовали наиболее продуктивные экосистемы с древесной растительностью (леса или саванны), а вот поля, дороги, свалки и иным способом нарушенные земли замещали все типы существующих в стране экосистем пропорционально их площади. Соответственно, продуктивность и биоразнообразие утраченных природных комплексов считалась равной для их современных значений в экосистемах, сохранившихся на территории данной страны. Это близкое к действительности допущение позволило алгоритмизировать расчет потерь природной устойчивости.

Для сравнения стран по интенсивности утраты природного потенциала использовано отношение утраты на национальной территории части мирового

Карта 4. Интенсивность утраты мирового потенциала устойчивости экосистем

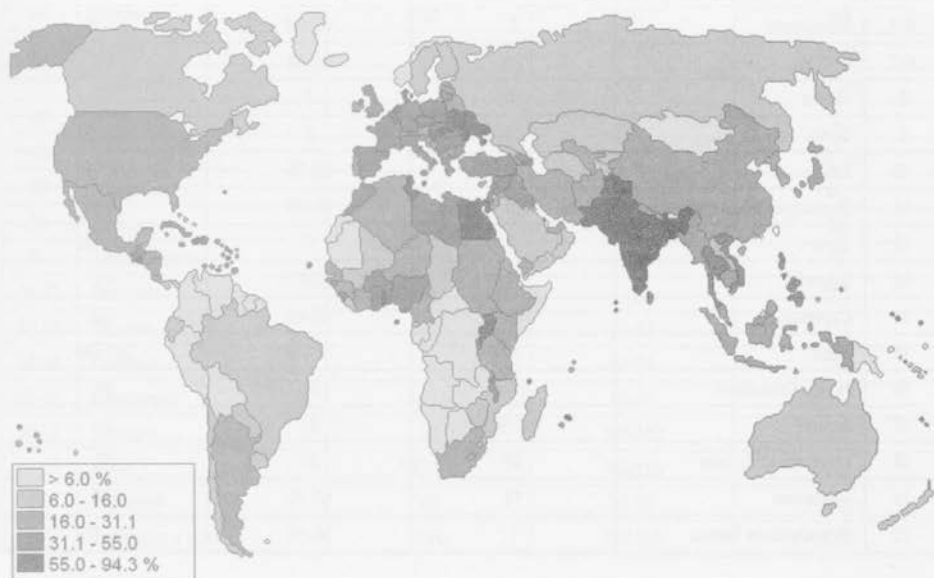
потенциала устойчивости (процент от мировых потерь) к доле страны в общей площади суши (также выраженной в процентах). Для стран, где ответственность за утрату мирового запаса биомассы, жизнеспособности и биоразнообразия сопоставима с их долей в общей территории (коэффициент близок к единице), можно говорить о средней интенсивности разрушения природной среды. Коэффициент больше единицы отражает повышенную интенсивность разрушения биосферной саморегуляции. В странах с небольшими значениями утраты природной устойчивости коэффициент заметно меньше единицы.

Третий критерий для сравнения стран — отношение утраченного на территории страны потенциала устойчивости к биотическому потенциалу, который мог бы существовать на территории страны в случае восстановления природных экосистем там, где они сейчас отсутствуют. Следовательно, это отношение отражает долю потерь природных экосистем от уровня, существовавшего ДО начала хозяйственного освоения, в ходе которого природная среда на национальной территории была кардинально преобразована. Этот критерий выражается в процентах от условно изначального потенциала природной устойчивости, независимо от того, продуктивные (устойчивые) экосистемы представлены на территории страны или это пустыни, тундры или сухие степи.

В качестве обобщенного результата всех изложенных выше методических подходов в *таблице 5* приведен интегральный рейтинг стран мира по экологичности национальных экономик. По логике проведенного исследования, на первые места в суммарном рейтинге выходят страны, где:

- сохранилась относительно большая площадь естественных экосистем с высокой биомассой, жизнеспособной растительностью и адаптивной структурой биоразнообразия;
- загрязнение воды, воздуха, изъятие земель под распашку, дороги и застройки сравнительно невелико;

Карта 5. Потеря устойчивости экосистем в процентах к изначально существовавшей на территории страны

- сравнительно невелико использование наземных и морских биологических ресурсов;
- национальное потребление природоёмких товаров меньше их производства, осуществляемого по заказам иностранных потребителей;
- сравнительно малы затраты энергии и разрушающих среду воздействий на единицу произведенной на территории страны продукции.

Следует отметить, что рейтинги получены не путем экспертных оценок, отражающих чье-то пусть весьма квалифицированное, но субъективное мнение, а рассчитаны по формальным алгоритмам на основе реальных числовых данных из открытых источников. Это делает результаты полностью открытыми для любых верификаций, проверок или даже пересчетов с использованием свежих обновленных данных.

Более того, как было продемонстрировано выше, критерии фундаментальной (эко-энергетической и технологической) эффективности являются пригодными для оценок хозяйственных комплексов любого уровня иерархии — от предприятий до отраслей, регионов и даже стран мира. Это позволяет расценивать их как универсальные индикаторы экологичности, которые могут быть использованы для создания единой международной системы мониторинга.

Таблица 5. Интегральный рейтинг стран мира по экологической безопасности национальных экономик

Рейтинг	Страна	Место в рейтинге сохранения природной среды	Место в рейтинге современных воздействий на среду	Место в рейтинге фундаментальной эффективности экономики
1	Конго	10	1	86
2	Папуа-Новая Гвинея	4	2	168
3	Канада	19	45-46	39
4	Ангола	11	15	101-102
5	Колумбия	6	48	88
6-7	Венесуэла	8	62-64	68-70
6-7	Россия	20	53-54	42
8	Ливия	117	5	15
9	Бутан	18	3	122-123
10	Габон	9	22-24	107-110
11	Экваториальная Гвинея	21	39-40	46
12	Заир	5	17	150-151
13	Бруней	12	132-135	49
14	Суринам	2	43-44	152
15	Лаос	14	11-12	145-146
16	Новая Каледония	15-16	61	82
17	Алжир	108-109	21	17
18	Саудовская Аравия	82	34	32
19	Бразилия	13	69-70	100
20	Французская Гвиана	1	56-58	178-179

Продолжение на следующей странице

Таблица 5 (продолжение). Интегральный рейтинг стран мира по экологической безопасности национальных экономик

Рейтинг	Страна	Место в рейтинге сохранения природной среды	Место в рейтинге современных воздействий на среду	Место в рейтинге фундаментальной эффективности экономики
21	Гайана	3	10	202
22-23	Боливия	15-16	20	160
22-23	Казахстан	62-62	33	52
24-25	Французская Полинезия	48-49	27	81
24-25	Кувейт	73-74	177-178	6
26	Перу	7	88-89	148
27	Словения	54	165-166	24
28-29	Соломоновы острова	24	9	165
28-29	Ботсвана	30	28-29	117-118
30	Норвегия	28	159	48
31	Мозамбик	35	26	124-125
32	Австрия	83-84	186	3
33-34	Австралия	38-39	72-76	79
33-34	Коста-Рика	40-41	80-81	74-75
35	США	75	168	23
36	Монголия	40-41	4	172
37	Туркмения	51-52	25	107-110
38	Босния и Герцеговина	111	113-115	21-22
39	Иордания	92-93	127-128	31
40	Словакия	122	145-148	9
41	Эквадор	26	72-76	121
42	Палау	23	68	135-137
43	Хорватия	106	92-93	38
44	Белиз	17	60	169
45	Грузия	50	85-87	83-85
46	Финляндия	22	173-174	71-72
47	Андорра	71	201	1
48	Чад	69	6	158-159
49	Малайзия	94-95	53-54	61
50	Швеция	32	180	53
51	Южная Корея	83-84	195	11
52-53	Либерия	25	13	197
52-53	Панама	27	94-97	134
54-55	Гондурас	53	62-64	119
54-55	Индонезия	64-65	65-66	103
56-57	Мексика	68	141-142	62
56-57	Иран	102-103	113-115	50
58	Парагвай	43	28-29	170-171
59	Тринидад и Тобаго	134	137-138	25-26

Продолжение на следующей странице

Таблица 5 (продолжение). Интегральный рейтинг стран мира по экологической безопасности национальных экономик

Рейтинг	Страна	Место в рейтинге сохранения природной среды	Место в рейтинге современных воздействий на среду	Место в рейтинге фундаментальной эффективности экономики
60-62	Замбия	33-34	36-37	177
60-62	Аргентина	80	80-81	89
60-62	Япония	100-101	188	16
63	Чили	44-45	71	130-131
64	Новая Зеландия	38-39	102-103	128-129
65	Китай	73-74	154-155	59
66	Македония	98-99	136	51
67	Камерун	59	52	135-137
68	Центральная Африканская Республика	36-37	11-12	198-199
69	Кампучия	94-95	18	138-139
70	Греция	144-145	129	25-26
71-73	Вануату	51-52	14	192
71-73	Оман	72	109-112	93-94
71-73	Нидерландские Антилы	110	183-184	20
74-75	Гренландия	57-58	19	181
74-75	Швейцария	112-113	200	5
76	Кипр	66-67	171	55
77	Йемен	86	49-51	112-113
78	Южноафриканская Республика	87-88	132-135	67
79	Северные Марианские острова	70	123-124	93-94
80	Португалия	115-116	164	36
81	Азербайджан	138	45-46	57
82	Танзания	60-61	67	145-146
83	Острова Теркс и Кейкос	31	125-126	150-151
84	Белоруссия	104	119-120	74-75
85	Объединенные Эмираты	92-93	190	34
86	Турция	130	145-148	40
87-88	Мадагаскар	33-34	36-37	196
87-88	Сербия и Черногория	169	109-112	18
89	Багамские острова	46	109-112	144
90	Никарагуа	64-65	43-44	170-171
91	Реюньон	142	169	21-22
92	Израиль	148	192-193	2
93	Джибути	56	65-66	164
94	Бирма	44-45	92-93	161-162
95	Кения	81	98-101	128-129
96	Армения	112-113	143-144	63

Продолжение на следующей странице

Таблица 5 (продолжение). Интегральный рейтинг стран мира по экологической безопасности национальных экономик

Рейтинг	Страна	Место в рейтинге сохранения природной среды	Место в рейтинге современных воздействий на среду	Место в рейтинге фундаментальной эффективности экономики
97	Свазиленд	57-58	94-97	156-157
98	Мали	78	22-24	189
99	Ирландия	98-99	187	47
100	Фолклендские острова	42	16	209
101	Франция	163	185	7
102-103	Фиджи	89	49-51	158-159
102-103	Кот-д'Ивуар	121	62-64	104-106
104	Болгария	124	156	56
105	Латвия	77	160	104-106
106	Мавритания	48-49	22-24	207
107	Литва	119-120	161-162	60
108	Исландия	29	163	175-176
109	Западное Самоа	108-109	30	167
110	Гватемала	125-128	116	90-91
111-112	Намибия	36-37	55	203
111-112	Чехия	166-167	179	13
113	Албания	140	106-107	76
114	Великобритания	157-158	189	10
115	Каймановы острова	115-116	157-158	87
116	Таджикистан	79	90-91	166
117	Италия	165	181	14
118-119	Эстония	66-67	151-153	149
118-119	Нигерия	179-180	82-83	41
120	Сомали	47	39-40	206
121	Судан	87-88	49-51	184-185
122-123	Эфиопия	90-91	90-91	154
122-123	Антигуа и Барбуда	131	109-112	97-98
124-126	Киргизия	76	78-79	182
124-126	Пуэрто-Рико	132	197	30
124-126	Ирак	139	85-87	95
127	Монтсеррат	133	7-8	188
128-130	Сейшельские острова	118	119-120	112-113
128-130	Сент-Китс и Невис	123	113-115	107-110
128-130	Испания	161-162	177-178	28
131	Непал	105	72-76	161-162
132	Доминика	143	47	122-123
133	Западная Сахара	55	94-97	195
134	Малые Антилы	102-103	143-144	126
135	Уругвай	62-62	123-124	186

Продолжение на следующей странице

Таблица 5 (продолжение). Интегральный рейтинг стран мира по экологической безопасности национальных экономик

Рейтинг	Страна	Место в рейтинге сохранения природной среды	Место в рейтинге современных воздействий на среду	Место в рейтинге фундаментальной эффективности экономики
136	Польша	157-158	173-174	35
137	Египет	150	122	71-72
138	Сан-Люсия	136-137	117-118	96
139	Виргинские острова	125-128	176	73
140-141	Узбекистан	90-91	137-138	156-157
140-141	Румыния	172	154-155	43
142	Гвинея	96	35	198-199
143	Зимбабве	60-61	69-70	204
144	Нигер	85	31-32	205
145-146	Северная Корея	100-101	175	115
145-146	Ливан	166-167	170	37
147-148	Аруба	146-147	98-101	101-102
147-148	Германия	176	199	8
149	Британские Виргинские острова	135	105	130-131
150	Бенин	136-137	98-101	133
151	Лесото	97	85-87	193
152	Микронезия	146-147	42	153
153	Тувалу	168	7-8	175-176
154	Лихтенштейн	141	205	29
155-157	Кабо-Верде	129	72-76	178-179
155-157	Люксембург	151	206	12
155-157	Бахрейн	182	194	19
158	Тунис	181	98-101	77
159	Таиланд	173	104	83-85
160	Доминиканская Республика	174-175	132-135	64-65
161	Вьетнам	153-154	56-58	140
162-163	Буркина-Фасо	125-128	82-83	180
162-163	Сан-Винсент	144-145	121	132
164	Венгрия	188	141-142	44
165	Марокко	149	125-126	114
166	Сьерра-Леоне	125-128	59	190
167	Ямайка	179-180	139	68-70
168	Афганистан	107	77	200
169-170	Сирия	161-162	151-153	92
169-170	Филиппины	171	84	104-106
171	Сенегал	114	130-131	183
172	Украина	186	145-148	54

Продолжение на следующей странице

Таблица 5 (продолжение). Интегральный рейтинг стран мира по экологической безопасности национальных экономик

Рейтинг	Страна	Место в рейтинге сохранения природной среды	Место в рейтинге современных воздействий на среду	Место в рейтинге фундаментальной эффективности экономики
173	Гана	159-160	106-107	124-125
174	Бельгия	170	203	27
175	Куба	177	117-118	107-110
176	Мартиника	152	182	80
177	Шри-Ланка	156	157-158	120
178	Науру	155	161-162	116
179	Того	185	72-76	142
180	Сан-Марино	191	209	4
181	Гвинея-Бисау	119-120	102-103	208
182	Тонго	174-175	56-58	184-185
183	Пакистан	164	167	141
184	Нидерланды	189	204	33
185	Малави	153-154	127-128	187
186	Уганда	190	78-79	147
187	Гренада	184	151-153	138-139
188	Гуам	178	198	68-70
189	Барбадос	192	172	78
190	Сальвадор	200	145-148	64-65
191	Гамбия	159-160	130-131	194
192	Коморы	197	38	173-174
193	Бурунди	183	94-97	191
194	Молдова	195	149-150	117-118
195	Маврикий	206	149-150	66
196	Индия	194	165-166	111
197-198	Гаити	198	88-89	155
197-198	Маршалловы острова	208	31-32	127
199	Сан-Томе и Принсипи	201	41	173-174
200	Дания	193	196	83-85
201	Мальта	203	191	58
202	Мальдивы	187	183-184	163
203	Руанда	204	132-135	135-137
204-205	Сингапур	199	207	45
204-205	Бангладеш	207	108	143
206	Гибралтар	202	192-193	97-98
207	Кирибати	196	140	201
208	Бермуды	205	202	99
209	Монако	209	208	90-91

ЛИТЕРАТУРА

- Антропогенное загрязнение Мирового океана и его охрана [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/vladimir_maksakovskiy/geograficheskaya_kartina_mira_posobie_dl_ru/read_online.html?page=10, свободный.
- Антропогенная экология океана [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_18079?FILTER_ID=23@5#1, свободный.
- Артюхов В. В. Общая теория систем: самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Артюхов В. В., Мартынов А. С. Практические приложения к оценке устойчивости экосистем // Атлас биологического разнообразия лесов Европейской России и сопредельных территорий. М.: ПАИМС, 1996. С. 110–115.
- Артюхов В. В. Теоретические основы оценки разнообразия // Атлас биологического разнообразия лесов Европейской России и сопредельных территорий. М., 1996. С. 106–110.
- Использование пресной воды. Бытовое потребление [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://statinfo.biz/Data.aspx?act=6466&lang=1>, свободный.
- Международная ассоциация производителей удобрений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fertilizer.org/ifa/Homepage/statistics>, свободный.
- Международное энергетическое агентство. Энергетическая статистика и балансы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iea.org/stats/index.asp>, свободный.
- Нормы и рационы кормления сельскохозяйственных животных, сертификат соответствия № РОСС RU.МЕ20.Н00197 от 22.01.99 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://agrozoо.ru/base_gvc/normi/index.html, свободный.
- Общая база данных по воде [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://statinfo.biz/Geomар.aspx?region=154&act=126&lang=1>, свободный.
- Распределение энергии с учетом животных и человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00161343.htm>, свободный.
- Рейтинги устойчивого развития регионов Российской Федерации / Артюхов В. В., Забелин С. И., Лебедева Е. В. и др.. М.: Интерфакс, 2011.
- Российская сельская информационная сеть [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fadr.msu.ru/rin/vestnic/vestnic3_01/3-7-01.htm, свободный.
- Статистический ежегодник ФАО за 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fao.org/docrep/014/am079m/am079m00.htm>, свободный.
- Урманцев Ю. А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система, симметрия, гармония. М.: Мысль, 1988.
- Урманцев Ю. А. Эволюционика, или общая теория развития систем природы, общества и мышления. Изд. 2-е перераб. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Энергетика агроэкосистем [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krutoto.ucoz.ru/news/ehnergopotreblenie_funkcionirovanie_i_bioproduktivnost_agroehkosistem/2010-02-07-160, свободный.
- Энергопотребление, функционирование и биопродуктивность агроэкосистем [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecology-portal.ru/publ/12-1-0-806>, свободный.
- Aquastat [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fao.org/nr/water/aquastat/dbase/AquastatWorldDataEng_20101129.pdf, свободный.
- AQUASTAT main country database [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fao.org/nr/water/aquastat/dbase/index.stm>, свободный.
- Bouwman Lex, Harrison John. The Challenge of Coastal Nutrient Over-Enrichment. Global programme of action for the protection of the marine environment from land-based activities. GPA Outreach Oceans and Coasts [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.urbandrum.co.uk/stakeholder/fileadmin/files/GPA_Outreach/GPA_Jan_09_FINAL.pdf, свободный.

BP Statistical Review of World Energy, June 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2011/STAGING/local_assets/pdf/statistical_review_of_world_energy_full_report_2011.pdf, свободный.

Davy Research [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.davy.ie/>, свободный.

Energy Information Administration (EIA) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eia.gov/>, свободный.

FAO Statistical Book 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fao.org/docrep/008/y5473m/y5473m00.htm>, свободный.

FAO Statistical Book 2005–2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fao.org/docrep/009/a0490m/a0490m00.htm>, свободный.

FAO Statistical Yearbook 2007–2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fao.org/economic/ess/ess-publications/ess-yearbook/fao-statistical-yearbook-2007-2008/en/>, свободный.

FAO Statistical Yearbook 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fao.org/economic/ess/ess-publications/ess-yearbook/ess-yearbook2010/yearbook2010-reources/en/>, свободный.

FAO Statistical Yearbook, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/esa/population/unpop.htm>, свободный.

FAO Statistics on International Trade [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fao.org/economic/ess/ess-publications/ess-yearbook/ess-yearbook2010/yearbook2010-trade/en/>, свободный.

FAO's global information system on water and agriculture [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fao.org/nr/water/aquastat/data/query/index.html?lang=en>, свободный.

FAOstat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://faostat.fao.org/>, свободный.

Global Irrigated Area Map (GIAM) for the year 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://translate.google.ru/translate?hl=ru&langpair=en%7Cru&u=http://www.iwmigiam.org/info/main/Announcement.asp>, свободный.

Global Land Cover Characteristics Database ver 2.0 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://edc2.usgs.gov/glcc/globdoc2_0.php, свободный.

Global Land Cover Facility [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.landcover.org>, свободный.

Global-scale modeling of future changes in sown areas of major crops / Wu Wenbin, Shibasaki Ryosuke, Yang Peng et al. // *Ecological Modeling*. 2007. Vol. 208, is. 2–4 (10 November). Pp. 378–390. Available at: <http://linkinghub.elsevier.com/retrieve/pii/S0304380007003171>.

IFDC [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ifdc.org/Media_Info, свободный.

Information Center of Ministry of Land and Resources, Swedish Raw Materials Group [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rmg.se>, свободный.

MODIS Normalized Difference Vegetation Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://glcf.umd.edu/data/ndvi/>, свободный.

NASA Goddard DAAC [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rsd.gsfc.nasa.gov/>, свободный.

Ocean Color Web. NASA [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://seadas.gsfc.nasa.gov/cgi/level3.pl>, свободный.

Statistics and information on the worldwide supply of, demand for, and flow of minerals and materials essential to the U. S. economy, the national security, and protection of the environment [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minerals.usgs.gov/minerals>, свободный.

Travel and Tourism Research. The Authority on World Travel & Tourism [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wttc.org/eng/Tourism_Research, свободный.

U. S. Department of Commerce, Federal Reserve Board, Autodata Corp., and U. S. Department of Transportation [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/commodity/bauxite>, свободный.

United Nations Environment Programme (UNEP) GEO Data Portal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geodata.grid.unep.ch/>, свободный.

United Nations Statistics Division. US Geological Survey. Eurostat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/mcs/2011/mcs2011.pdf>, свободный.

Van Oss Hendrik G. Cement. U. S. Department of the Interior, U. S. Geological Survey 2009, Minerals Yearbook [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/commodity/cement/myb1-2009-cemen.pdf>, свободный.

What price of living nature? A guide for children and ministers / Martynov A., Domanova N., Luri D. et al. Moscow, 2000.

World Bank database for development data [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://databank.worldbank.org/ddp/home.do>, свободный.

World Economic and Financial Surveys. World Economic Outlook Database. WRI world resource Institute [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wri.org>, свободный.

World Economic and Financial Surveys. World Economic Outlook Database. International Monetary Fund [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/01/weodata/index.aspx>, свободный.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВО ВРЕМЕНА КРИЗИСА¹

Флоранс Бонне, Международная организация труда, Швейцария
 Эллен Эмке, Университет г. Касселя, Германия
 Кржиштоф Хагемайер, Международная организация труда, Швейцария

Чтобы противостоять негативным последствиям текущего кризиса, государства должны предпринять меры по поддержке доходов и созданию новых возможностей занятости для пострадавших работников и их семей. Данная статья рассматривает антикризисные действия, предпринятые в ряде стран в отношении программ по содействию занятости населения, той части социального обеспечения, которая напрямую пострадала от экономического спада. Также обсуждается проблема выбора, с которой сталкиваются все системы социального обеспечения во времена рецессии, когда поступления от взносов и налогов на оплату программ снижаются, а расходы на социальные пособия повышаются. В свою очередь, особого внимания заслуживает пенсионная политика. В завершении статьи обсуждается инициатива ООН о создании глобального «базового уровня социальной защиты», суть которой состоит в том, чтобы распространить, как минимум, базовую социальную защиту на большинство мирового населения, которое в настоящее время не имеет ее и остается уязвимым для всех экономических и социальных рисков.

ВВЕДЕНИЕ

В контексте текущего глобального экономического и финансового кризиса главную обеспокоенность должна вызывать потеря возможности заработка миллионами рабочих в формальном и неформальном секторе экономики. Согласно оценкам Международной организации труда (МОТ), только в 2008 г. 8,4 млн человек были вытеснены в состояние безработицы, в 2009 г. число безработных может возрасти до 50 млн (МОТ, 2009а). Кроме того, число тех, кто работает и живет в бедности, с доходом менее 1,25 дол. США в день, может превысить 850 млн в 2009 г., а численность уязвимого населения, живущего на 2 дол. в день, может достигнуть 43% мировой рабочей силы, или 1,4 млрд человек. Эта масштабная потеря возможностей для заработка увеличивает существующий уровень неполной занятости и бедности и уже повлияла на рост доли недоедающего населения. По расчетам Организации ООН по продовольствию и сельскому хозяйству (ФАО), в 2009 г. более одного миллиарда человек — самая крупная цифра с момен-

¹ Перевод статьи Bonnet Florence, Ehmke Ellen, Hagemeyer Krzysztof. Social security in times of Crisis. International Social Security Review. 2010. Vol. 63. № 2. Печатается с любезного разрешения основного автора. Научный редактор перевода — Сиянская О.В., к.э.н., заместитель директора НИСП.

та начала сбора данных в 1970 г. — страдают от хронического недоедания по всему миру [FAO, 2009].

Для того чтобы избежать усугубления негативных последствий кризиса, страны должны быть готовы предпринять меры по оказанию помощи пострадавшим работникам и их семьям: в краткосрочной перспективе необходимо обеспечить поддержку доходов, в долгосрочной — создать новые возможности для занятости.

Данная статья организована следующим образом. Вначале в ней рассматриваются антикризисные меры, предпринятые рядом стран в отношении поддержки безработных. Затем обсуждается проблема выбора, которая стоит перед всеми системами социального обеспечения во времена экономического кризиса, когда поступления от взносов и налогов на финансирование социальных программ снижаются, а расходы на социальные выплаты растут из-за увеличения числа их получателей. Особое внимание уделяется пенсионной политике. Текущий кризис сформировал финансовые ограничения, которые ведут к сокращению или ограничению размера пособий, особенно в рамках накопительных систем с установленными взносами, а также к отрицательной доходности инвестирования пенсионных накоплений, подрывая уровень пенсий тех, кто получает их в настоящем, начнёт получать в ближайшее время и в будущем. Наибольшая проблема, требующая решения, заключается в том, что подавляющее большинство населения мира не имеет даже базовых социальных гарантий, что делает его уязвимым для любых экономических и социальных рисков, включая опасности текущего кризиса. Для скорейшего разрешения этой недопустимой ситуации ООН запустила инициативу по созданию глобального «базового уровня социальной защиты» (social protection floor)² под руководством Международной организации труда (МОТ) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВО ВРЕМЕНА КРИЗИСА: УРОКИ ПРОШЛОГО

Особенностью экономических кризисов недавнего прошлого, например, в Азии и Латинской Америке, является то, что когда они происходили в странах со слабыми системами социального обеспечения, уровни безработицы и бедности стремительно повышались. В отсутствие социальных программ оказалось крайне трудно, если не невозможно, ввести новые программы или специальные меры, которые бы позволили достаточно быстро смягчить влияние кризиса. Когда потеряны возможности для заработка и нет альтернативных источников дохода, ресурсы населения на питание, образование и здоровье резко сокращаются, что особенно тяжело для бедных людей, у которых, в большинстве случаев, ограничен выбор доступных стратегий

² Базовый (минимальный) уровень социальной защиты — это продвигаемая различными организациями ООН концепция универсального (всеобщего) первого уровня национальной системы социальной защиты, объединяющего набор базовых социальных прав, включая доступ к основным социальным услугам (здравоохранение, образование, жилье и коммунальные услуги, вода и пр.) и социальным трансфертам в денежной или натуральной формах. Подробнее см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Social_protection_floor — Примеч. науч. ред.

выживания [Barrientos и Hulme, 2008]. Соответственно, прошлые кризисы привели к увеличению числа подростков из бедных слоев, бросивших школу. В долгосрочной перспективе, когда детей забирают из школы и в некоторых случаях посылают работать, когда экономят на жизненно необходимых расходах на здравоохранение, это может привести к задержке развития и снижению умственных способностей и способности к обучению [World Bank, 2009]. Перспективы индивидуального и коллективного будущего могут необратимо деградировать под влиянием экономического кризиса. На социетальном уровне сложности, с которыми сталкиваются бедные слои населения, когда пытаются пережить внешние потрясения в условиях ограниченных ресурсов, приводят к снижению спроса на товары и услуги. Для развивающихся стран, где бедные люди составляют значительную часть населения, отсутствие социальных программ, позволяющих возмещать утраченный доход, означает сильное снижение совокупного спроса [Justino, 2007].

Свидетельства о более успешном противостоянии кризису поступают из тех стран, которые ввели программы поддержки безработных до начала прошлых кризисов, например в Республике Корея (далее в тексте — Южная Корея). Там получилось относительно легко усилить существующие схемы и реализовать адекватный и своевременный ответ на кризис [Kang et al., 2001]. Пример Южной Кореи, а также Аргентины, показывает, что инвестиции в социальное обеспечение, сделанные вовремя, дают возможность государствам более эффективно защитить своё население от воздействия кризиса [Prasad и Gerecke, 2009a]. Ряд других стран (в частности Чили и Мексика) воспользовались уроками предыдущих кризисов, которые породили массовые негативные социальные последствия, взяв их за отправную точку для введения новых программ, обеспечивающих поддержку безработным и социальную помощь бедным [Freije-Rodríguez и Murrugarra, 2009]. Сегодня эти страны лучше подготовлены, чтобы справиться с последствиями нынешнего кризиса. Другие примеры мы находим в странах «глобального Севера»³, где комплексные системы социального обеспечения эффективно смягчают негативное влияние экономических спадов до такой степени, что воспоминания о голоде и нищете практически стираются из общественной памяти.

ЗАЩИТА БЕЗРАБОТНЫХ: ОТКРЫТИЕ ПУТЕЙ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Опыт прошлых кризисов однозначно требует введения поддержки доходов в качестве антикризисной меры. Такой ответ на кризис способствует тому,

³ Социальноэкономическая и политическая концепция, противопоставляющая богатые развитые страны («Север») и беднейшие развивающиеся страны («Юг»). Концепция получила широкое распространение после распада социалистического блока («второго мира») и, соответственно, устаревания концепции трех миров — «первого мира» развитых капиталистических стран, «второго мира» социалистических стран и «третьего мира» развивающихся стран. Вместе с тем в настоящее время употребление терминов «глобальный Север» и «глобальный Юг» также становится все более редким, по мере экономического прогресса в ряде развивающихся стран. Подробнее см.: http://en.wikipedia.org/wiki/North%E2%80%93South_divide и http://ru.wikipedia.org/wiki/%CE%EF%EF%EE%E7%E8%F6%E8%FF_%F1%E5%E2%E5%F0%E0_%E8_%FE%E3%E0 — Примеч. науч. ред.

что потерявшие работу люди не становятся бедными. Кроме того, социальные выплаты нетрудоспособным могут иметь более широкие экономические последствия благодаря тому, что стабилизируют совокупный спрос. Хорошо сконструированные программы пособий по безработице в сочетании с другими инструментами политики занятости могут предотвратить не только бедность, но также и длительную безработицу и содействовать уменьшению экономической рецессии, таким образом открывая путь для восстановления. Необходимо выделить три основные категории социальных программ:

- страховые пособия по безработице: обычно такие пособия выплачиваются за счет основанных на взносах программ социального страхования наемных работников (и в редких случаях, индивидуальных предпринимателей/самозанятых). Такие программы предлагают обычно ограниченные по времени денежные выплаты, замещающие заработную плату, размер которых рассчитывается пропорционально последнему заработку получателя;
- социальные пособия безработным и общие выплаты в рамках социальной помощи: обычно такие пособия не рассчитываются на основе прошлых заработков, но являются фиксированными денежными трансфертами, финансируемыми за счет общих налогов, и выплачиваются безработным, у которых истек срок выплаты страховых пособий по безработице, или безработным, никогда не имевшим права на страховые выплаты;
- другие инструменты политики занятости, включающие в себя программы общественных работ, обеспечивающие поддержку доходов в зависимости от участия в программах занятости или профессиональной подготовки.

Там, где они существуют, программы страхования по безработице являются теми инструментами социального обеспечения, которые покрывают основную часть расходов по поддержке доходов наемных работников, потерявших работу. Устройство любой программы страхования по безработице предполагает, что фактический охват⁴ автоматически увеличивается по мере того, как всё больше работников, обладающих правом на пособия, теряет занятость, и это позволяет ей выступать в качестве автоматического

⁴ Необходимо различать понятия «нормативного» и «фактического» охвата (программой). Оценки нормативного охвата относятся к доле экономически активного населения, которое по закону защищено на случай безработицы (те люди, которым гарантировано пособие по безработице, но которые в текущий момент могут и не являться получателями этого пособия). Человек или группа лиц считаются участниками программы с точки зрения закона (нормативный охват), если имеются законодательные положения, конкретно указывающие, что такая группа лиц должна подлежать социальному страхованию в определенных случаях (здесь по безработице) или имеет право на конкретные пособия в определенных обстоятельствах (т.е. на социальные пособия по безработице или социальную помощь в случае, когда доход лица оказывается ниже определенного минимального порога). При оценке нормативного охвата используется как информация о группах лиц, законодательно перечисленных в программах по безработице (национальное законодательство), так и доступная статистическая информация о численности соответствующих групп на национальном уровне. Уровень нормативного охвата программой — это соотношение между оценкой численности лиц, по законодательству охваченных программой, и экономически активным населением. Фактический охват измеряется на основе сравнения числа безработных, получающих пособие, с общим уровнем безработицы (измеренным на основе обследований занятости). Показатель фактического охвата обычно отличается в меньшую сторону от показателя нормативного охвата.

Рисунок 1. Доля безработных, получающих пособие в рамках установленных законом программ по безработице, финансируемых за счет страховых взносов или налогов (действующее обеспечение)

Получатели пособий по безработице (процент от общего числа безработных):

□	– нет данных	(20)
▣	– менее одной трети безработных	(35)
▤	– от одной до двух третей безработных	(17)
▥	– более двух третей безработных	(12)
■	– нет социального обеспечения по безработице	(113)

Источник: Отдел социального обеспечения МОТ.

стабилизатора. Однако программы страхования по безработице действуют лишь в 78 из 184 стран, о которых у нас есть информация (42%). Социальная помощь, общественные работы и аналогичные программы также имеют ограниченное распространение в мире. Даже там, где такие программы существуют, реальный охват ими сильно ограничен. Следовательно, на глобальном уровне существует огромный разрыв в обеспечении безработных или неполностью занятых людей трудоспособного возраста, нуждающихся в поддержке доходов. Это описывается в *рисунке 1* и детализировано в *таблице 1*.

Как видно из *рисунка 1* и *таблицы 1*, разрыв в обеспечении максимален в странах с низким уровнем доходов, но он также остается значительным в странах со средним и высоким уровнем доходов. Здесь возникает проблема: чтобы ответ на кризис был эффективным, он должен быть доступным незамедлительно и, следовательно, должен опираться на уже существующие административные структуры, т.е. действующие институты социального обеспечения, которые благодаря своему устройству либо реагируют автоматически на изменение экономических условий, либо могут быть откорректированы (т.е. расширены) в соответствии с требованиями кризиса. По причине того что такие институты доступны не повсеместно, варианты для поиска политического ответа ограничены. Это предположение было подтверждено нашими эмпирическими исследованиями антикризисной политики и обеспечения поддержки доходов безработных в 46 странах, где распространение антикризисных мер отражает ранее институализированные и существующие программы защиты безработных (*табл. 2*).

Таблица 1. Нормативный и фактический охват программами по безработице

	Страны				Всего
	с низкими доходами	с доходами ниже среднего	с доходами выше среднего	с высокими доходами	
Нормативный охват					
Существует законодательная программа поддержки безработных (абсолютное число стран, в скобках указан процент стран в группе)	5 (8)	17 (35)	20 (54)	36 (80)	78 (44)
Нормативный охват социальными программами по безработице (процент экономически активного населения внутри группы стран). Программы, основанные на взносах и финансируемые за счет налогов	2,9	18,1	38,4	69,2	30,6
Нормативный охват социальными программами по безработице (процент экономически активного населения внутри группы стран). Программы, основанные на обязательных страховых взносах	2,9	15,4	30,3	58,9	25,7
Фактический охват					
Безработные, получающие пособие по безработице – всего (процент от общего количества безработных в группе стран – по данным ОРС*)	1,3	3,6	10,4	38,8	12,9
Безработные, получающие пособие по безработице – за счет страховых взносов (процент от общего числа всех безработных в группе стран – по данным ОРС)	1,3	3,6	9,8	31,3	10,9
Безработные, получающие пособие по безработице – за счет налогов (процент от общего числа всех безработных в группе стран – по данным ОРС)	0,0	0,0	0,6	7,6	2,0
Процент всех безработных (по данным ОРС) в группе стран, которые не получают пособие по безработице	98,7	96,3	89,1	60,9	86,9

Примечание. *ОРС - это обследование рабочей силы (Labour Force Survey – LFS).

Источник: Отдел социального обеспечения МОТ. Данные основываются на SSA (Social Security Administration) и ISSA (International Social Security Administration) (в разные годы), текстах национального законодательства и данных статистики МОТ (ILO Laborstat), дополненных национальными статистическими данными. Расчеты выполнены Отделом социального обеспечения МОТ.

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ В СТРАНАХ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ДОХОДОВ

Анализ стран с высоким уровнем доходов населения в представленной выборке показывает, что наиболее частым, но не единственным, ответом на кризис являются модификации существующих программ поддержки безработных.

Таблица 2. Глобальное распределение антикризисных мер по защите от безработицы

Страны по уровню доходов (в скобках указано число стран)	Страны с законодательно установленными программами поддержки безработных	Число стран и тип принятых мер				
		увеличение максимального периода выплаты пособия	расширение охвата	увеличение размера пособия	создание/расширение общественных работ	увеличение денежных выплат и социальной помощи
Низкие доходы (5)	·2 ◦2 -1	--	--	--	1	4
Доходы ниже среднего (9)	·5 ◦1 -3	2	1 /*1	--	5	5
Доходы выше среднего (14)	·10 ◦1 -3	4	5	3	5	3
Высокие доходы (18)	·15 ◦0 -2	11	6	4 /*1	2	2 /*1
Всего (46)	·32 ◦4 -9	15	12 /*1	7 /*1	14	14 /*1

Обозначения:

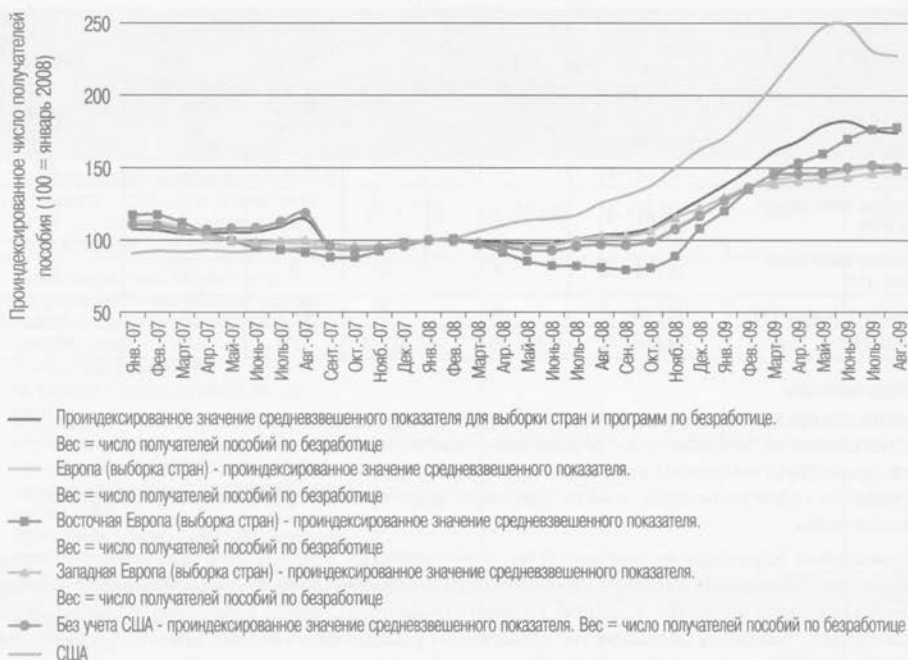
- существует как минимум одна законодательная программа для безработных;
- программа по безработице с ограниченным обеспечением;
- не существует ни одной программы по безработице;
- * указывает на ограничение, а не расширение действующих программ, т.е. на проциклические меры.

Примечание. Единовременные выплаты не учитываются. Расширение программ денежных выплат и социальной помощи - наиболее активно применяемые меры в странах с низким и ниже среднего уровнями доходов. Однако эти данные следует интерпретировать с осторожностью, поскольку большинство измерений проводилось в рамках временных пилотных (финансируемых странами-донорами) программ с очень низким охватом.

Учитывая тот факт, что предыдущие кризисы приводили к высокой структурной безработице в некоторых западноевропейских странах, стратегия правительств (в частности в Германии, Нидерландах и Франции) в текущий кризис направлена на то, чтобы избежать полной безработицы путём расширения использования выплат частично безработным⁵. Компенсация частичной занятости позволяет работникам оставаться на своих рабочих местах, но работать неполное время. Данный подход призван предотвратить потерю навыков и мотивации у работников, которые могут произойти, если человек полностью потеряет работу. Очевидно, ещё слишком рано давать полную оценку любой антикризисной меры. Тем не менее в случаях, подобных Германии, стратегия обеспечения пособий по частичной занятости выглядит

⁵ Выплаты частично безработным (также называются «компенсацией за неполный рабочий день» либо «распределением работы» [в целях снижения нагрузки]) предназначены сотрудникам предприятий, которые в силу особых обстоятельств (экономических, сезонных, циклических) заняты неполное рабочее время. Потеря заработка (из-за сокращения рабочего дня) частично компенсируется (в размере от 50 до 70%) из программ страхования по безработице, государственного бюджета, либо совместно из нескольких источников. В качестве примера рассмотрим Германию. Здесь компенсация неполной занятости построена следующим образом: запрос на выплату компенсаций подается работодателем в государственное агентство занятости населения (Bundesagentur für Arbeit). Работодатель обязан доказать, что его предприятие столкнулось с непреодолимым отсутствием работы, которое влияет как минимум на треть сотрудников, чьи потери составляют не менее 10% от заработной платы в течение как минимум одного месяца. Если запрос одобрен, сотрудники получают от государства компенсацию в размере 60% (67% для лиц, имеющих супругов и детей) от разницы между оплатой труда за полный рабочий день и фактической оплатой неполной занятости. В 2009 г. ожидается, что в среднем 1,3 млн рабочих будут заняты неполный день, а стоимость выплат по данной программе составит 3,5 млрд евро.

Рисунок 2. Средневзвешенный показатель числа получателей пособий по безработице в ряде стран

Источники: ежемесячная информация о количестве получателей пособий по безработице из национальных программ социального страхования, предоставляющих пособия по безработице⁶.

⁶ Учетные страны и программы для безработных: Албания (получатели пособий по безработице); Аргентина (получатели страховых выплат по безработице); Армения (получатели пособий по безработице); Австралия (ищущие работу, получающие пособия «новый старт» и молодежное пособие); Азербайджан (получатели пособий по безработице); Белоруссия (получатели пособий по безработице); Бельгия (получатели пособий для безработных); Бразилия (данные Министерства труда); Болгария (получатели пособий по безработице); Канада (бенефициары страхования занятости, получающие регулярные пособия); Чили (управление по выплате пенсий, страхование по безработице); Хорватия (получатели пособий по безработице); Чешская Республика (получатели пособий по безработице); Дания (безработные получатели социальной помощи и безработные получатели пособий по безработице); Эстония (получатели страховых выплат по безработице и получатели социальных пособий для безработных); Финляндия (получатели базового пособия для безработных); Франция (получатели пособий по безработице от фонда занятости АССЕДИК); Германия (получатели страховых выплат по безработице); Венгрия (получатели содержания для ищущих работу и получатели помощи для ищущих работу); Израиль (требование на выплату пособия по безработице); Япония (страхование по безработице: базовое содержание, фактическое число получателей); Казахстан (получатели пособий по безработице); Латвия (получатели пособий по безработице); Литва (получатели пособий по безработице); Люксембург (получатели пособий по безработице); Македония (получатели пособий по безработице); Молдавия (получатели пособий по безработице); Черногория (получатели пособий по безработице); Нидерланды (получатели пособий по безработице); Новая Зеландия (получатели пособий по безработице); Российская Федерация (получатели пособий по безработице); Сербия (получатели пособий по безработице); Словения (получатели пособий по безработице); Словакия (получатели пособий по безработице); Республика Корея (получатели страховых выплат по безработице); Испания (получатели пособий по безработице в рамках программ, основанных на страховых взносах, и программ без взносов); Швеция (получатели пособий по безработице); Турция (получатели пособий по безработице); Великобритания (число подавших заявление на выплаты ищущим работу); Украина (получатели пособий по безработице); Уругвай (получатели пособий по безработице); США (продленные заявки).

успешной⁷. В Германии количество работников, переведенных на неполный рабочий день, буквально взлетело (с марта 2008 г. по март 2009 г. количество получателей пособий увеличилось восьмикратно и составило более чем 1,1 млн человек), но ежемесячный показатель численности новых безработных остался сравнительно стабильным. В других странах с высокими доходами населения, таких как США, уровень безработицы стремительно вырос, и антикризисные меры включали продление права на получение пособия по безработице и увеличение размеров пособий (рис. 2).

Программы пособий по безработице (предоставляющие выплаты частично или полностью безработным) являются наиболее эффективными, когда сочетаются и связаны с другими инструментами политики занятости, например, переподготовкой, направленными на увеличение возможностей трудоустройства работников. Кризис приведет к структурным изменениям в экономике многих стран, и меры, улучшающие возможности будущего трудоустройства сокращенных или частично занятых рабочих, представляются жизненно необходимыми. Профессиональная подготовка и аналогичные меры уже стали частью стимулирующего пакета во многих странах. В большинстве европейских стран они зачастую шли в сочетании с пособиями для частично занятых работников. В других местах, например, в Корее, безработные, которые прошли дополнительное обучение, имели право на повышенные пособия. Корея также приняла решение инвестировать в инструменты, способствующие увеличению доступности информации об ищущих работу и их квалификации и повышению уровня доступа ищущих работу к вакансиям, что должно уменьшить риск долгосрочной безработицы. Другой решающий, но часто упускаемый из виду, элемент программ по защите пострадавших от безработицы — это обеспечение постоянного доступа к другим социальным услугам и выплатам (таким как здравоохранение, пенсии, пособия для беременных и для семей с детьми), особенно если охват этими программами и услугами основан на занятости.

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ В СТРАНАХ СО СРЕДНИМ УРОВНЕМ ДОХОДОВ

Пособия для частично безработных также увеличиваются либо вводятся впервые, как в Польше⁸, в систему уже существующих пособий по безра-

⁷ Также см.: *Pisani-Ferry, J.* 2009. The good and the bad flexibility, in *Le Monde*, 29 June. URL: http://www.bruegel.org/uploads/tx_btbbreugel/JPF_Le_Monde_Flexibility_Pisani_EN.pdf (загружено 23.11.2009 г.)

⁸ В Польше до сегодняшнего дня не было социального обеспечения частичной занятости. В автономном социальном диалоге объединения рабочих и работодателей, представленные в Трехсторонней комиссии по социальным и экономическим вопросам, пришли к соглашению в марте 2009 г. относительно желаемого пакета антикризисных мер и передали соответствующие положения в правительство. Среди них были предложения, направленные на открытие возможности для получения статуса технических и частично безработных и о праве на получение пособий. В результате в июле 2009 г. парламент принял закон, который разрешает на следующие два года коллективно одобренное сокращение рабочего времени и пропорциональное сокращение заработной платы без необходимости изменять индивидуальные трудовые договоры, а также вводит компенсацию, финансируемую из Фонда гарантированных выплат работникам, для работающих сокращенное время и получающих сниженную зарплату (в размере 70% пособия по безработице) и для технических безработных (в размере 100% пособия по безработице). Новый закон также вводит норму по поддержке переподготовки работников, которые пострадали от сокращения рабочего времени или технической безработицы, путём финансирования (из Фонда труда, пособия по безработице) до 90% стоимости обучения (остаток суммы должны оплачивать работодатели из собственных фондов) и путём введения стипендий, равных 100% пособия по безработице, выплачиваемых работникам.

ботице в ряде стран со средним уровнем доходов населения. В большинстве европейских стран по средним уровням доходов программы защиты безработных потенциально охватывают большинство категорий занятых. Во многих азиатских и латиноамериканских странах со средним уровнем дохода, где доли самозанятых и неформально занятых в общем числе занятых высоки, существующие программы по безработице недоступны для многих групп, пострадавших от кризиса и нуждающихся в поддержке доходов. Когда рынок формально занятых мал, расширение охвата существующими программами решает только часть проблемы, и возникает необходимость в дополнительных специальных мерах как для формально, так и неформально занятых⁹.

Например, в Бразилии антикризисные меры были адресованы работникам формального сектора в тех отраслях экономики, которые больше всего пострадали от кризиса. В данном случае право на получение пособия по безработице было продлено на два месяца. В Бразилии только 7% безработных получают пособия согласно существующим программам поддержки. Тем не менее расширение права на получение страховых выплат по безработице затронет 103 тыс. человек, т. е. 20% получателей по данной программе. Те, у кого нет возможностей зарабатывать формально, будут обеспечены за счет расширенного доступа к программе содержания бедных семей Bolsa Familia [ILO, 2009b]. Правительство страны намерено расширить охват этой программой, прибавив к имевшимся в 2008 г. 11,1 млн получателей пособий ещё 1,3 млн в 2009 г., и повысить индивидуальный минимальный доход, дающий право на получение пособия, со 120 до 137 бразильских реалов.

Наиболее распространенный ответ на безработицу в странах со средним уровнем доходов — это расширение существующих программ общественных работ или создание новых. Программы общественных работ часто носят ситуативный характер: они могут быть применены быстрее, чем программы социального обеспечения, и отменены по окончании кризиса. Такие меры часто хвалят за то, что они саморегулирующиеся, поскольку малый размер предлагаемой компенсации привлекает лишь наиболее нуждающихся. Для антикризисной политики важна предельная адресность, поэтому в условиях, когда компетентность и инфраструктура для реализации социального обеспечения недостаточны, проще реализовать программы общественных работ. Несмотря на эти аспекты, опыт прошлого рекомендует быть осторожными в отношении программ общественных работ. Их специальный характер зачастую препятствует обеспечению стабильной и надежной помощи в форме адекватных заработков нуждающимся. Особенности организации программ общественных работ часто исключают, хотя и не напрямую, более незащищенные группы, например, женщин.

Тем не менее некоторые программы общественных работ, такие как Закон о национальных гарантиях занятости в сельской местности (NREGA), принятый в Индии, показали себя эффективными инструментами, обеспечивающими доход лицам, которые в противном случае остаются без работы

⁹ Однако даже нормативный охват ограничен работниками формального сектора и фактически касается лишь части безработных, программы защиты от безработицы являются ключевым элементом системы социального обеспечения, предоставляя возмещение заработка, а также административный и технический ресурс, который может быть использован для расширения охвата программ.

или на частичной занятости. В качестве ответа на кризис сегодня Индия обсуждает расширение действия этого закона на городские районы [Kannan, 2009]. Другой интересный пример мы находим на Филиппинах, где государственные учреждения были призваны мобилизовать доступные ресурсы на уровне как минимум 1,5% их бюджетов и направить их на срочное создание рабочих мест согласно Программе чрезвычайной занятости в целях сохранения средств к существованию в интересах бедных слоев населения (CLEEP). К маю 2009 г. было создано около 100 тыс. рабочих мест, целью программы являлось создание ещё 700 тыс. мест к концу 2009 г.

НЕДОСТАТОЧНЫЙ ОХВАТ В СТРАНАХ С НИЗКИМ УРОВНЕМ ДОХОДОВ

Наименьшая доступность антикризисных мер характерна для стран с низким уровнем доходов населения. Несмотря на национальные различия, эта группа стран столкнулась с тройным ограничением при ответе на кризис. Это проблемы, связанные со снижением объема глобального спроса, денежных переводов, прямых иностранных инвестиций и торговли; ограниченный доступ к иностранному капиталу; небольшой объем существующих программ социального обеспечения, которые покрывают лишь занятое в формальном секторе меньшинство, в купе с отсутствием программ по поддержке доходов безработных (табл. 1).

Кроме того, значительно раньше текущего глобального экономического кризиса многие из этих стран, особенно в Африке к Югу от Сахары, уже столкнулись с хронической бедностью и массовой безработицей. Ситуация была усугублена продовольственным кризисом 2008 г. В отношении этих стран можно говорить о постоянном кризисе из-за недостатка возможностей для заработка и связанной с этим бедностью. В данном контексте на первый план выходит проблема широко распространенной неполной занятости, а не безработицы как таковой. Открытая безработица обычно относится только к городским территориям и тем, кто (был) занят в формальном секторе экономики. В сельской местности и в неформальном секторе многие работники вынуждены соглашаться на любую занятость (даже за низкую оплату и вне зависимости от условий труда), чтобы выжить.

Параллельно в странах с низким уровнем доходов не существует всеобъемлющих систем социального обеспечения, а социальная помощь, которая могла бы обеспечить поддержку доходов безработному или недостаточно занятому бедному населению трудоспособного возраста, очень ограничена. Как следствие, большинство нуждающихся в этих странах не получают поддержки. В странах, где недавно были институционально введены пособия по безработице, например, во Вьетнаме (в 2006 г.) и в Бангладеше (в 2008 г.), ещё рано рассчитывать на полный отклик.

Однако есть данные, что действующие во многих странах с низкими доходами новые программы защиты безработных и небольшие пилотные программы поддержки доходов, предоставляющие денежные пособия и/или занятость различным целевым группам населения, увеличивают административный потенциал и знания о доступности пособий. С другой стороны, в рамках текущего кризиса эти меры зачастую слишком невелики, чтобы

поддержать более широкие группы населения. Решающим и отсутствующим фактором во многих случаях является стабильное финансирование, которое должно исходить от совместных долгосрочных обязательств со стороны правительств, получающих в случае необходимости временную поддержку от страны-донора¹⁰.

ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА В СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

В период экономического кризиса поступления в систему социального обеспечения за счет взносов и налогов снижаются, в то время как число получателей пособий возрастает. В этой ситуации Соединенные Штаты встали перед выбором: увеличить (что потребует дополнительного финансирования или приведет к образованию дефицита) или сократить расходы на социальное обеспечение.

Большинство стран, попавших в анализ, расширили охват и повысили уровень пособий в существующих схемах либо увеличили общий социальный бюджет. Расходы на пособия по безработице увеличились так же, как и расходы на другие виды пособий. Дополнительные ресурсы были выделены для системы здравоохранения (Египет, Франция, Пакистан, Филиппины и Соединенные Штаты), на пособия для семей с детьми (Германия, Южная Африка и Великобритания) и на пенсии (Австралия, Бангладеш, Чили, Коста-Рика, Кения, Испания и Танзания)¹¹. Естественно, существуют различия в масштабах влияния этих мер. В странах с широким охватом социальными программами ожидаемое положительное воздействие на уровень личных доходов получателей и на динамику совокупного спроса является значительным. В большинстве случаев программы социального обеспечения играют роль автоматических стабилизаторов, действуя как контрциклическая политика. Недавнее исследование также даёт основания предполагать, что увеличение социальных выплат не оказывает никакого негативного влияния на экономический рост ни во время, ни после кризиса [Prasad, Gerecke, 2009b]. В странах, где система социального обеспечения затрагивает лишь работников небольшого формального сектора экономики, позитивное воздействие подобных мер может быть важным с точки зрения эффективной защиты получателей пособий, но с точки зрения совокупного спроса эффект, скорее всего, будет незначительным.

Лишь небольшое число стран (в частности, Венгрия, Ирландия, Латвия и Украина) объявили о сокращении или замораживании социальных расходов и социальных пособий обычно в рамках более широкого плана

¹⁰ См.: IDS. 2009. Low-income country preparedness for social protection responses to the global crisis (Draft paper). Brighton, Institute of Development Studies. URL: <http://www.ids.ac.uk/download.cfm?downloadfile=3FEDE23C-AA8D-C03E-13E5986E8632B46A&typename=dmFile&fieldname=file> name (загружено 23.11.2009 г.).

¹¹ В дополнение к изменениям в размере существующих пособий по социальному обеспечению некоторые правительства установили особые единовременные выплаты, обычно для семей с низкими доходами (в Австралии, Франции, Индонезии, Италии и Великобритании). Такие меры приносят временное облегчение и также могут поддержать совокупный спрос, если размер выплаты значительный, но они не оказывают долгосрочного воздействия на доходы семей (в отличие от расширения охвата пособиями или регулярных индексаций уровня пособия).

по консолидации государственных финансов и уменьшению дефицита. В силу зачастую драматических кризисных ситуаций в этих странах введение ограничений на государственные расходы стало приоритетом. В некоторых государствах этой группы сокращение или замораживание социальных расходов и социальных пособий были приняты в качестве условий для получения крупных займов, чтобы поддержать финансовый сектор и экономику в целом. Ещё слишком рано говорить о полной картине негативного социального воздействия этих сокращений на население и о том, будут ли эти меры иметь какое-то долгосрочное экономическое влияние в части глубины и продолжительности рецессии в этих странах. Однако снижение пособий и ограничение доступа к системе поддержки доходов и другим программам социального обеспечения естественным образом усугубляет влияние кризиса на работающих и их семьи и может иметь экономические последствия, которые негативно скажутся на совокупном спросе и снизят темпы восстановления экономики.

Противоположные ответы на кризис в виде расширения или сокращения расходов на социальное обеспечение выявляют необходимость политического выбора степени приоритетности социальных расходов во времена кризиса. Финансирование увеличенных расходов не приходит автоматически (сверх использования существующих резервов социального обеспечения в тех странах, где имеются подобные резервы на непредвиденные случаи) и должно поступать за счет либо перераспределения имеющихся социальных расходов, либо увеличения социальных страховых взносов и налогов, либо увеличения дефицита государственного бюджета. Очевидно, что увеличение налогов и взносов на социальное страхование во время кризиса является крайне непопулярным. Поэтому, естественно, чаще мы видим обратную ситуацию — введение временных освобождений от уплаты взносов или снижение тарифа взносов. Эти меры вводятся с тем, чтобы снизить расходы работодателей и таким образом стимулировать занятость или повысить нетто-зарботки (низкооплачиваемых) работников (в частности, в Канаде, Китае, Чехии, Германии, Японии и Испании). Хотя это может показаться привлекательным, принятие данных мер требует уверенности, что сокращение объемов поступлений в бюджет будет полностью компенсировано для сохранения гарантий финансирования действующих и будущих пособий, рассчитываемых на основе объема уплаченных взносов.

ЭКСТРЕННЫЕ МЕРЫ VS ДОЛГОСРОЧНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: ПРИМЕР ШВЕЦИИ

Вопрос о том, увеличивать ли расходы на социальную сферу в период кризиса, тесно связан с внутрисистемным конфликтом между важностью долгосрочной финансовой устойчивости и контрциклической ролью социальных (и других государственных) расходов. Это можно проиллюстрировать на примере пенсионной системы в Швеции, основным элементом которой является распределительная система с установленным размером взносов — условно-накопительные счета (Notional Defined Contribution,

NDC)¹². Особенностью этой системы является так называемый «механизм автоматической балансировки». Внутри системы используются особые алгоритмы вычислений, позволяющие оценить долгосрочные активы и обязательства. Если расчетные обязательства превышают активы, то ежегодная индексация как пенсионных прав, так и текущих выплат должна (автоматически) уменьшаться на период, необходимый для восстановления финансового равновесия. Согласно замыслу, такой механизм должен придать всей пенсионной системе финансовую устойчивость. Однако, чтобы достичь этого, он уменьшает текущие и будущие пенсии настолько, насколько это необходимо, чтобы восстановить равновесие¹³.

До 2007 г. «коэффициент баланса» шведской пенсионной системы равнялся единице (т. е. активы превышали обязательства) и не было необходимости использовать механизм автоматической балансировки. Ситуация изменилась из-за экономического кризиса. В 2008 г. расчетный коэффициент баланса составлял меньше единицы (т. е. обязательства превысили активы). Согласно основным положениям механизма автоматической балансировки, размеры пенсий должны снизиться в 2010 г., а темпы индексации пенсий в последующие годы будут ниже. Но такая перспектива вызвала дискуссию о том, стоит ли предпринимать эти шаги в условиях нынешнего кризиса. Обсуждение завершилось решением временно приостановить действие этого механизма. Это позволит уменьшить сокращение пенсий в 2010 г. и растянуть это сокращение на более длительный срок, чтобы избежать слишком сильного воздействия на уровень жизни пенсионеров и совокупный спрос¹⁴.

Пример Швеции хорошо иллюстрирует важную дилемму. С одной стороны, есть желание ввести автоматические бюджетные механизмы, которые помогут обеспечить долгосрочную устойчивость расходов конкретных государственных программ или государственных расходов в целом и вынести их из сферы влияния произвольных политических решений. Мы наблюдаем такие процессы не только в Швеции, но и в недавних пенсионных реформах во многих других странах. Это стремление также очевидно в обширных реформах государственных финансов, требующих постоянной сбалансиро-

¹² В рамках системы условно-накопительных счетов пенсионные взносы, которые уплачивают работник и работодатель, поступают на выплату текущих пенсий нынешним пенсионерам (распределительное финансирование), но при этом делается запись об объеме поступивших средств на индивидуальном счете застрахованного лица (работника). Пенсионные права, формирующиеся в данной системе, включают информацию обо всех уплаченных пенсионных взносах и их индексации согласно установленной в законодательстве процедуре. Иногда эти пенсионные права за сходство с реальным капиталом называют «условным (расчетным) пенсионным капиталом». При выходе на пенсию весь объем «накопленных» прав конвертируется в ежемесячную пенсию с учетом расчетного периода получения пенсии, который определяется на основе данных о продолжительности жизни. Индексация условного пенсионного капитала и размера пенсий производится с учетом демографической и экономической ситуации в стране. — Примеч. науч. ред.

¹³ Механизмы автоматического регулирования, связывающие размер пенсии с финансовым состоянием пенсионной системы, действуют также в различных формах в Нидерландах (профессиональные пенсии), Канаде и Германии. В последней «фактор устойчивости» пенсионной системы должен был обеспечить увеличение размеров выплат в 2008 и 2009 гг. на 0,46% и 1,76% соответственно, но немецкое правительство проигнорировало «автоматический механизм» и повысило пенсии на 1,1% и 2,41% соответственно [OECD, 2009a. С. 7]. Дополнительно была введена «пенсионная гарантия», которая обеспечивает сохранение уровня пенсионных выплат, даже если уровень заработной платы (с которым они взаимосвязаны) снижается.

¹⁴ См.: Scherman, K. G. 2009. Politicians dodge the pension issue, Svenska Dagbladet, 3 June.

рованности бюджета на местном и национальном уровне. Но с другой стороны, во времена кризиса подобные автоматические механизмы и правила могут действовать в качестве «автоматических дестабилизаторов» [Stiglitz, 2009], а не стабилизаторов. Что вполне может наступить, если политики (как в Швеции и Германии) не вмешаются и не внесут корректировки «правил», чтобы достичь желаемых результатов, соответствующих текущим обстоятельствам. Недавний доклад Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), по-видимому, поддерживает подобные дискреционные корректировки и приходит к выводу, что устройство механизмов автоматической балансировки «требует пересмотра», поскольку «они не чувствительны к уменьшению выплат в проциклическом контексте, забирая деньги из экономики, когда она слаба» [OECD, 2009a. С. 8]. Но стоит ли в период кризиса оставлять адекватность уровня выплат на откуп произвольным политическим решениям? Конечно, нет. «Предпочтительным подходом будет дополнение системы поддержания финансового и актуарного равновесия рядом новых правил или принципов, согласно которым размеры пособий не могут упасть ниже принятого уровня. В международной практике уже существуют критерии, которые могут послужить основанием для введения национальных стандартов. Такие национальные стандарты, естественно, должны отражать обстоятельства и задачи каждой отдельной страны. Ключевым условием здесь является социальный диалог всех заинтересованных групп лиц — работников (и их семей), работодателей и правительства, чтобы установить подходящие для всех стандарты, создать и сохранить постоянные структуры, с помощью которых новые стандарты будут контролироваться, оцениваться и корректироваться» [Woodall и Hagemeyer, 2009. С. 6].

ОСОБЫЙ ВОПРОС: ПЕНСИОННЫЕ СИСТЕМЫ

Рассматривая роль социального обеспечения и проблемы выбора в нем в период кризиса, особое внимание необходимо уделить пенсионной политике. Реформы последних десятилетий сделали пенсионные системы значительно более уязвимыми перед лицом экономических и в особенности финансовых кризисов. Влияние текущей рецессии на пенсии не универсально, но зависит от типа пенсионной системы (с установленными взносами или установленными выплатами, распределительное или накопительное финансирование) и от того, являются ли люди пенсионерами, лицами предпенсионного возраста или им еще предстоит зарабатывать и делать взносы в течение длительного периода.

В системах с установленным размером выплат, в которых уровень пенсий определяется без учета резервов, прямое влияние кризиса будет меньше, чем в системах с установленным размером взносов, где по определению гарантии пенсионных выплат менее реальны (табл. 3). Однако длительное сокращение занятости и, следовательно, числа плательщиков взносов вынудит правительства пойти также на сокращение пенсий и в системах с установленным размером выплат.

Вне зависимости от этих соображений в некоторых полностью накопительных системах пенсионные права могут быть целиком потеряны. В странах-участницах ОЭСР частные пенсионные фонды потеряли 23% своей

Таблица 3. Влияние финансового кризиса на различные типы пенсионных систем и разные группы защищенных лиц

Влияние	Молодые/активные работники	Лица предпенсионных возрастов	Пенсионеры
Сильное		Участники «зрелых» частных с установленными взносами систем, особенно: 1) если приобретается больше рискованных активов; 2) если плательщиков обязывают приобретать аннуитет в момент выхода на пенсию	Пенсионеры, которые не перевели свои накопления в аннуитет, в системах с установленными взносами во время выхода на пенсию (особенно те, кто инвестировал преимущественно в более рискованные активы)
Среднее		Участники «зрелых» частных систем с установленными выплатами. Государственные распределительные пенсионные системы с дефицитом	Пенсионеры в системах с автоматическим механизмом коррекции (например, обусловленная индексация, механизмы балансировки или коррекция в целях долгосрочной устойчивости)
Незначительное	Большинство лиц представленной группы	Участники недавно созданных частных пенсионных программ с установленным размером взносов	Пенсионеры, которые до кризиса перевели свои накопления в аннуитет в системах с установленными взносами. Большинство пенсионеров в системах с установленным размером выплат, частных или государственных (распределительных)

Источник: OECD, 2009b.

стоимости в 2008 г. (OECD, 2009a). Если кризис обернется долгосрочным снижением стоимости активов, накопительные системы с установленными взносами будут обеспечивать меньший размер пенсий. Любое длительное сдерживание процентных ставок и стоимости активов приведет к серьезным трудностям в виде нарушения равновесия аннуитетных ставок (цен) и управления аннуитетными резервными фондами. Масштабы последствий в длительной перспективе будут зависеть от глубины и длительности падения стоимости активов. Если сегодняшнее снижение стоимости обернется установлением пониженной стоимости активов в целом, то доходы в старости сократятся, а если спад кратковременный, то эффект будет так же временным.

Хотя эти потери могут быть недолговременными, они, тем не менее, демонстрируют уязвимость пенсий в системах с установленными взносами, особенно для лиц, которые приближаются к пенсионному возрасту и чьи сберегательные портфели могут не успеть восстановиться в оставшийся период активной трудовой жизни. Наиболее подвержены кризису люди, которые выйдут на пенсию в ближайшие месяцы или годы, которые длительное время участвовали в накопительных системах с установленными выплатами. Особенно те, кто инвестировал взносы в фонды, использовавшие рискованные инвестиционные стратегии (множество фондов в США, Великобритании и Австралии). Также серьезно могут пострадать пенсионеры-участники частных пенсионных программ, не конвертировавшие свои пенсионные накопления в аннуитет в момент выхода на пенсию. Причина, по которой 102-я Конвенция МОТ «О минимальных стандартах» требует, чтобы пенсии выплачивались пожизненно (в виде периодических выплат в течение всего срока жизни на пенсии), состоит именно в необходимости обезопасить доходы

пожилых людей от воздействия таких событий, как финансовый и экономический кризис.

В настоящее время в странах ОЭСР частные финансовые источники составляют в среднем одну пятую доходов на пенсии. В пяти странах (Австралии, Канаде, Нидерландах, Великобритании и США) на их долю приходится более 40% пенсионных доходов. Однако в другой группе стран ОЭСР (Австрии, Чехии, Словакии, Венгрии и Польше) доля частных финансовых источников составляет менее 5% пенсионных доходов. Тем не менее ожидается, что значение частных пенсионных доходов возрастет. Предполагается, что в ближайшие десятилетия частные пенсии (обязательные и добровольные) будут обеспечивать 75% пенсионных доходов в Мексике, 60% в Словакии, 50% в Польше и 30% в Венгрии. Поскольку многие из этих программ относительно молодые, несмотря на нынешние значительные потери стоимости пенсионных фондов (по подсчетам МОТ, в Польше в реальном выражении вкладчики потеряли взносы в среднем за три года¹⁵), влияние кризиса на доходы будущих пенсионеров может оказаться относительно небольшим. ОЭСР подчеркивает, что такое развитие событий ставит на первый план «необходимость устойчивости к будущим кризисам» [OECD, 2009a. С. 3].

ПУТЬ ВПЕРЕД: СЛЕДУЮЩИЕ ШАГИ¹⁶

Опыт и уроки прошлых кризисов, проблемы вокруг пенсионной политики, вышедшие на первый план в текущий кризис, требуют ответных действий. Необходимы две вещи. Первая — это основательный пересмотр существующих систем социального обеспечения и исправление ошибок, сделанных в последние 30 лет в странах с развитыми системами социального обеспечения. Вторая, вероятно ещё более фундаментальная задача, состоит в том, чтобы развить системы социального обеспечения в странах, где они отсутствуют. Эта задача в первую очередь должна обеспечить гарантии базового (минимального) уровня доходов и доступность базовых медицинских гарантий для нуждающихся. Существует риск, что антикризисные меры направлены прежде всего на краткосрочные быстрые решения проблемы бедности и уязвимости, оставляя без внимания долгосрочные решения, которые помогли бы исправить фундаментальную и глобальную несправедливость экономики и общества.

Исправление прошлых ошибок

Коррекция в первую очередь необходима в пенсионной системе. Реформы последних трех десятилетий, которые связали уровень пенсии с работой рынка капитала, тем самым сделав её уязвимой в период финансового кризиса, были ошибкой, которую сейчас нужно исправить. Сегодня необходимы незамедлительные действия, чтобы защитить уровень пенсионных выплат для тех людей, которые находятся в предпенсионном возрасте. Одним из подходящих

¹⁵ Hagemeyer, K. 2009. "Dialog wokół emerytur: reforma emerytalna po dziesięciu latach" [Dialogue on pensions: Pension reform after 10 years], in Dialog, Vol. 22, No. 1/2.

¹⁶ Данный раздел опирается на анализ и аргументы, разработанные Diop (2009).

вариантов «автоматического стабилизатора», защищающего уровень жизни пенсионеров, стали бы твердые гарантии минимального размера пенсий. Некоторые страны уже ввели такие гарантии. Другие страны приняли решения о выплате единовременных пособий в качестве помощи пенсионерам в рамках стимулирующего пакета (в Греции, Австралии, Великобритании и США). Ряд стран в ответ на текущий кризис усилили и расширили минимальные пенсионные гарантии (Финляндия, Бельгия, Франция, Великобритания и страны с уровнем распространения бедности среди пенсионеров выше средней, такие как Австралия, Корея и Испания).

Политика, которая усиливает пенсионные гарантии для низкооплачиваемых работников и значительно корректирует направление прошлых реформ, нуждается в поддержке. По данным ОЭСР, в ближайшие годы низкооплачиваемые работники в Германии, Японии и США станут получать пенсии, равные 20–25% от среднего уровня доходов. Средняя цифра для стран ОЭСР составляет 36%, Дания лидирует с показателем 62%¹⁷.

В ближайшее время государства могут позволить пенсионным системам уменьшать уровень капитализации на некоторое переходное время (как это было сделано в Нидерландах). Возможно, это единственная реалистичная мера, которая приемлема в условиях ограниченных глобальных ресурсов. Если цены вернуться к прежнему уровню, то общая стоимость гарантий будет составлять лишь малую толику от мгновенной потери всех пенсионных активов.

Рассматривая ответные антикризисные меры, ОЭСР предположила, что правительства могли бы более активно участвовать в управлении рисками, связанными с выплатами пенсий и аннуитетов, и таким образом стимулировать развитие рынка в сторону страхования рисков, связанных с увеличением продолжительности жизни, введя официальный индекс продолжительности жизни. Эксперты ОЭСР также предлагают, чтобы правительства выпускали особые облигации «долгожительства», которые «установят точку отчета для частных эмитентов», и одновременно «следует поразмыслить» [ОЭСР, 2008. С. 3] над выпуском долгосрочных облигаций, индексируемых с учетом уровня инфляции. Подобный шаг уже предпринят небольшим числом стран; в частности, недавно датское правительство выпустило облигации сроком на 30 лет, которые были выкуплены датскими пенсионными фондами и страховыми компаниями.

По большому счету, наступает время для системного и обобщенного пересмотра мировой пенсионной политики. МОТ не имеет определенной пенсионной модели, но располагает набором основных требований для пенсионных систем. Они включены в стандарты социального обеспечения, которые выстраивались в течение многих десятилетий, и показывают, каким образом должны функционировать пенсионные системы. В настоящий момент совершенно уместно повторить здесь эти принципы МОТ:

- всеобщий охват: каждый имеет право на приемлемую пенсию, пенсионная система должна обеспечивать всех жителей хотя бы минимальным доходом в пожилом возрасте. Аналогично, каждый

¹⁷ См.: OECD. 2009. Pensions and the crisis: How should retirement-income systems respond to financial and economic pressures? (Media briefing). Paris, Organisation for Economic Co-operation and Development. P.5. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/10/26/43060101.pdf> (загружено 23.11.2009 г.).

- имеет право на защиту своих доходов в случае потери кормильца или инвалидности;
- пособие как право: назначение пенсионных пособий должно быть четко определено в качестве предсказуемого права;
- равенство и справедливость: не должно быть дискриминации, но равное отношение ко всем, включая равное отношение к жителям, имеющим и не имеющим гражданства. Условия приобретения пенсионных прав и выплат пенсий должны быть гендерно справедливы;
- защита от бедности: пенсионные системы должны предоставлять надежные минимальные гарантии, которые эффективно защищают людей от бедности в старости, в случае потери кормильца или инвалидности;
- возмещение утраченного дохода: системы, основанные на взносах, должны предоставлять гарантированный коэффициент замещения хотя бы тем лицам, у которых уровень заработков ниже, чем средний;
- коллективная актуарная эквивалентность взносов и уровня пенсии: величина выплат всем плательщикам взносов должна адекватно отражать размер уплаченных взносов;
- гарантия минимальной доходности накоплений: реальная стоимость взносов, уплаченных в накопительные программы, если они являются частью национальной пенсионной системы, должна быть защищена;
- прозрачное финансирование и фискальная ответственность: пенсионные программы должны финансироваться таким образом, чтобы избежать неопределенности в отношении их долгосрочной жизнеспособности. Пенсионные системы не должны вытеснять другие социальные расходы в контексте ограниченных национальных бюджетов в социальной сфере;
- последовательность и согласованность политики: пенсионная политика должна быть неотъемлемой частью последовательной и согласованной социальной политики, нацеленной на обеспечение доступности базовых услуг здравоохранения и защиту доходов нуждающихся;
- ответственность государства: государство должно оставаться конечным гарантом права на доступную пенсию и достойную старость.

Такие гарантии могут применяться как в распределительных пенсионных системах, так и в полностью накопительных. Это может быть предусмотрено законом. Скорее всего, гарантии не приведут к ощутимым дополнительным расходам. Но даже в таком случае гарантии будут стоить лишь малую часть нынешних экстренных расходов на поддержку финансового сектора.

Создание системы социального обеспечения для всех

Система социального обеспечения будет эффективно сдерживать негативные последствия кризиса, если её основание, глубоко укорененное в принципы солидарности, будет усилено. МОТ продвигает идею трансформации национальных систем в соответствии с понятием «прогрессивного

универсализма»¹⁸. МОТ стремится обеспечить минимальный набор социальных услуг для всех — так называемый «базовый уровень социальной защиты». На основе этого минимального уровня затем достигаются новые уровни социального обеспечения по мере того, как экономика развивается, а возможности для перераспределения финансовых ресурсов расширяются. Хотя многие страны с высоким и средним уровнем доходов относительно хорошо оснащены инструментами социального обеспечения и предотвращения бедности, в большинстве других стран ситуация иная, и лишь меньшинство имеет доступ даже к базовому набору социальных гарантий.

В рамках «Кампании МОТ за расширение охвата социальным обеспечением» было выделено четыре основных компонента базового уровня социальной защиты:

- всеобщий доступ к основным медицинским услугам для всех жителей;
- защита доходов всех детей через детские или семейные пособия;
- адресная поддержка доходов работающих бедных, которая может сочетаться с гарантиями занятости через программы общественных работ;
- защита доходов пожилых людей, инвалидов и семей, которые лишились кормильца, через базовые пенсии, финансируемые из налогов.

Концепция базового уровня социальной защиты специально разработана для стран (в основном с низким уровнем доходов), где нет структуры социального обеспечения или она недостаточная. Минимальные гарантии социального обеспечения нацелены на защиту самых уязвимых групп общества и лиц в критических ситуациях, которые могут поставить их на грань обнищания. В странах, где системы социального обеспечения исключают некоторые группы населения, базовый уровень социальной защиты представляется значимой идеей, позволяющей ликвидировать существующие пробелы в охвате и ослабить социально-экономическое давление на исключенные группы. Эта концепция подверглась критике за то, что она не предлагает более универсальные и широкие гарантии социального обеспечения, а также из-за того, что она потенциально может подорвать уже существующие более продвинутые системы. В ответ на критику МОТ отмечает, что само понятие базового уровня социальной защиты встроено в концепцию прогрессивного универсализма, внутри которой этот базовый уровень является лишь первым шагом. Однако конечной целью выступает универсальное и всеобъемлющее социальное обеспечение.

Недавно концепция базового уровня социальной защиты получила поддержку Координационного совета руководителей системы ООН [СЕВ, 2009]. Одна из принятых ООН мер в ответ на финансовый и экономический кризис заключается в развитии «Инициативы VI по формированию базового уровня социальной защиты» (Initiative VI Social Protection Floor). Ее целью является обеспечение доступа к основным социальным услугам, а также расширение возможностей и защита для бедных и уязвимых групп. Наряду с предостав-

¹⁸ Принцип «прогрессивного универсализма» означает предоставление поддержки всем, но в большей степени — наиболее нуждающимся. Соответственно, системы социальной защиты должны охватывать все население, но предоставлять преимущественную поддержку нуждающимся. — Примеч. науч. ред.

лением основных социальных трансфертов, ООН призывает обеспечить географическую и финансовую доступность базовых общественных услуг (таких как водоснабжение и канализация, здравоохранение и образование). Дополнительная поддержка идеи базового уровня социальной защиты пришла от Международной конференции труда [ILO, 2009c] в форме принятия «Глобального пакта о рабочих местах», который требует от стран развить систему «адекватной социальной защиты для всех, опираясь на базовый уровень, включающий доступ к здравоохранению, гарантии доходов пожилых и инвалидов, детские пособия и гарантии доходов в сочетании с гарантиями общественной занятости для безработных и работающих бедных», а также призывает международное сообщество «обеспечить помощь развитию, включая бюджетную поддержку, чтобы создать базовый уровень социальной защиты в национальном масштабе».

Кроме того, организации-доноры благосклонно отреагировали на призыв оказать поддержку для расширения программ социальной защиты в странах с низким уровнем дохода в ответ на кризис и сверх того. Комитет ОЭСР по оказанию помощи в целях развития заявляет [OECD, 2009c]: «Поддержка программ социальной защиты организациями-донорами должна обеспечивать адекватную, долгосрочную и предсказуемую финансовую помощь, чтобы помочь партнерским правительствам внедрить гендерно-чувствительные программы социальной защиты и создать условия для достижения политической и финансовой стабильности этих программ. Это особенно важно в нынешней ситуации сокращения налоговой базы и уменьшения финансовых поступлений. Подобная поддержка должна быть предоставлена через механизмы гармонизированного и скоординированного финансирования стратегий и программ, определенных на национальном уровне».

Для подобных скоординированных усилий критически важно, чтобы все международные и национальные игроки согласованно работали над достижением общих целей. Правительство Великобритании в недавнем официальном документе о международном сотрудничестве «Строим наше общее будущее» [DFID, 2009] также призвало Всемирный Банк «уделить больше внимания социальной защите» и задействовать «Программу быстрого социального реагирования», чтобы эффективнее помогать странам с низким уровнем дохода строить необходимые базовые программы социальной защиты.

Представляется, что кризис способствовал достижению широкого консенсуса относительно необходимости инвестировать ресурсы в социальную защиту населения, в том числе в странах с низким уровнем доходов. Комитет ОЭСР по оказанию помощи в целях развития [OECD, 2009c] разделяет эту точку зрения: «Социальная защита непосредственно сокращает бедность и помогает направить экономическое развитие в интересах бедных. Она стимулирует вовлечение бедных женщин и мужчин в процесс экономического развития, защищает беднейших и наиболее уязвимых во время спада, и способствует установлению сплоченности и стабильности. Социальная защита помогает нарастить человеческий капитал, управлять рисками, продвигать инвестиции и предпринимательство, улучшать взаимодействие на рынках труда. Программы социальной защиты могут быть приемлемыми по стоимости даже для самых бедных стран и представляют собой хорошее вложение денег».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанное выше признание необходимости базового социального обеспечения является запоздалым. Тем не менее мы не должны забывать о преимуществах, которые несёт с собой всеобъемлющая система социального обеспечения. В странах с высоким и средним уровнем доходов прошлые успехи на поле социального обеспечения были подвергнуты сомнению разговорами об излишней обременительности государств благосостояния. Подобные сомнения обычно возникают в контексте стран с высоким уровнем доходов, где память о разрушающих последствиях экономических кризисов для домашних хозяйств и населения практически стерлась. Ирония заключается в том, что там, где это имеет место, успех в основном зависит от усилий всеобъемлющих систем социального обеспечения. Современный кризис позволяет по-новому взглянуть на ключевую роль этих систем в смягчении экономических штормов сегодня и в будущем. Так, для любых экономик всеобъемлющие государственные системы социального обеспечения, основанные на принципах солидарности, не должны рассматриваться как пережиток прошлого — такие системы являются мощными инструментами экономического и социетального развития в будущем. Поэтому центральное значение в государственной политике должны занимать вопросы сохранения финансовых ресурсов для государственного социального обеспечения. Более того, критичной является ориентация политики на поддержку систем социального обеспечения, особенно если мы хотим убедить страны Глобального Юга ввести и расширить аналогичные схемы.

Экономические кризисы и попытка посткризисного восстановления часто становятся поворотными моментами в развитии систем социального обеспечения. Программы социальной защиты США опираются на политику Нового курса 1930-х гг., которая была нацелена на оживление экономики и одновременно подготовку экономики и общества к вызовам будущих экономических спадов. В Великобритании социальная реформа лорда Бевериджа произошла во время Второй мировой войны, в период крайней экономии ресурсов, и была реализована как часть послевоенного восстановления экономики. Сейчас мы видим, как Соединенные Штаты (в середине их самого крупного экономического кризиса за последние десятилетия) обсуждают варианты распространения государственных медицинских гарантий на все население. Мы также наблюдаем, как международное сообщество громко заявляет о необходимости глобального улучшения социальной защиты не только как способа смягчения кризисных явлений, но также как меры по достижению долгосрочной цели сокращения бедности. Если страны Севера и Юга смогут создать глобальную коалицию в поддержку значимости социального обеспечения, тогда оно имеет реальные шансы произвести серьезные изменения, помочь большинству малоимущих стать более защищенными. Можно надеяться, что нынешний кризис обозначит следующий конструктивный шаг в сторону реализации социального обеспечения для всех.

ЛИТЕРАТУРА

- Barrientos, A.; Hulme, D.* (eds.). 2008. Social protection for the poor and the poorest: Concepts, policies and politics. Basingstroke, Palgrave-Macmillan. СЕВ. 2009. СЕВ Communiqué, 5 April 2009, Paris, France. Secretariat of the United Nations System — Chief Executives Board for Coordination. URL: <http://secint50.un.org/en/development/other/ecesa/private/documents/2009%20ECESA%20Documents/CEB-2009-1-Retreat-CEB%20Communique%20on%20Financial%20Crisis-Final.pdf> (загружено 24.11.2009 г.).
- DFID. 2009. Eliminating world poverty: Building our common future (Whitepaper). London, Department for International Development. UR.: <http://www.dfid.gov.uk/Documents/whitepaper/building-our-common-future-print.pdf>. (загружено 23.11.2009 г.).
- Diop, A.* 2009. The need for solidarity: Social security systems in times of crises (Conference paper, “Seminar on social security in times of crisis: Impact, challenges and responses”, Geneva, 24–25 April). URL: <http://www.issa.int/aiss/content/download/67892/1269279/file/2Diop-note.pdf> (загружено 20.11.2009 г.).
- FAO. 2009. Hunger. Rome, Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: <http://www.fao.org/hunger/en> (загружено 23.11.2009 г.).
- Freije-Rodriguez, S.; Murrugarra, E.* 2009. “Labor markets and the crisis in Latin America and the Caribbean (a preliminary review for selected countries)”, in Latin-America beyond the crisis: Impacts, policies and opportunities. Washington, DC, World Bank — Latin America and the Caribbean Region. URL: http://siteresources.worldbank.org/LACEXT/Resources/LAC_Policy_Notes.pdf (загружено 23.11.2009 г.).
- Hagemeyer, K.* 2009. “Dialog wokół emerytur: reforma emerytalna po dziesięciu latach” [Dialogue on pensions: Pension reform after 10 years], in Dialog, Vol. 22, No. 1/2.
- IDS. 2009. Low-income country preparedness for social protection responses to the global crisis (Draft paper). Brighton, Institute of Development Studies. URL: <http://www.ids.ac.uk/download.cfm?downloadfile=3FEDE23C-AA8D-C03E-13E5986E8632B46A&typename=mFile&fieldname=filename> (загружено 23.11.2009 г.).
- ILO. 2009a. Global employment trends: Update May 2009. Geneva, International Labour Office.
- ILO. 2009b. Bolsa Familia in Brazil: Context, concept and impacts. Geneva, International Labour Office — Social Security Department.
- ILO. 2009c. Recovering from the crisis: A global jobs pact (98th International Labour Conference, Geneva, 19 June). Geneva, International Labour Office. URL: http://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/2009/109B09_101_engl.pdf (загружено 23.11.2009 г.).
- Justino, P.* 2007. “Social security in developing countries: Myth or necessity? Evidence from India”, in Journal of International Development, Vol. 19, No. 3.
- Kang, S. H. et al.* 2001. “Korea: Labor market outcomes and policy responses after the crisis”, in G. Betcherman and R. Islam (eds.), East Asian labor markets and the economic crisis: Impacts, responses and lessons. Washington, DC, World Bank; Geneva, International Labour Organization.
- Kannan, P. K.* 2009. “Employment guarantees are boosting rural development in India”, in Development and Cooperation, Vol. 50, No. 12. URL: <http://www.inwent.org/ez/articles/162560/index.en.shtml> (загружено 17.12.2009 г.).
- OECD. 2008. OECD seminar on the payout phase of pensions, annuities and financial markets, 12 November 2008, Paris: Summary record. Paris, Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: http://www.oecd.org/document/55/0,3343,en_2649_34853_41668791_1_1_1_1,00.html (загружено 23.11.2009 г.).
- OECD. 2009a. Pensions and the crisis: How should retirement-income systems respond to financial and economic pressures? (Media briefing). Paris, Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/10/26/43060101.pdf> (загружено 23.11.2009 г.).
- OECD. 2009b. Pensions at a glance, 2009: Retirement income systems in OECD countries. Paris, Organisation for Economic Co-operation and Development. OECD. 2009c.

Making economic growth more pro-poor: The role of employment and social protection (Policy statement, DAC-EPOC High Level Meeting, 27–28 May). Paris, Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/63/9/43514572.pdf> (загружено 23.11.2009 г.).

Pisani-Ferry, J. 2009. “The good and the bad flexibility”, in *Le Monde*, 29 June. URL: http://www.bruegel.org/uploads/tx_btbbreugel/JPF_Le_Monde_Flexibility_Pisani_EN.pdf (загружено 23.11.2009 г.).

Prasad, N.; Gerecke, M. 2009a. Employment-oriented crisis responses: Lessons from Argentina and the Republic of Korea (ILO Global Job Crisis Observatory). Geneva, International Labour Office. URL: http://www.ilo.org/public/english/support/lib/financialcrisis/download/story21_employment-oriented.pdf (загружено 23.11.2009 г.).

Prasad, N.; Gerecke, M. 2009b. Insecure and uninsured? An empirical investigation of social security spending in times of crisis (Discussion paper). Geneva, International Institute for Labour Studies.

Scherman, K. G. 2009. “Politicians dodge the pension issue”, in *Svenska Dagbladet*, 3 June. SSA; ISSA. (various years). Social security programs throughout the world. Washington, DC, Social Security Administration.

Stiglitz, J. 2009. “The global crisis, social protection and jobs”, in *International Labour Review*, Vol. 148, No. 1/2.

Woodall, J.; Hagemeyer, K. 2009. Maintaining pension levels in PAYG schemes in ageing societies: Rules versus discretion (Conference paper, ISSA Technical Seminar on Pensions, Paris, 1–2 October). Geneva, International Social Security Association. URL: <http://www.issa.int/aiss/content/download/90435/1813952/file/2Woodhall-Hagemeyer.pdf> (загружено 24.11.2009 г.).

World Bank. 2009. Averting a human crisis during the global downturn: Policy options from the World Bank’s Human Development Network. Washington, DC. URL: <http://siteresources.worldbank.org/NEWS/Resources/AvertingTheHumanCrisis.pdf> (загружено 24.11.2009 г.).

ИЗМЕРЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ ИПОТЕКИ КАК СОЧЕТАНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ, ВОЗМОЖНОСТЕЙ И НАМЕРЕНИЙ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ¹

Бурдяк А.Я., старший научный сотрудник НИСП, старший научный сотрудник ИГРМ

Официальные оценки доступности жилья основаны на показателе среднего по регионам денежного дохода и не учитывают потребностей и намерений высокодоходных групп населения покупать жильё. В статье на данных репрезентативного выборочного обследования домашних хозяйств проведена оценка потенциала участия населения России в ипотечном кредитовании как сочетания потребности семьи в улучшении жилищных условий, бюджетной возможности выплачивать ежемесячный взнос и намерений менять или улучшить условия проживания в ближайшие три года. На основе базовых признаков проведена стратификация домашних хозяйств, а по расширенным группам индикаторов построен индекс потенциала участия в ипотеке. Изложенная методология индексного подхода может найти применение в других сферах научных исследований, а полученные в статье численные оценки потенциала развития ипотечного кредитования важны для банковского сектора и для органов власти, сопровождающих выполнение государственных программ.

ВВЕДЕНИЕ

Ипотечное кредитование связывает между собой три важнейшие сферы — доходы населения, жилищную обеспеченность домашних хозяйств и финансовый сектор экономики. Сегодня по уровню жилищной обеспеченности Россия отстает от стран Европы: стеснены жилищные условия более чем у половины семей. Ситуация усугубляется отсутствием сбережений и недостаточностью доходов для самостоятельного приобретения жилья. Подключение банковского сектора к задаче улучшения жилищных условий расширяет доступность жилья для семей со средним и выше среднего доходом. И хотя сама форма участия банков может быть разной (например, ипотечное кредитование, как в США² [Основы ..., 2007] или строительно-сберегательные кассы, как в стра-

¹ Статья основана на результатах тематического исследования, проведенного в рамках «Мониторинга изменений в экономике и политике для целей институционального развития программ реструктуризации ипотечных жилищных кредитов и оценки структуры потенциала участия домохозяйств в программах ипотечного кредитования» для Агентства по реструктуризации ипотечных жилищных кредитов (АРИЖК). Автор искренне признательна руководителю проекта Л.Н. Овчаровой и выражает благодарность Е.Б. Головляничиной за классификацию занятости домашних хозяйств и А.И. Пишняк, Д.О. Поповой за обсуждение методологии построения индекса.

² Институт ипотечного кредитования в России создан по образцу США.

нах Западной Европы³ [Полтерович, Старков, 2007]), становление жилищного кредитования в России является решительным шагом по пути к улучшению качества жизни населения, развитию человеческого потенциала и модернизации уклада жизни [Овчарова, Языков, 2010].

Что дает развитие ипотечного кредитования для экономики страны? Во-первых, оно расширяет возможности населения покупать жилье и улучшать свои условия проживания собственными силами, без участия государства — и это основная функция ипотеки. Во-вторых, ипотека стимулирует платежеспособный спрос на потребительском рынке. Предоставление кредитных средств на приобретение жилья избавляет потребителя от необходимости жестко экономить на расходах. И так как покупка жилья зачастую сопровождается обновлением мебели, бытовой техники, приобретением других товаров, то это дополнительно поддерживает потребительский спрос, ключевую составляющую рынка товаров и услуг. В-третьих, расширение ипотечного кредитования выгодно банкам — это один из источников их доходов. В-четвертых, ипотека выполняет важную функцию поддержки жилищного строительства, обеспечивая спрос на новостройки и сокращая срок реализации квартир. Если бы жилье строилось исключительно за счет государственных средств и на деньги населения, без привлечения кредитов, то масштабы жилищного строительства в стране были бы гораздо скромнее. Без активного жилищного строительства задача улучшения качества жизни населения и повышения жилищной обеспеченности граждан⁴, провозглашенная правительством в федеральной целевой программе «Жилище», представляется трудновыполнимой. Кроме того, строительная отрасль — важный сегмент российского рынка труда, здесь занято 4% работающего населения, а через занятость в смежных отраслях с ней связано гораздо больше домашних хозяйств.

Перечисленные обстоятельства доказывают важность жилищного кредитования для экономики России, на развитие которого нацелена политика государства и работа Агентства по ипотечному жилищному кредитованию. Целевые ориентиры развития ипотеки⁵ состоят в обеспечении к 2030 г. доступности приобретения и строительства жилья с помощью ипотечного жилищного кредитования для 60% семей. В более осязаемом будущем — к концу 2012 г. — жилье должно стать доступным для 23%, к декабрю 2015 г. — 30%, а к 2020 г. — 50% семей. Сегодня, по оценке Института экономики ЖКХ, основанной на показателе доходов населения, ипотечное кредитование может помочь в приобретении жилья 12–15% населения⁶, наиболее обеспеченной части формирующегося среднего класса. Согласно расчетам Института экономики города [Показатели ..., 2011], в 2010 г. для 23,6% населения доступно приобретение жилья, соответствующего стандартам обеспечения жилыми помещениями (данная оценка получена на основе макростатистики доходов населения, цен на жилье и распреде-

³ Немецкая модель стройсберкасс в качестве эксперимента была запущена в Краснодарском крае в 2010 г. См.: Русипотека, URL: http://www.rusipoteka.ru/lenta/market/mechanizm_zhiliwnogo_kreditovaniya_nakopitelnuyu_ipoteku.

⁴ За 2000–2010 гг. демографический спад дал 4% из 18% роста жилищной обеспеченности.

⁵ «Стратегия развития ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации до 2030 года», утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 июля 2010 г. №1201-р.

⁶ Статистический бюллетень. Росстат, 2010. №10 (171).

ления населения по доходам). Задача данной статьи состоит в комплексной оценке потенциального спроса населения на ипотечные продукты на основе микроданных обследования населения, что позволяет учесть не только доходные возможности домашних хозяйств, но и их потребности и намерения улучшать свои жилищные условия.

Исследование проводится на данных выборочного обследования населения «Кризис и поведение домашних хозяйств» (КПДХ), проведенного Независимым институтом социальной политики при поддержке Сбербанка России в августе 2010 г. Обследованием было охвачено 3140 домашних хозяйств из 32 регионов России. Опрошено взрослое население в возрасте от 24 до 82 лет, и с помощью взвешивания по половозрастной структуре выборка приведена в соответствии с генеральной совокупностью, что позволяет обобщить полученные выводы.

Анализ потенциала участия населения России в ипотечном кредитовании проводится в два этапа.

На первом этапе мы выделяем три группы показателей, или домены⁷, влияющие на формирование спроса на ипотеку:

- *жилищные условия* семей определяют потребность в улучшении условий проживания;
- *доходные возможности* домашних хозяйств показывают достаточность трудовых доходов для выплат по стандартному и ипотечному кредиту;
- *намерения* семьи предпринимать конкретные шаги для улучшения своих жилищных условий выражают готовность брать кредиты для этих целей.

Описывая жилищные условия, доходы и намерения семей улучшать свои условия проживания, мы опираемся на выборочные данные КПДХ, проводя параллели с официальной статистикой и результатами других исследований, что дает целостную картину рассматриваемой проблемы. Далее на основе сочетания базовых характеристик потребностей, возможностей и намерений домашних хозяйств мы стратифицируем выборку, численно оценивая долю потенциальных участников ипотечного кредитования.

На втором этапе анализа, на основе логики сочетания указанных трех компонент, группы показателей максимально расширяются, охватывая новые аспекты базовых характеристик. Согласованность добавленных на данном этапе индикаторов с исходными показателями обеспечивает сохранность основы стратификации и добавляет результату устойчивость. На основе трех доменов строится индекс потенциала участия населения в ипотеке и определяются социально-демографические группы семей, которые будут предъявлять повышенный спрос на ипотечные продукты в ближайшем будущем. Распространенность отдельных признаков и показатели согласованности доменов приведены в приложении. Завершают изложение обобщающие выводы.

⁷ Термином «домен» принято обозначать группу показателей, отражающих различные аспекты одного и того же объекта анализа, например жилищных условий [Овчарова и др., 2007]. Хорошая согласованность показателей домена обеспечивает адекватное измерение объекта анализа, зачастую нечислового по своей природе.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ

Объективная потребность в улучшении жилья определяется в первую очередь численностью членов домашнего хозяйства и площадью занимаемого ими жилья. Средняя обеспеченность населения жильем в России, по данным Росстата, составляет 22,6 кв. м, и это больше, чем целевой индикатор ФЦП «Жилище»⁸ — 22,5 кв. м, намеченный к реализации к концу 2010 г. Выборочное обследование населения, проводимое Росстатом ежегодно по репрезентативной выборке (ОБДХ), дает чуть более низкий показатель жилищной обеспеченности — в среднем по 20,1 кв. м на члена домохозяйства в 2009 г. Расхождения макро- и микроданных закономерны [Бурдяк, 2008]. Средняя обеспеченность жильем, по данным КПДХ, составляет 23,9 кв. м общей площади на человека. Сопоставление площади занимаемого жилья с нормативами обеспеченности (33 кв. м на одиноко проживающего, 42 кв. м на семью из двух человек, по 18 кв. м на каждого члена семьи, состоящей из трех и более человек) показывает, что 52,1% домашних хозяйств обеспечены жильем достаточной площади. Для остальных 47,9% семей проблема тесноты жилья является актуальной и может быть мотивом для улучшения жилищных условий, а следовательно, и для участия в ипотечном кредитовании.

В западных исследованиях стандарты жилищной обеспеченности определяются на основе количества комнат в расчете на одного проживающего, такой подход мы применяли при определении жилищной обеспеченности среднего класса. По данным обследования КПДХ, у 57,3% домашних хозяйств жилье соответствует стандарту среднего класса и на каждого члена семьи приходится, по крайней мере, по одной комнате. Таким образом, сегодня жилье стандарта среднего класса является чуть более распространенным, чем жилье достаточной по социальным нормативам площади, и этот эффект дает малогабаритное жилье. Оба признака просторности жилья согласованы, в их пересечение попадает 45,5% всех домашних хозяйств. При стратификации выборки мы будем считать, что любая разновидность *тесноты* жилья является фактором спроса на ипотеку.

Вторая основная объективная характеристика жилищных условий населения — *благоустроенность* жилья. Согласно обследованию КПДХ, 9,1% семей проживают в неблагоустроенном⁹ жилье; полностью благоустроено жилье у 59,6% домашних хозяйств, а жилища остальных 30,2% семей благоустроены только частично. Проекция благоустроенности жилья на его просторность позволяет охарактеризовать условия проживания российских семей следующим образом:

- просторное, полностью благоустроенное жилье имеют 26%;
- просторное, частично благоустроенное — 19,5%;
- тесное, полностью благоустроенное жилье — 33,5%;
- тесное, частично благоустроенное — 19,4%.

С точки зрения перспектив развития жилищного кредитования это означает, что только 26% российских домашних хозяйств не имеют видимых

⁸ Постановление Правительства РФ от 17.09.2001 №675 (ред. от 15.12.2010) «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2002 - 2010 годы».

⁹ В жилище нет ни водопровода, ни канализации, ни горячего водоснабжения, ни системы центрального отопления.

мотивов для улучшения жилищных условий по объективным показателям. Остальные либо проживают в тесном жилье (не хватает комнат или площади), либо их жилище не оснащено основным набором коммунальных услуг. Самой распространенной моделью сегодня является проживание в полностью благоустроенном, но тесном жилище (33,5%). Ввиду того что ключевым фактором полной благоустроенности является техническая доступность коммунальных услуг, наличие коммуникаций и централизованных систем в населенном пункте, при анализе потенциала участия населения в ипотечном кредитовании мы сделаем смысловой упор на тесноту жилья. Мы не включаем показатель благоустроенности в домен жилищных условий.

Еще один мотив для покупки жилья — это разъезд сложного домашнего хозяйства. Совместное проживание нескольких семейных ячеек может быть и результатом рационального поведения, например, когда кому-то в семье нужен уход. Также типично проживание «взрослой» молодежи в доме родителей во время учебы в вузе, на этапе начала трудовой карьеры или до создания собственных семей. Не идентифицируя причин совместного проживания, мы полагаем, что любое проживание других взрослых в семье (47%), кроме партнера респондента, сигнализирует о потенциальном мотиве к разъезду и участию в ипотеке.

Другие жилищные проблемы, которые могут быть разрешены с помощью покупки жилья, — проживание в общежитии, коммунальной квартире или части квартиры (7%) или в съемном жилье (5%). Независимо от площади съемного жилья или общежития, при стратификации мы считаем такие жилищные условия стесненными.

Два дополнительных объективных показателя жилищных условий, которые не вошли в стратификатор, но добавлены в индекс, — это ветхость жилья и необходимость капитального ремонта. Ветхость жилья в данном случае измеряется годом постройки жилья до 1970 г. включительно: по данным КПДХ, таких семей 37,4%¹⁰. Необходимость капитального ремонта мы оцениваем косвенно, когда респондент считает, что наиболее вероятным изменением жилищных условий в ближайшие три года будет капитальный ремонт (20,3%). Важно подчеркнуть, что 2/3 опрошенных нами семей не ожидают никакого изменения своих жилищных условий в ближайшем будущем, несмотря на то что существенная часть из них нуждается в улучшении жилья. Этот вывод важен для государственной жилищной политики.

Объективные характеристики жилищных условий формируют субъективную удовлетворенность респондента своим жильем. Но даже если семья проживает в тесном или неблагоустроенном жилье, считая свои жилищные условия хорошими, она вряд ли будет стремиться улучшать жилищные условия и предъявлять спрос на ипотеку. И наоборот, хорошее, по наблюдаемым нами характеристикам, жилье ещё не гарантирует, что респондент им удовлетворен [Бурдяк, 2010], — в выборке КПДХ такие домашние хозяйства составляют 1,5%. Здесь могут играть роль факторы расположения, экологии, качества предоставления услуг и пр. Но в основном субъективный и объективный признаки хорошего жилья совпадают: 24,5% опрошенных проживают в объективно хорошем жилье и считают свои жилищные условия хорошими.

¹⁰ Согласно данным Росстата, 38,3% жилья от общей площади жилых помещений построено в 1970 г. и ранее, а 3,1% площади жилого фонда отнесено к ветхому и аварийному жилью.

В терминах мотивов участия в ипотечном кредитовании это означает, что у *четверти* российских домашних хозяйств благоустроенное жилье, качеством его они удовлетворены, и нет видимых мотивов улучшить жилищные условия. При этом участие данных семей в ипотеке с целью переезда в другой населенный пункт (трудовая миграция или намерение жить поближе к родственникам, детям) или покупка жилья с целью инвестиций не исключается.

На другом конце шкалы потенциала участия в ипотеке находятся семьи, которые считают свои жилищные условия плохими или очень плохими (12,2%)¹¹. Именно они имеют мотив улучшить свои жилищные условия. Данный индикатор положен в базу стратификации. У большинства из этой группы (10,4%) жилищные условия плохие и по субъективному, и по объективному признакам.

Проведенный анализ жилищных условий населения позволяет заключить, что несмотря на высокую объективную *потребность* в улучшении условий проживания, сравнимой с ней *неудовлетворенности* жильем мы не наблюдаем: 88% российских семей довольны своим жильем, в том числе 46,3% оценивают свои жилищные условия как «удовлетворительные» — это самый распространенный ответ. Так как тесное (в смысле нормативов по площади) жилье является на сегодняшний день социальной нормой (каждая третья семья проживает в благоустроенном, но тесном жилье), а респонденты оценивают свои жилищные условия, сравнивая себя с окружающими, со своими знакомыми, родственниками, соседями, то они не склонны считать себя «ущемленными» только потому, что жилая площадь у них меньше норматива. В перспективе при повышении доступности жилья и увеличении обеспеченности населения социальные стандарты изменятся, и мы увидим другое распределение субъективных и объективных признаков жилищной обеспеченности.

ДОХОДЫ

Возможности населения покупать жилье определяются его доходами и ценами на жилье. Официальный индикатор доступности жилья — коэффициент доступности — определяется, согласно ФЦП «Жилище»¹², как соотношение средней рыночной стоимости стандартной квартиры общей площадью 54 кв. м и среднего годового совокупного денежного дохода семьи, состоящей из трех человек. При построении индикатора доступности приобретения жилья с помощью ипотечного кредитования мы сравниваем стоимость стандартной квартиры не с совокупным доходом, а исключительно с трудовым доходом домашнего хозяйства, так как оценку платежеспособности ипотечных заемщиков, расчёт суммы и срока кредита банки проводят по уровню заработной платы и доходов от предпринимательской деятельности.

Для проведения статического анализа доступности ипотеки обозначим вектор изменения основных её составляющих. Ежеквартальный мониторинг социально-экономических индикаторов, ключевых для развития ипотечного кредитования, показал повышение доступности жилья в результате эконо-

¹¹ По данным ОБДХ Росстата, за пять лет их доля снизилась с 14,8% в 2006 г. до 8,4% в 2010 г.

¹² Согласно ФЦП «Жилище» на 2010-2015 гг., индекс доступности должен снизиться с 4,8 года (на 1 января 2010 г.) до 4,0 лет к концу 2015 г., то есть в 1,2 раза.

мического кризиса: цены на квартиры на первичном и вторичном рынке снизились, а доходы населения за это время выросли, хотя и меньше, чем на этапе экономического роста. Региональный разрез доступности жилья демонстрирует широкий разброс коэффициента доступности в силу высокой межрегиональной дифференциации доходов населения и по причине значительных различий цен на жилье.

Цены на жилье на этапе экономического роста в 2003–2007 гг. увеличивались в два раза быстрее, чем доходы населения, а перед кризисом с сентября 2007 г. по сентябрь 2008 г. рост цен ускорился [Стерник, Стерник, 2009]. С одной стороны, для среднестатистического потребителя жилье становилось менее доступным для приобретения. С другой стороны, высокие темпы роста цен на жилье подстегнули инвестиционный спрос высокодоходных групп потребителей [Грушина, 2011; Жилищная экономика, 1996]. Развитие ипотечного кредитования как фактор поддержки спроса на жилье в свою очередь стимулировало рост цен. Экономический кризис положил конец быстрому росту цен¹³, инвестиционная составляющая жилищного рынка резко сократилась, а для решения проблемы невыплат по кредитам потребовалось внедрение программ реструктуризации просроченной задолженности. Анализ цен жилья в крупных городах России [Мальгинов, Стерник, 2011] показывает, что в 2008–2010 гг. в большинстве городов цены предложения упали на 20–40% в реальном выражении, и только в Москве и Подмоскowie масштабы падения были существенно меньше (6% и 12,5% соответственно). Основное снижение цен на рынке жилья произошло в 2009 г., а для 2010 г. и первой половины 2011 г. характерна колебательная стабильность, следовательно, состояние рынка жилья соответствует текущему положению дел.

С целью моделирования спроса на ипотеку мы построили индивидуальный *индикатор возможности участия в ипотечном кредитовании*, отражающий межрегиональные различия в доходах и ценах на жилье. Мы считаем, что семье по силам выплаты по ипотечному кредиту, если размер ежемесячного взноса за стандартную квартиру в регионе проживания домашнего хозяйства не превышает половину совокупного ежемесячного трудового дохода семьи. Под трудовым доходом в данном случае подразумеваются зарплата, премии и предпринимательский доход всех членов семьи, независимо от количества получателей этих доходов в семье. Размер ежемесячного взноса по ипотеке рассчитан при следующих модельных условиях¹⁴: первый взнос 30% стоимости квартиры, ставка по кредиту 9% годовых; срок 20 лет; ежемесячный платеж не превышает 50% трудового дохода заемщиков, приобретается квартира площадью 54 кв. м; расчетная цена одного квадратного метра равна средней цене по первичному и вторичному рынкам в регионе в третьем квартале 2010 г.

При моделировании доходных возможностей мы не учитывали возрастные ограничения для заемщиков, поэтому полученное нами количество потенциальных заемщиков немного завышено. В начале кризиса правило окончания срока ипотеки до наступления пенсионного возраста строго соблюдалось, а сегодня банки смягчили требования, и иногда на общих основаниях, иногда при условии предоставления дополнительных имущественных гарантий ипотечный кредит

¹³ Средние цены 1 кв. м общей площади проданных квартир на конец IV квартала 2009 г. снизились по сравнению с концом предыдущего года на первичном рынке на 7,6%, на вторичном - на 11,0%.

¹⁴ Предположения основаны на условиях предоставления кредитов Сбербанком.

может быть выдан даже заемщику пенсионного возраста — по этой причине возрастные ограничения стали размытыми для моделирования.

По данным КПДХ, на перечисленных выше условиях получения ипотечного кредита 22,6% семей могут сегодня платить по ипотеке (см. приложение). Следовательно, ипотека как инструмент приобретения жилья на данном этапе пока еще недоступна для широких слоев населения. Построенный индикатор доступности приобретения жилья был включен в стратификацию выборки в качестве единственного представителя домена «Доходы». Для построения индекса потенциала участия населения в ипотечном кредитовании домен был дополнен показателями характера занятости и доходов, а также индикаторами наличия у домашнего хозяйства финансовых активов.

Занятость. В обследовании КПДХ значительный блок вопросов посвящен реакции доходов и занятости домашних хозяйств на экономический кризис. При их анализе мы обнаружили, что в неформальном секторе устойчивость и условия занятости, оплата труда хуже, чем в формальном. Следовательно, эти сектора различаются по перспективам участия в программах ипотечного жилищного кредитования. Однако индивидуальные предприниматели и занятые оказанием профессиональных или технических услуг, относимые, по определению Росстата, к неформальному сектору, оказались ближе к формальному сектору: несмотря на чуть меньшую устойчивость таких рабочих мест, эти формы деятельности подлежат регистрации, доходы облагаются налогами и т. п. Поэтому мы расширили рамки формального сектора до *регистрируемого сегмента* занятости, объединив его с индивидуальными предпринимателями. Сегмент регистрируемой занятости является максимально широко определенной базой потенциальных участников ипотечного кредитования.

Регистрируемый сегмент, по данным КПДХ, охватывает 84,4% занятых, из которых большинство — занятые по найму на предприятиях и организациях, а также небольшая группа индивидуальных предпринимателей. Нерегистрируемый сегмент составляет 15,6% занятых¹⁵. В нем преобладают наемные работники физических лиц — 13,4%; и именно их ситуация задает образ нерегистрируемого сегмента занятости в целом. Здесь сконцентрированы работники с низкой квалификацией, невысоким образовательным потенциалом и невысокими заработками; рабочие места неустойчивы.

На уровне домохозяйств отчасти или полностью вовлечены в нерегистрируемую занятость 17,5% всех семей. «Чистая» нерегистрируемая занятость охватывает 6,5% семей и сопряжена с наиболее высокими рисками бедности и низких доходов. Семьи со смешанными статусами занятости основных работников занимают срединное положение, хотя шансы на высокие доходы у них невелики. 57% семей либо имеют занятость только в формальном секторе, либо в их составе есть индивидуальные предприниматели, что гарантирует им средние и высокие уровни душевых доходов. Остальные домохозяйства не связаны с рынком труда. С точки зрения потенциала участия в ипотеке мы считаем, что наличие хотя бы одного занятого в регистрируемом сегменте (69,4%) обеспечивает устойчивость занятости и, как следствие, доходов семьи.

¹⁵ Для 1% занятых не указан статус занятости. По косвенным параметрам, таким как величина трудового дохода на уровне существенно ниже среднего и т.п., можно полагать, что большая часть лиц с неизвестным статусом также вовлечена в нерегистрируемую занятость. Здесь и далее эта группа исключена из рассмотрения.

Исследования платежеспособности заемщиков показали, что семьи, у которых есть несколько видов дохода, в меньшей степени подвержены риску дефолта [Бурдяк, 2009]. Диверсифицированность источников доходов вносит положительный вклад в потенциал участия домашнего хозяйства в ипотеке. По данным КПДХ, четверть семей (24,7%) имеет несколько видов источников доходов.

В дополнение к базовому индикатору трудовых доходов домашнего хозяйства в домен включен показатель совокупных денежных доходов. Мы считаем, что домашние хозяйства с душевым доходом выше среднего по стране уровня (в данном случае мы берем верхние 40% населения) имеют более высокий потенциал участия в ипотеке, чем остальные. Кроме того, в силу высокой межрегиональной дифференциации доходов населения данный индикатор выделяет население богатых регионов, в которых институт ипотеки более развит.

Известно, что положительным фактором участия в ипотечном кредитовании является наличие предыдущего опыта заимствования [Российские домохозяйства ..., 2008; Ибрагимова, Бурдяк, 2007]. В домен доходов и активов добавлен индикатор наличия опыта участия в потребительском кредитовании: на сегодняшний день более половины семей (57,6%) уже брали потребительские кредиты.

Финансовые активы домашнего хозяйства мы наблюдаем по наличию второго жилья у кого-нибудь из членов домашнего хозяйства (10,8%) или сбережений. Так как респонденты обычно неохотно отвечают на вопросы о наличии сбережений и склонны занижать их размер, мы учитываем не все сбережения, а только наиболее существенные по объему, которых достаточно семье на полгода текущего потребления. Наличие сбережений мы в большей степени воспринимаем как показатель финансовой дисциплинированности потенциального заемщика, умения откладывать деньги. Для первоначального взноса по ипотеке, мы полагаем, домашнее хозяйство использует жилье, в котором проживает, или продаст другое имущество.

НАМЕРЕНИЯ

Все вопросы о намерениях и уверенности задавались в единой временной рамке, на ближайшие три года¹⁶. В анкете присутствует прямой вопрос о намерениях брать кредит на приобретение недвижимости — квартиры, дачи, на ремонт жилья или благоустройство участка. Положительный ответ (11,3%) вошел в число основных признаков для стратификации выборки как индикатор намерений респондентов брать кредит.

Мы считаем, что респондент имеет реальный потенциал стать участником ипотеки, если наиболее вероятным изменением своих жилищных условий в ближайшие три года он считает покупку жилья (в том числе после продажи имеющегося), а также строительство или обмен жилья (8,5% опрошенных). При этом из широкого набора возможных источников средств, которые они собираются привлечь для улучшения жилищных условий, 6,6% планируют

¹⁶ Данный блок вопросов КПДХ строго соответствует методологии международного исследования «Gender and Generation Survey», в котором принимает участие и Россия.

брать ипотечный кредит, социальную (молодежную) ипотеку, жилищный (не ипотечный) кредит (т. е. кредит под залог не жилья, а другого имущества), а также обычный потребительский кредит (кредит на неотложные нужды), кредит на любые цели. Оба индикатора — покупка жилья и намерения брать кредит — включены в базовый набор для стратификации. Кроме кредитов будущие заемщики могут использовать собственные средства, сбережения, взять займы у родственников, продать недвижимость и другое имущество. Здесь респондент мог указать несколько источников, но для данного домена мы выбрали только привлечение кредитных ресурсов.

Перейдем к описанию дополнительных признаков домена, которые включены для построения индекса потенциала участия в ипотечном кредитовании. Это еще два показателя намерений и набор признаков уверенности. При ответе на вопрос: «В случае нехватки средств на приобретение чего-либо как вы поступите?» более чем четверть домашних хозяйств (26,3%) ответили, что готовы брать кредит в банке. Следовательно, мысль о том, что они могут стать заемщиками, является для них приемлемой, и психологический барьер участия в потребительском кредитовании отсутствует. Готовность респондентов жить займы является важной составляющей потенциала участия в ипотеке.

Положительным фактором для принятия решения об ипотеке является также мнение респондента, что сейчас хорошее время для покупки жилья. Так ответили более половины опрошенных (51,2%). Это ожидаемый эффект снижения цен на жилье и повышения его доступности в результате экономического кризиса, и мы считаем данный индикатор дополнительным аргументом в пользу участия в ипотеке.

Наиболее распространенным среди признаков уверенности является уверенность респондентов в том, что они в течение ближайших трех лет смогут сильно или довольно сильно контролировать свои жилищные условия. Так считают 51,6% опрошенных. Высокая уверенность отчасти обусловлена высокой инерционностью жилищной обеспеченности в России, где, в отличие от западных стран, наблюдается низкая мобильность населения. Многие семьи не меняют жилье по несколько десятилетий, и при условии, что они и дальше не собираются ничего менять, они ощущают высокую степень контролируемости своих жилищных условий.

Уверены в возможности контроля своего финансового положения (сильно или очень сильно) 32,7% опрошенных. Считают, что смогут контролировать работу в ближайшие три года 29,9% респондентов. Уверенность является важной компонентой участия в ипотечном кредитовании, так как исходя из видения перспектив своего финансового положения и занятости потенциальный заемщик выстраивает финансовую стратегию и принимает решение об обращении за кредитом.

СТРАТИФИКАЦИЯ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ ПО ПЕРСПЕКТИВАМ УЧАСТИЯ В ИПОТЕКЕ

На основе описанных выше признаков жилищной обеспеченности российских домашних хозяйств, их доходов и желания улучшать свои жилищные условия разделим семьи на группы согласно их возможностям предъявлять спрос на ипотеку в ближайшем будущем. Домашние хозяйства, у которых

совпадают потребность в улучшении жилищных условий, доходные возможности семьи и намерения улучшить жилищные условия, мы считаем потенциальными участниками ипотеки.

Перечислим характеристики, на основе которых стратифицируется выборочная совокупность, и которые были описаны выше.

Потребность определяется следующими объективными характеристиками жилищных условий и субъективной компонентой:

- тесное по площади жилье;
- тесное по количеству комнат жилье;
- съемное жилье;
- жилище — это коммунальная квартира или отдельная комната в чужой квартире;
- сложное домашнее хозяйство: многопоколенная семья, наличие других взрослых кроме партнера респондента;
- субъективная потребность: респондент считает свои жилищные условия плохими или очень плохими.

Наличие, по крайней мере, одного из перечисленных признаков стесненности жилищных условий мы считаем мотивом участия в ипотеке. По данным КПДХ, почти три четверти семей (73,9%) имеют субъективную или объективную потребность в улучшении жилищных условий.

Доходные возможности домашнего хозяйства участвовать в ипотеке представляют собой индикатор, отражающий достаточность текущих трудовых доходов семьи для оплаты ежемесячного взноса по ипотеке. 22,6% семей могли бы участвовать в ипотеке по доходному признаку.

Наличие намерений улучшить или менять жилищные условия в течение трех лет — это признак, включающий тех респондентов, кто собирается:

- переезжать;
- брать кредит на жилье или ремонт жилья;
- менять, покупать, строить жилье;
- использовать заемные средства на улучшение жилищных условий.

Хотя бы один положительный ответ на перечисленные вопросы означает, что домохозяйство намерено улучшить жилищные условия в ближайшие три года. Таких 22,8% опрошенных.

Пересечение трех указанных компонент потенциала участия населения в ипотечном кредитовании (рис. 1) показало следующее:

- нет ни потребности, ни возможности, ни желания улучшить жилищные условия у 19,9% семей. Эта группа домашних хозяйств благополучна по признакам жилищной обеспеченности и с точки зрения развития жилищного кредитования не представляет интереса по причине недостаточности доходов;
- один признак из трех есть у 47,3% семей. Эти домашние хозяйства обладают низким потенциалом участия в ипотечном кредитовании в ближайшем будущем. У подавляющего большинства из них (42,3%) есть потребность в улучшении жилищных условий, но нет ни возможности, ни намерений. Еще 2,4% могли бы участвовать в ипотеке, но не нуждаются в улучшении жилищных условий и не хотят покупать жилье. И 2,6% обследованных семей намерены улучшить жилищные условия, несмотря на то что по наблюдаемым

Рисунок 1. Распределение семей согласно потребности, возможности и желанию улучшить свои жилищные условия, процент

Примечание. На диаграмме не показаны 19,9% семей, у которых нет ни одного из трех признаков.

Источник: рассчитано по данным КПДХ-2010.

характеристикам они не нуждаются в улучшении и уровень доходов им пока не позволяет взять кредит на стандартную квартиру;

- два признака из трех наблюдаются у 26,3% домашних хозяйств. Эта группа составляет резерв для расширения ипотеки и будет входить в программу по мере преодоления барьеров, к которым мы вернемся позже;
- имеют потребность, могут и намерены улучшить жилищные условия 6,5% семей. Это реальный потенциал развития ипотеки в России.

Каковы барьеры входа в ипотеку с точки зрения потребностей, возможностей и намерений российских семей? Рассмотрим их только для 26,3% домашних хозяйств, у которых есть два признака из трех.

- *Инвестиционное жилье.* 1,2% респондентов могут и намерены участвовать в ипотечном кредитовании при отсутствии явных мотивов для улучшения жилищных условий. Можно считать, что они будут приобретать жилье с инвестиционными целями, например, для детей, поэтому их можно включить в группу с реальным потенциалом, которая увеличится до 7,7%.
- *Не хватает доходов.* У 12,5% семей есть потребности и намерения улучшить жилищные условия, но не хватает доходов для выплат по ипотеке за стандартную квартиру. Это самая перспективная группа с точки зрения развития ипотечного кредитования, и она будет постепенно вливаться в число заемщиков при следующих изменениях ситуации. Во-первых, это рост уровня доходов домашнего хозяйства с опорой на образовательные ресурсы и дополнительную занятость членов домашнего хозяйства. Во-вторых, они могут приобрести небольшое жилье в дополнение к уже имеющемуся. В-третьих, при повышении доступности жилья в стране через расширение строительства жилья эконом-класса, снижение себестоимости строитель-

ства, при опережающем росте доходов населения и при снижении ставок по ипотеке приобретение жилья станет для них реальным.

- *Не хотят.* 12,6% домашних хозяйств имеют достаточный для модельного ипотечного кредита трудовой доход и живут в стесненных жилищных условиях, но не проявляют намерений к приобретению жилья и к улучшению своих жилищных условий. Мы не имеем возможности отследить мотивы такого поведения, но основные причины кроются в следующем: (1) низкие стандарты жилищной обеспеченности в России, когда все живут в тесном жилье и это считается нормой; (2) рациональное экономическое поведение и проживание в небольшом жилье в целях экономии на расходах на жилье и коммунальных услугах; (3) вынужденное проживание в домашнем хозяйстве членов семьи в случае необходимости ухода; (4) невозможность приобрести жилье в удобном районе по «среднестатистической» цене модельных расчетов; (5) недоверие к кредитованию, понимание дороговизны приобретения жилья в кредит и нежелание брать на себя риски; (6) существование других перспектив решения жилищного вопроса, таких как расселение дома, предоставление жилья очередникам или получение наследства.

Индекс потенциала участия в ипотеке

Методология построения индекса потенциального участия в ипотечном кредитовании стандартна для исследований доступа населения к материальным или институциональным благам [Овчарова и др., 2010]. Если в обществе есть несколько видов барьеров доступа, довольно разнородных по своей природе, то возникает необходимость их сопоставления и одновременного учета. Задача решается построением количественной шкалы (например, шотландский индекс деприваций), которая позволяет исследователям и политикам определять наиболее уязвимые группы населения и направлять действие социальной политики в те сектора общества, где эффект от воздействия будет максимальным. Индексный подход широко применяется для внутристрановых, межстрановых и межрегиональных сравнений, например, индекс развития человеческого потенциала [Доклад ..., 2010], индекс возможности человеческого потенциала [The Human ..., 2009].

Сложность построения индекса состоит в попытке измерить величину напрямую, сложно наблюдаемую и многоаспектную по своей природе [Айвазян, 2003; Бурдяк, 2010]. Эта проблема решается с помощью синтетического показателя, основанного на целом наборе признаков, прямых и косвенных, которые отражают суть измеряемого понятия, в данном случае — потенциала участия в ипотечном кредитовании. Признаки собираются в смысловые группы, домены, и залог успеха в построении индекса состоит в *согласованности* этих групп. Значение шкалы домена рассчитывается как нормированная взвешенная сумма компонент. Вклад каждой из компонент определяется на основе метода главных компонент. Мы нормируем значения до интервала от 0 до 100, а затем вычисляем итоговый индекс как среднее арифметическое трех подиндексов доменов. Интегральный индекс потенциала участия домашних хозяйств в ипотечных программах строится на основе данных о жилищных условиях, экономической активности

и доходной обеспеченности, намерениях по решению жилищной проблемы и приоритетах в выборе средств для её решения, которые были описаны выше. Опишем компоненты индекса (см. приложение).

Жилищные условия. Домен показателей дефицита жилищных условий демонстрирует среднюю степень согласованности, альфа Кронбаха равен 0,438. Наиболее ортогональными к латентной переменной жилищных лишений являются год постройки до 1970 г., необходимость капитального ремонта и проживание в съёмном жилье. Исключение данных компонент могло бы повысить статистическую согласованность рассматриваемого набора признаков, но лишило бы его смысловой полноты. Поэтому мы их оставляем, понимая, что абсолютный вклад данных компонент в итоговую шкалу, измеряющую необходимость улучшения жилищных условий как мотив участия в ипотеке, и сам потенциал, будет невысокий.

Доходы и финансовые активы тоже в средней степени согласованы, альфа Кронбаха составляет 0,467 (выше 0,4), и этого достаточно для того, чтобы воспринимать представленный набор признаков как характеристику единой ненаблюдаемой переменной доходов и активов, фактора потенциала участия домашних хозяйств в ипотеке. Максимальное значение 100 будут иметь домашние хозяйства, у которых есть все восемь указанных признаков, а минимальное значение шкалы 0 присваивается домашним хозяйствам, для которых ни один из перечисленных доходных и имущественных критериев не выполнен.

Корреляция компонент с итоговой шкалой домена показывает, что лучше всего работают: индикатор занятости в регистрируемом сегменте, высокий душевой совокупный доход и возможность платить по ипотеке, рассчитанная на основе трудовых доходов домашнего хозяйства и региональных цен на жилье. Наиболее ортогональны к итоговому признаку диверсифицированность доходов домашнего хозяйства и наличие сбережений — эти две компоненты вносят небольшой вклад в итоговую шкалу, но обеспечивают надежность результата и широту набора аспектов домена.

Намерения и уверенность. Признаки хорошо согласованы, коэффициент альфа Кронбаха равен 0,605. Корреляции частных признаков со шкалой домена показывают, что готовность жить в займы и мнение, что сейчас хорошее время для покупки жилья, наименее согласованы с остальными показателями и вносят минимальный вклад в итоговый измеритель намерений и уверенности. Но, в отличие от предыдущих двух доменов, домен намерений оказывается гораздо более согласованным по структуре, поэтому и минимальный вклад выше.

Самый мощный объясняющий фактор в наборе — возможность контролировать свою работу, на втором месте контроль финансового положения и намерения осуществлять обмен, покупку и строительство жилья. Остальные факторы в итоговом синтетическом показателе тоже представлены.

Индекс потенциала строится как среднее арифметическое трех компонент по доменам и дает возможность сопоставить потенциал участия в ипотечном кредитовании различных групп домашних хозяйств. Среднее значение индекса составляет 33,6 (табл. 1), и самым высоким потенциалом участия в ипотеке обладают смешанные домохозяйства пенсионеров и непенсионеров с детьми — в 1,3 раза выше, чем в среднем по выборке. Экстремально низкий потенциал у домашних хозяйств пенсионеров (в 2 раза ниже среднего), и, как показывают частные индексы, домохозяйства пенсионеров «проигрывают»

Таблица 1. Средние значения индекса и его компонент для различных социально-демографических групп домашних хозяйств. Социально-демографический профиль потенциальных участников ипотеки

Тип домохозяйства	Потенциал участия в ипотеке	Домены			Доля группы, процент по столбцу	
		доходы	жилищные условия	намерения	в верхнем квартиле	в выборке
Молодая семья без детей	39	55,2	22,9	39	3,8	3,7
Молодая семья с детьми	39,4	46,1	37,7	34,5	4,6	3,4
Немолодая семья с детьми	41,8	44	51,4	30	38	24,5
Немолодая семья без детей	33,3	44,5	29	26,4	15,7	18,8
Домохозяйство взрослых: непенсионеры и пенсионеры	35,2	44,9	39,2	21,6	17,6	17
Многопоколенная семья: непенсионеры, пенсионеры и дети	43,9	45	61,5	25,3	18,6	10,7
Семья пенсионеров	16,6	21,9	14,8	13,1	1,7	21,9
Все домашние хозяйства	33,6	40	36,7	24,2	100	100

Источник: рассчитано по данным КПДХ-2010.

остальным семьям и по доходам (в 2 раза), и по намерениям (в 2 раза), и особенно по потребности в улучшении жилищных условий (в 2,5 раза).

Смешанные домохозяйства пенсионеров и непенсионеров с детьми лидируют по потенциалу участия в ипотеке за счет домена потребностей в улучшении жилищных условий, которые у них в 1,7 раза выше, чем в среднем по выборке. На втором месте по потребностям в жилье домохозяйства с детьми, в которых родители старше 30 лет (немолодая семья с детьми).

Доходная обеспеченность наиболее благоприятна для участия в ипотеке у молодых семей без детей (в 1,4 раза выше средней). Но в силу того, что категория молодых семей в выборке слишком малочисленна, для неё сложно делать устойчивые выводы. Следует отметить, что все типы семей показывают примерно одинаковый средний уровень доходов и финансовых активов, за исключением молодых семей и домашних хозяйств пенсионеров.

По намерениям лидируют самые молодые семьи, без детей (в 1,6 раза выше), а многопоколенные семьи, у которых самая высокая потребность в улучшении жилья и доходы которых на уровне средних, не выделяются высоким оптимизмом по поводу улучшения своих жилищных условий. Таковы различия социально-демографических групп на уровне средних значений потенциала.

Целевую группу развития ипотечного кредитования составляют домашние хозяйства, у которых индекс потенциала принимает наибольшие значения. Мы выделили 25% таких семей, верхний квартиль по потенциалу.

Какие типы семей чаще попадают в число потенциальных участников и какие типы домашних хозяйств преимущественно составляют группу резерва для развития ипотеки в России?

Многопоколенные семьи или домохозяйства пенсионеров и непенсионеров с детьми составляют около 10% семей; почти половина из них имеет высокий потенциал участия в ипотеке — многопоколенные семьи составляют около 20% целевой группы. На втором месте семьи с детьми (немолодые семьи) — почти 40% из них в верхнем квартиле по потенциалу; именно этот тип семей составляет самую весомую часть (38%) целевой группы. Также среди лидеров каждая третья молодая семья с детьми.

Рассчитанный индекс потенциала участия в ипотеке позволяет сравнить ситуацию в разных типах населенных пунктов. Бесспорными лидерами по перспективам развития ипотеки являются областные центры, где сконцентрировано более половины потенциальных заемщиков (53%). Около четверти опрошенных нами домохозяйств проживают в сельской местности, и этот тип поселения обеспечивает 15% высокого потенциала участия населения в ипотечном кредитовании. Мы наблюдаем довольно низкую дифференциацию средних значений потенциала и его компонент в поселенческом разрезе. Наиболее сильный разрыв различных типов населенных пунктов по домену доходов — в 1,41 раза; различия в потребностях улучшения жилищных условий составляют максимум в 1,24 раза; самая низкая поселенческая дифференциация наблюдается по домену намерений и уверенности — в 1,16 раза. Учитывая, что ипотечное кредитование еще не прошло стадию восстановления после кризиса, есть смысл сконцентрироваться на узких сегментах развития. В данном ракурсе таковыми являются нестоличные города, где проживает около 27% семей с высоким потенциалом участия, и как раз эта группа заемщиков могла бы стать точкой роста ипотеки в России.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование жилищных условий населения и потенциала участия в ипотечном кредитовании на основе репрезентативного обследования домашних хозяйств КПДХ подтверждает вывод о том, что основной проблемой жилищной обеспеченности населения сегодня является теснота жилья. Большинство российских семей проживает в тесном жилье, это стало социальной нормой, поэтому далеко не все опрошенные, проживающие в тесном по социальным нормативам жилье, склонны считать свои жилищные условия плохими.

Сравнение доходов домашних хозяйств с ценами на жилье показало, что около 23% семей могли бы участвовать в ипотечном кредитовании: их зарплаток хватает для того, чтобы платить ежемесячный взнос, не превышающий половину трудового дохода. Данная цифра почти совпадает с показателем доступности приобретения жилья, рассчитанным Институтом экономики города. Но далеко не все домашние хозяйства с высоким доходом намерены приобретать жилье. Рассмотрение сочетания доходных возможностей, потребностей в улучшении жилищных условий и намерений покупать жилье сокращает группу потенциальных участников до 6,5% семей. Если еще учитывать 1,2% семей, не нуждающихся в улучшении жилищных условий, но готовых предъявлять инвестиционный спрос на ипотечные кредиты, то реальный потенциал развития ипотеки в России составляет 7,7% домашних хозяйств. Следовательно, потенциал развития ипотеки в стране в три раза ниже, чем показатели доступности жилья.

Наиболее перспективной с точки зрения будущего участия в ипотечном кредитовании является группа семей, у которых есть потребности и намерения улучшать жилищные условия, но не хватает уровня доходов (12,5% семей). Именно эта категория домашних хозяйств представляет наибольший интерес с точки зрения развития ипотеки. При условии роста доходов и увеличении доступности жилья для приобретения эти семьи будут предъявлять спрос на ипотечные продукты в ближайшем будущем.

Численное измерение индекса потенциала участия в ипотеке, основанное на широком наборе индикаторов, в числе которых — доходы, финансовые активы, потребность в улучшении жилищных условий, намерения улучшить условия проживания, уверенность респондента в возможности контролировать свою работу, доходы и жилищные условия, показало, что основные перспективы развития ипотечного кредитования связаны с предоставлением кредитов семьям с детьми. Это и простые семейные ячейки с детьми, и сложные многопоколенные домашние хозяйства. В поселенческом разрезе максимальный потенциал роста ипотечного кредитования у региональных столиц, но и жители нестоличных городов демонстрируют высокий уровень потенциала, что требует развития ипотечного кредитования и в этих населенных пунктах.

В связи с намеченными векторами развития ипотечного кредитования отметим, что основные риски состоят во временной или долгосрочной потере платежеспособности заемщика, а также в флуктуациях цен на жилье. Несмотря на то что устойчивость занятости и доходов максимально учитывается на этапе выдачи кредита, риск дефолта всегда существует, так как ипотека — продукт долгосрочный. Потребность в реструктуризации задолженности по ипотечным кредитам может возникнуть не только на этапе экономического кризиса, но и в связи со сменой этапов жизненного цикла семьи, например с рождением детей или с разводом родителей. Следовательно, институт реструктуризации является неотъемлемой частью развития ипотеки. Расширяя географию ипотечного кредитования, следует в первую очередь обращать внимание на развитость рынка жилья в населенном пункте для обеспечения реализации объекта ипотеки в случае дефолта. В субъектах федерации с устойчивым миграционным притоком населения спрос на жилье и цены будут поддерживаться даже при неблагоприятных внешних условиях, и здесь риски расширения ипотечной программы низкие.

ЛИТЕРАТУРА

- Айвазян С. А.* К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39, № 2. С. 33–53.
- Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Чесалкина Е. Ю.* Основные показатели доходов и уровня жизни населения по субъектам Российской Федерации (Мониторинг доходов и уровня жизни населения России: июль–сентябрь 2011 г.) // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 10. С. 70–83.
- Бурдяк А. Я.* Ипотечное кредитование в России: портрет заемщика // SPERO. 2009. № 11. Осень–зима. С. 61–76.
- Бурдяк А. Я.* Обеспеченность населения России жильем: региональные и социально-демографические особенности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2008. № 4 (8). С. 3–17.

Бурдяк А. Я. Субъективные и объективные оценки жилищной обеспеченности российских домашних хозяйств // X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в трех книгах. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. Кн. 1. С. 474–482.

Бурдяк А. Я., Овчарова Л. Н. Доступность жилья: возможности населения и поддержка государства // Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / под ред. Т. М. Малевой. М.: НИСП, 2007.

Грушина О. В. Жилищный вопрос в РФ: решение в рамках новой экономической парадигмы // Мир России. 2011. № 2. С. 125–141.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010 / под ред. С. Н. Бобылева. М.: ПРООН, 2010. С. 152.

Жилищная экономика / под ред. Генри Поляковского; пер. с англ. М.: Дело, 1996.

Ибрагимова Д. Х., Бурдяк А. Я. Российское население: потребитель, заемщик, кредитор // Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / под ред. Т. М. Малевой. М.: НИСП, 2007. С. 255–301.

Малева Т., Овчарова Л. Рекомендации по долгосрочным и краткосрочным мерам в социальной политике // Экономическая политика. 2010. № 1. С. 15–26.

Мальгинов Г., Стерник Г. Российский рынок жилья в 2010 г.: стагнация и начало восстановления // Российская экономика в 2010 году. Тенденции и перспективы. Вып. 32. М.: Институт Гайдара, 2011. С. 515–534.

Милоков А. Кредитование и экономический рост в России на современном этапе // Аналитический банковский журнал. 2010. № 9 (183) сентябрь. С. 42–46.

Овчарова Л. Н., Пишняк А. И., Попова Д. О. Измерение и анализ благосостояния: возможные подходы на основе данных РИДМЖ // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 377–420.

Овчарова Л. Н., Языков А. Д. Какие продукты на рынке ипотечного кредитования могут стать драйверами модернизационного развития // SPERO. 2010. № 13. Осень-зима. С. 43–68.

Основы ипотечного кредитования / науч. ред. и рук. авт. кол. Н. Б. Косарева. М.: Фонд «Институт Экономики города»: ИНФРА-М, 2007.

Показатели доступности жилья в России, 2011 // Сайт Института экономики города [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urbanconomics.ru/>, свободный.

Полтерович В. М., Старков О. Ю. Формирование ипотеки в догоняющих экономиках: проблема трансплантации институтов. М.: Наука, 2007.

Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение: сборник аналитических статей / отв. ред. Л. Н. Овчарова — М.: Независимый институт социальной политики, 2008.

Стерник Г. М., Стерник С. Г. Анализ рынка жилья для профессионалов. М.: Экономика, 2009.

The Human Opportunity Index — Measuring Inequality of Opportunities in Latin America and the Caribbean. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2009.

Ferreira F., Gignoux J. Toward an Understanding of Socially Inherited Inequalities in Educational Achievement: Evidence from Latin America and the OECD. Washington, DC: World Bank, 2008. URL: <http://www.worldbank.org/lacopportunity>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 2. Характеристики согласованности компонент трех доменов индекса и распространенность входящих в них признаков

Домен и его компоненты	Корреляция компоненты с итоговой шкалой	Согласованность набора без данной компоненты	Вклад компоненты в шкалу домена	Доля домохозяйств, обладающих данным признаком, процент
Домен «Жилищные условия»				
Тесно, площадь меньше социальной нормы 18/42/33 ***	0,466	0,244	0,851	47,9
Тесно, комнат меньше чем по одной на каждого проживающего ***	0,476	0,239	0,863	42,7
Тесно, есть другие взрослые кроме респондента и партнера ***	0,173	0,417	0,44	47
Тесно, проживают в общежитии, коммуналке, части квартиры ***	0,126	0,429	0,316	7,2
Проживают в съемном жилье ***	-0,047	0,467	-0,011	5,3
Субъективно плохое или очень плохое жилье ***	0,231	0,393	0,396	12,2
Нужен капитальный ремонт	0,023	0,473	0,06	20,2
Дом построен до 1970 г.	0,043	0,48	0,081	37,4
Согласованность домена, альфа Кронбаха	0,438			
Домен «Доходы»				
Могут платить по ипотеке, ежемесячный платеж <= 50% трудового дохода***	0,277	0,402	0,648	22,6
Есть занятые в регистрируемом сегменте	0,376	0,344	0,676	69,4
Диверсифицированность источников доходов	0,097	0,485	0,193	24,7
Сбережений хватит на полгода и более	0,043	0,493	0,096	12,9
Есть опыт участия в потребительском кредитовании	0,217	0,432	0,536	57,6
Есть второе жилье: квартира, часть квартиры, комната в коммунальной квартире	0,202	0,439	0,425	10,8
По совокупному душевому доходу домохозяйство относится к верхним 40% выборки	0,316	0,375	0,614	39,9
Согласованность домена, альфа Кронбаха	0,467			
Домен «Намерения и уверенность»				
Собираются переезжать в течение трех лет ***	0,241	0,588	0,475	11,0
Собираются брать кредит на жилье или ремонт в течение трех лет ***	0,289	0,578	0,532	11,3
Собираются осуществить обмен, покупку, строительство жилья в ближайшие три года ***	0,291	0,58	0,572	8,5

Продолжение на следующей странице

Таблица 2 (продолжение). Характеристики согласованности компонент трех доменов индекса и распространенность входящих в них признаков

Домен и его компоненты	Корреляция компоненты с итоговой шкалой	Согласованность набора без данной компоненты	Вклад компоненты в шкалу домена	Доля домохозяйств, обладающих данным признаком, процент
Собираются использовать заемные средства на улучшение жилищных условий ***	0,289	0,582	0,548	6,6
Готовы брать кредит в случае нехватки средств	0,166	0,611	0,318	26,3
Считают, что сейчас хорошее или скорее хорошее время, чтобы покупать жилье	0,194	0,609	0,327	51,2
Считают, что смогут довольно сильно или очень сильно контролировать свои жилищные условия	0,352	0,558	0,505	51,6
Считают, что смогут довольно сильно или очень сильно контролировать свое финансовое положение	0,424	0,534	0,582	32,7
Считают, что смогут довольно сильно или очень сильно контролировать свою работу	0,443	0,529	0,606	29,9
Согласованность домена, альфа Кронбаха	0,605			

Примечание. *** Признаки, по которым проводилась стратификация выборки.

Источник: рассчитано по данным КПДХ-2010.

**РОССИЙСКИЙ РАБОТНИК:
ОБРАЗОВАНИЕ, ПРОФЕССИЯ, КВАЛИФИКАЦИЯ**

Синявская О.В., к.э.н., заместитель директора НИСП

Есть авторы и авторские коллективы, чьи фамилии служат гарантией того, что выходящие у них публикации не могут быть некачественными, неинтересными и неактуальными. Они могут быть провокационными, будящими мысль, вызывающими споры, но никак не проходными. К таким авторам, безусловно, относится группа исследователей под руководством В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшникова, несколько лет назад начавшая радовать читателей серией монографий по различным аспектам российского рынка труда.

Третья в этой серии монография «Российский работник: образование, профессия, публикация», выпущенная Издательским домом ВШЭ в 2011 г., как отмечают сами авторы, посвящена обсуждению проблемы накопления и использования человеческого капитала. В ней впервые на высоком научном уровне анализируются вопросы адекватности полученного образования профессиональной структуре, соответствия специальности по диплому и сферы занятости, исследуется ситуация с подготовкой на производстве. В отдельных главах новой книги авторы развивают тему дифференциации заработной платы, поднятую в рамках предыдущей монографии («Заработная плата в России», ИД ГУ ВШЭ, 2007), обсуждая вопросы отдачи от образования, в том числе высшего, в том числе в региональном разрезе, и анализируя роль профессий в формировании неравенства в заработках. Несмотря на то что, как подчеркивают редакторы данной книги, в ней собраны статьи, написанные в рамках различных проектов, не объединенных общей программой исследования, она представляет собой целостный научный труд, в котором каждая глава раскрывает какую-то новую грань изучаемой проблемы.

Читать данную монографию очень увлекательно. Она убедительно опровергает множество мифов, которые существуют вокруг образования и занятости в России. В частности, мифа о высоком качестве российского образования, о дефиците квалифицированных работников, о перепроизводстве экономистов, юристов и ряда других. Авторы показывают, почему рост численности работников с третичным образованием не приводил до сих пор к снижению отдачи от него и каким образом недостаток квалифицированных рабочих, о котором так часто говорят работодатели, может сосуществовать с сокращающимся спросом на эту категорию занятых.

Книга представляет собой *эмпирическую работу* по использованию человеческого капитала. Однако ее ценность выходит за рамки научно обоснованных и зачастую впервые для России полученных оценок того или иного аспекта человеческого капитала. И для студентов, и для опытных исследователей эта публикация может быть полезна и интересна, во-первых, с точки зрения грамотного соединения эмпирического анализа с существующим теоретическим аппаратом: то есть того, как авторы формулируют гипотезы исследования и интерпретируют полученные результаты. Кроме того, несомненный интерес представляют разнообразные методы статистического и эконометрического анализа, использованные в монографии. Наконец, читатель, не очень хорошо знакомый с западными работами в данной области, может получить представление о том, насколько уникальна российская ситуация и как полученные авторами данной книги результаты соотносятся с аналогичными результатами по другим странам.

В *первой главе* рассматриваются основные тенденции эволюции человеческого капитала за прошедшие два десятилетия новейшей истории России. Анализируя российскую ситуацию на основе статистических публикаций Росстата, микроданных Обследований населения по проблемам занятости (ОНПЗ), Обследований заработной платы по профессиям (ОЗПП), Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) и Национального обследования благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС), авторы приходят к парадоксальному, на первый взгляд, выводу о том, что рост и сохранение на достаточно высоком уровне норм отдачи от образования связаны с тем, что в 2000-е гг. спрос на высококвалифицированную рабочую силу опережал ее растущее предложение (С. 111). Из сравнения количественных и качественных параметров образования в России с другими странами следует, что, несмотря на мировое лидерство по доле лиц с третичным образованием, качество российского образования остается низким (и снижается). Кроме того, по величине расходов на образование Россия уступает даже государствам с сопоставимым уровнем дохода, не говоря уже о странах с сопоставимым уровнем охвата населения образованием. При этом в нынешних институциональных рамках — легкости поступления в вуз (если речь не идет о вузах-лидерах), низкой стоимости обучения, возможности совмещать учебу с работой и т. п. — авторы не видят причин и возможностей для снижения спроса на высшее образование, превратившееся уже в социальную норму, даже если нормы отдачи от высшего образования сократятся.

Более того, развивая аргументы авторов этой книги о причинах массового спроса на высшее образование, следует отметить, что повышенный спрос на высшее образование может быть следствием провалов в социальной политике. Так, например, известно, что в англосаксонских странах, где социальная политика традиционно играет роль «последнего прибежища», именно образование позволяет достичь более высокого уровня благосостояния и защитить от рисков на рынке труда.

Вторая и третья главы посвящены вопросам отдачи от образования на уровне России в целом и ее отдельных регионов. Здесь следует отметить набирающий популярность на Западе, но новаторский для отечественной аудитории метод мета-регрессионного анализа, примененный во второй главе для того, чтобы обобщить различные (порядка 200!) оценки величины и динамики отдачи от образования в современной России, полученные разными исследователями в разное время на основе различных данных и методических подходов. Применение мета-анализа позволило оценить вклад, который вносят в разброс эмпирических оценок методы оценивания, способы конструирования переменных заработной платы и образования, состав переменных, включаемых в регрессионные уравнения (прежде всего территориальных и характеризующих форму собственности предприятия). Результаты мета-анализа зафиксировали начавшуюся с середины 2000-х гг. тенденцию сокращения отдачи от образования, что, однако, по мнению авторов, вряд ли приведет к падению спроса на высшее образование. В третьей главе, развивая тему отдачи от высшего образования на уровне регионов, авторы приходят к важному выводу о том, что вопреки традиционным рекомендациям развивающимся странам с высокой отдачей от образования увеличивать инвестиции в образование, не следует применять эту стратегию в российских регионах, где отдача от высшего образования наиболее высока, поскольку более высокая отдача наблюдается в менее благополучных регионах: менее привлекательных для проживания, с более высокой безработицей и более высокой занятостью в бюджетном секторе.

Обсуждение вопросов дифференциации заработков продолжается в *шестой главе*, где оценивается роль, которую играют в формировании этого неравенства профессии. Один из важных результатов состоит в том, что величина отдачи от образования варьирует по профессиям.

Предметом анализа в *четвертой и пятой главах* выступает соответствие полученного образования и фактического занятия. В четвертой главе акцент делается на соответствие уровня полученного образования тому, что требуется для выполнения работы, тогда как в пятой главе впервые обсуждаются вопросы занятости лиц с третичным образованием не по специальностям.

Проблема избыточной или недостаточной образованности исследуется с помощью метода субъективной оценки на основе ответов респондентов РМЭЗ на вопросы о том, профессиональное образование какого уровня необходимо для выполнения их нынешней работы, а также того, в какой степени нынешняя работа респондента требует полученного им уровня образования. Указанные данные и методология позволяют авторам выйти на следующие оценки: избыточный уровень образования наблюдается примерно у каждого четвертого работника (22 и 29% в зависимости от метода оценки), а недостаточный — почти у каждого десятого (6 и 14% соответственно). Несмотря на то что методы субъективной оценки активно используются для исследования данного вопроса и в зарубежных исследованиях, это может приводить к завышению оценок расхождения уровня образования и квалификационных требований работы [Groot & Maassen van den Brink, 2000]. Кроме того, следует

учитывать, что субъективные оценки адекватности уровня образования зависят в большей степени от того, в какой мере человеку удалось реализовать свои ожидания относительно дохода и социального статуса, нежели от формального соответствия полученных им навыков и знаний технологическим требованиям занимаемого им рабочего места [Burriss, 1983]. Возможно, именно по этой причине (недостаточная реализованность ожиданий) уровень избыточной образованности, зафиксированный в России, немного выше, чем аналогичные оценки для западных стран, а уровень недостаточной образованности, напротив, ниже. При этом, по оценкам авторов, «штраф» за избыточное образование в России выше, чем в западных странах. Рассматривая три возможных объяснения причин избыточной «сверхобразованности» на российском рынке труда — (а) ненаблюдаемые различия в качестве человеческого капитала, (б) неэффективность механизмов соединения работников и рабочих мест («матчинга») и (в) нестыковку структуры предложения рабочей силы со структурой спроса на труд (дефицит рабочих мест, требующих наличия третичного образования), сами авторы считают наиболее весомым третье объяснение.

Масштабы работы не по специальности, полученные на основе микроданных ОНПЗ и представленные в пятой главе, выше, чем масштабы «сверхобразованности». По оценкам авторов, среди лиц с высшим образованием по специальности работает от трети до половины (в зависимости от используемого определения), а среди лиц со средним профессиональным образованием — еще меньше. При этом авторы опровергают распространенное представление о перепроизводстве экономистов и юристов: результаты анализа свидетельствуют о том, что не по специальности (в том числе со снижением статуса) чаще работают обладатели технических специальностей.

Еще один миф — о дефиците квалифицированных работников — разбирается в *седьмой главе* монографии. Анализируя микроданные опросов работодателей, авторы приходят к выводу о том, что жалобы на дефицит квалифицированных кадров чаще всего исходят от неэффективных предприятий, которые не могут ни привлечь, ни удержать имеющуюся на рынке квалифицированную рабочую силу. Сопоставляя результаты анализа данной проблемы со стороны спроса на труд с анализом со стороны предложения труда, авторы заключают, что «в заданных сегодня институциональных условиях нашей промышленности в целом не очень-то и нужны квалифицированные работники. И те, что есть, ей зачастую в тягость» (С. 459).

Наконец, проблема обучения на рабочем месте, лишь бегло рассмотренная в *седьмой главе*, становится предметом подробного изучения в *восьмой главе*. Большим достоинством приведенного здесь анализа данной проблемы является то, что он выполнен как со стороны предприятий, то есть тех, кто обучает (данные опроса руководителей предприятий ИЭПП), так и со стороны населения — тех, кто обучается (данные РМЭЗ). Результаты анализа позволяют авторам объяснить недостаток обучения на рабочем месте, наблюдаемый в России, тем, что здесь основным каналом повышения производительности труда и заработков выступает не обучение, а «матчинг» (С. 509).

Завершает монографию *девятая глава*, где анализируется опыт других стран в создании национальных моделей первичной профессиональной подготовки. Авторы приходят к выводу о том, что модели первичной профессиональной подготовки оказываются результатом длительной эволюции в рамках определенных моделей экономики (в рамках главы сопоставляется опыт Германии как страны с координируемой экономикой и Великобритании как страны с либеральной экономической моделью). Это означает, что невозможно искусственно насадить «желаемую» модель профессиональной подготовки, если она не будет вписана в сложившуюся институциональную среду. С другой стороны, крах советской системы профессиональной подготовки также вызван значительной институциональной трансформацией, которую пережила Россия, и, в частности, изменением роли предприятий в данном вопросе. Вместе с тем авторы полагают, что систему начальной профессиональной подготовки, несмотря на ее неэффективность, не следует ликвидировать, оставив за ней социальные функции.

В *заключении* монографии не просто подводятся основные итоги исследований, представленных в предыдущих главах, но и раскрываются взгляды авторов на возможные сценарии развития российского человеческого капитала. Наиболее вероятным, по мнению авторов, является вариант становления жестко сегментированного рынка труда с ограниченным набором высококвалифицированных «хороших» рабочих мест.

Книга представляет собой прежде всего экономический взгляд на проблему использования человеческого капитала. Вопросы, которые волнуют ее авторов (*«адекватен ли человеческий капитал, которым располагает российская экономика на старте второго десятилетия XXI в., задачам ее переориентации на инновационный путь развития? Соответствуют ли его количественные и качественные характеристики модели современной экономики, основанной на знаниях?..»* — с. 12), связаны, по сути, с тем, как выявленное ими несоответствие между образованием и рынком труда сказывается на экономической эффективности. Тем больше, на наш взгляд, могут почерпнуть от ее прочтения не экономисты: социологи, демографы, специалисты в области социальной политики.

И тем большим вызовом является публикация данной монографии для представителей других наук. Вызов — потому, что проблематика связи *образование — занятость — доходы — социальная политика* остается, несмотря на множество исследований частных вопросов, малоизученной. Например, какова связь между обнаруженными процессами накопления и использования человеческого капитала и неравенством доходов? Связаны ли риски получения избыточного образования с социальным статусом человека; в частности, не происходит ли накопление «сверхобразованности» в низших стратах? Какова удовлетворенность трудом и жизнью в целом у лиц с разным уровнем соответствия образования и профессии?

«Дипломания» и жесткая сегментация рынка труда, которые рассматриваются авторами данной монографии как вполне возможные сценарии развития нынешней ситуации — если не будет повышена стоимость

получения образования и не будут созданы условия для заметного усиления спроса на высококвалифицированную рабочую силу — чреватые негативными последствиями для социальной политики, которые также еще предстоит осмыслить. В частности, неослабевающий спрос на высшее образование уже представляет собой вызов системам социального страхования и прежде всего пенсионного обеспечения, поскольку означает откладывание полноценного входа на формальный рынок труда. Попадание в ловушку «плохой» занятости означает усиление рисков бедности — причем как в трудоспособном, так и в пенсионном возрасте.

Увеличение масштабов избыточного образования на рынке труда теоретически может спровоцировать рост политического недовольства со стороны той части рабочей силы, которой придется довольствоваться худшими рабочими местами. В то же время в отсутствие политической силы, которая способна выразить эти протестные настроения, нарастание избыточного образования может вылиться в усиление психологических проблем, происходящих из неудовлетворенности работой и шире — жизнью; или же произойдет снижение ценности работы и ее места в жизни человека, вытесняемое более высокими ценностями отдыха, дружбы, семьи. Эти вопросы — предмет социологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Burris V. (1983), *The Social and Political Consequences of Overeducation*. *American Sociological Review*, Vol. 48, No. 4: 454-467.

Groot W., Maassen van den Brink H. (2000), *Overeducation in the labor market: a meta-analysis*. *Economics of Education Review*, 19: 149-158.

ИНДЕКС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ МИРА. ОБЗОР ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКЛАДА ПРООН

Горина Е.А., магистр географии, к.э.н., научный сотрудник НИСП, старший научный сотрудник ИГРМ

Представлен краткий обзор позиций России в глобальных рейтингах индекса человеческого развития (по новой методике расчета) в сравнении с другими странами, показан дисбаланс между различными областями человеческого развития в России, приведена оценка масштабов неравенства населения страны в доступе к базовым возможностям развития.

В конце 2011 г. вышел очередной, 21-й по счету, Доклад о человеческом развитии Программы развития ООН, посвященный на этот раз анализу проблем устойчивого развития через призму неравенства. Важнейшим инструментом для оценки достижений страны в области человеческого развития является индекс человеческого развития (ИЧР)¹. Кроме того, в двух последних докладах ПРООН введены новые показатели, в том числе индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства. На основе этих данных представим краткий обзор положения России в мире по ИЧР и его отдельным компонентам в сравнении с другими странами, дополнив его информацией о корректировках, которые привносит в глобальный рейтинг учет неравенства в развитии человеческого потенциала. Данный обзор концентрируется на международных сравнениях и не затрагивает тему сильных региональных различий внутри России².

Как известно, в концептуальном плане индекс человеческого развития представляет собой сводный показатель, демонстрирующий, насколько хорошо в стране обеспечен доступ человека к базовым возможностям развития: прожить долгую и здоровую жизнь, приобретать знания и получить доступ к материальным ресурсам, необходимым для достижения достойного уровня жизни [Валиахметов, 2009]. Методика расчета ИЧР — используемые индикаторы и способ их агрегирования — в 2010 г. была существенно скорректирована. Доступ к знаниям теперь измеряется показателями средней продолжительности обучения (для лиц от 25 лет и старше) и ожидаемой продолжительности обучения в течение жизни (для детей, достигших официально установленного возраста поступления в школу). Уровень доходов оценивается с помощью валового национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС)

¹ В российской практике чаще употребляется термин «индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП), что также соответствует англоязычному «human development index».

² См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. Модернизация и развития человеческого потенциала / под ред. А.А. Аузана и С.Н. Бобылева; ПРООН в РФ. М.: Дизайн-проект «Самолет», 2011; Социальный атлас российских регионов. Интегральные индексы. Индекс развития человеческого потенциала / Сайт Независимого института социальной политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socpol.ru/atlas/indexes/index.shtml>, свободный.

Таблица 1. Тенденции в области индекса человеческого развития в 2000-2011 гг.

Рейтинг стран по ИЧР в 2011 г.	Значение ИЧР			Среднегодовой прирост ИЧР, процент	Справочно: ВНД на душу населения (в дол. США по ППС на 2005 г.)
	2000 г.	2005 г.	2011 г.		
Страны с очень высоким уровнем человеческого развития					
34. Эстония	0,776	0,821	0,835	0,66	16799
38. Венгрия	0,775	0,803	0,816	0,48	16581
39. Польша	0,770	0,791	0,813	0,50	17451
40. Литва	0,749	0,793	0,810	0,70	16234
43. Латвия	0,732	0,784	0,805	0,87	14293
44. Чили	0,749	0,779	0,805	0,65	13329
45. Аргентина	0,749	0,765	0,797	0,57	14527
46. Хорватия	0,748	0,780	0,796	0,57	15729
Страны с высоким уровнем человеческого развития					
50. Румыния	0,704	0,748	0,781	0,95	11046
57. Мексика	0,718	0,741	0,770	0,64	13245
65. Беларусь	...	0,723	0,756	...	13439
66. Российская Федерация	0,691	0,725	0,755	0,81	14561
68. Казахстан	0,657	0,714	0,745	1,15	10585
84. Бразилия	0,665	0,692	0,718	0,69	10162
Страны со средним уровнем человеческого развития					
101. КНР	0,588	0,633	0,687	1,43	7476
123. ЮАР	0,616	0,599	0,619	0,05	9469
134. Индия	0,461	0,504	0,547	1,56	3468

Примечание. Знак «...» означает отсутствие данных.

Источник: Доклад о человеческом развитии, 2011.

вместо используемого ранее ВВП на душу населения. Прежним осталось только измерение здоровья через ожидаемую продолжительность жизни при рождении (ОПЖ). При агрегировании вместо среднего арифметического введено среднее геометрическое значение субиндексов по трем измерениям³. Это снизило значения ИЧР, особенно в странах с неравномерным развитием по разным измерениям, но почти не повлияло на рейтинг стран. Из-за этих изменений было бы методологически неверно сравнивать значения ИЧР в докладах за 2010–2011 гг. и его предыдущих версиях. Динамику позиции страны в глобальном рейтинге также нужно представлять с некоторой оговоркой, поскольку список стран, попадающих в разработку ИЧР, изменив год от года и зависит от наличия данных по отдельным странам.

В рейтинге по ИЧР за 2011 г. выделены четыре группы стран: с очень высоким, высоким, средним и низким уровнем человеческого развития. Находясь на 66-м месте в списке из 187 стран, Россия входит в группу государств с высоким уровнем развития. Для целей данного обзора положение России сравнивается или со странами из той же группы или со странами из группы

³ Методика расчета индекса человеческого развития и других композитных индексов приведена в Докладе ПРООН [Доклад о человеческом развитии, 2011. С. 167-173].

Таблица 2. Компоненты индекса человеческого развития в России, 2011 г.

	ИЧР	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Средняя продолжительность обучения (СПО), лет	Ожидаемая продолжительность обучения (ОПО), лет	ВНД на душу населения (в дол. США по ППС на 2005 г.)
Российская Федерация	0,755	68,8	9,8	14,1	14 561
Место РФ в рейтинге из 187 стран	66	120	52	51	53

Источник: Доклад о человеческом развитии, 2011.

с очень высоким уровнем человеческого развития, уровень дохода⁴ в которых сопоставим с российским (ряд стран Центральной и Восточной Европы, Латинской Америки). В некоторых случаях используется сравнение ИЧР со странами группы БРИКС, в которую Россия входит как одна из быстро развивающихся экономик мира.

За период 2000-х гг., большую часть которого в России продолжался экономический подъем, индекс человеческого развития в стране заметно вырос. Его среднегодовой темп прироста был одним из самых высоких среди стран с сопоставимым уровнем дохода в Европе и Латинской Америке. В странах, имевших намного меньшие исходные значения ИЧР в 2000 г., в том числе крупнейших партнерах по БРИКС, рост был быстрее (табл. 1). Перемещение России в мировом рейтинге с 60-го места в 2000 г. (по новой методике расчета) на 66-е в 2011 г. обусловлено включением в последние годы новых стран в ИЧР.

Как видно из предыдущей таблицы, в рейтинге по ИЧР позиции стран, имеющих близкий к российскому уровень дохода, выше. В исследованиях развития человеческого потенциала неоднократно отмечалось, что основная причина скромного места России в этом рейтинге — сильнейшее отставание по компоненту здоровья населения [Кузнецова, 2010; Нестеров, Кольчугина, 2010; Доклад о развитии человеческого потенциала..., 2011]. По ожидаемой продолжительности жизни из 187 стран Россия занимает только 120-е место. Во второй половине 2000-х гг. ожидаемая продолжительность жизни в России выросла более чем на 3,5 года. Этому способствовали рост доходов населения и бюджетного финансирования здравоохранения, в том числе в рамках национального проекта «Здоровье». Тем не менее, несмотря на быстрое увеличение долголетия, Россия остается одной из трех стран (наряду с Украиной и Казахстаном) в группах с высоким и очень высоким уровнем человеческого развития, где продолжительность предстоящей жизни не достигает 70 лет. Для дальнейшего улучшения здоровья населения одних инвестиций в здравоохранение может быть недостаточно. Опыт развитых стран показывает, что необходимо «оздоровление» образа жизни, изменение отношения людей к собственному здоровью. По другим составляющим человеческого развития наша страна выглядит более представительно, хотя и не принадлежит к числу явных лидеров (табл. 2).

Несбалансированность компонентов человеческого развития в России наглядно проявляется при использовании такой модификации индекса, как ИЧР, не связанный с доходом. Он рассчитывается только по двум компонентам — здоровья и образования, и его значение для России заметно

⁴ Здесь и далее под уровнем дохода понимается значение показателя ВНД на душу населения (в дол. США по ППС на 2005 г.).

Таблица 3. Индекс человеческого развития, не связанный с доходом, и его компоненты, 2011 г.

Рейтинг стран по ИЧР	ИЧР, не связанный с доходом	ОПЖ, лет	СПО, лет	ОПО, лет	Рейтинг по ВНД на душу населения минус рейтинг по ИЧР
Страны, в которых уровень дохода сопоставим с российским					
34. Эстония	0,890	74,8	12,0	15,7	13
38. Венгрия	0,862	74,4	11,1	15,3	11
39. Польша	0,853	76,1	10,0	15,3	7
40. Литва	0,853	72,2	10,9	16,1	10
43. Латвия	0,857	73,3	11,5	15,0	12
44. Чили	0,862	79,1	9,7	14,7	14
45. Аргентина	0,843	75,9	9,3	15,8	9
46. Хорватия	0,834	76,6	9,8	13,9	5
57. Мексика	0,808	77,0	8,5	13,9	2
65. Беларусь	0,785	70,3	9,3	14,6	-8
68. Казахстан	0,786	67,0	10,4	15,1	4
Страны с высоким и очень высоким уровнем человеческого развития с максимальным разбросом позиций в рейтингах по уровню дохода и ИЧР					
25. Люксембург	0,854	80,0	10,1	13,3	-20
26. Сингапур	0,851	81,1	8,8	14,4	-22
30. ОАЭ	0,813	76,5	9,3	13,3	-27
32. Андорра	0,836	80,9	10,4	11,5	-19
33. Бруней	0,819	78,0	8,6	14,1	-25
37. Катар	0,757	78,4	7,3	12,0	-36
42. Бахрейн	0,806	75,1	9,4	13,4	-14
53. Багамские острова	0,768	75,6	8,5	12,0	-15
56. Саудовская Аравия	0,765	73,9	7,8	13,7	-19
62. Тринидад и Тобаго	0,750	70,1	9,2	12,3	-26
63. Кувейт	0,705	74,6	6,1	12,3	-57
66. Российская Федерация	0,777	68,8	9,8	14,1	-13
71. Ливан	0,760	72,6	7,9	13,8	-10
77. Маврикий	0,745	73,4	7,2	13,6	-14
88. Иран	0,731	73,0	7,3	12,7	-12
89. Оман	0,671	73,0	5,5	11,8	-50
91. Азербайджан	0,733	70,7	8,6	11,8	-10
92. Турция	0,704	74,0	6,5	11,8	-25

Источник: Доклад о человеческом развитии, 2011.

ниже, чем у стран с сопоставимым уровнем дохода (табл. 3). В рейтинге стран по ИЧР, не связанному с доходом, Россия опускается с 66-го уже на 74-е место.

Некоторые выводы о различиях национальной политики в области человеческого развития позволяют сделать сравнение рейтингов по уровню среднего национального дохода и по ИЧР, результаты которого также приведены в таблице 3. Отрицательная разница между рейтингами по ВНД на душу населения и по сводному ИЧР указывает на то, что получаемый в стране доход не конвертируется должным образом в развитие в сфере здоровья и образования населения. В группах с высоким и очень высоким ИЧР у 18 стран, в их числе Российская Федерация, величина такого разброса в рейтингах состав-

Таблица 4. Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства, в странах с уровнем дохода, сопоставимым с российским, и странах БРИКС, 2011 г.

Рейтинг стран по ИЧР	ИЧРН			Индекс ОПЖ (н)**	Индекс уровня образования (н)	Индекс дохода (н)
	значение	потери, процент	изменение позиции*			
34. Эстония	0,769	7,9	2	6,0	2,7	14,5
38. Венгрия	0,759	7,0	3	5,7	4,0	11,2
39. Польша	0,734	9,7	0	5,8	6,6	16,3
40. Литва	0,730	9,8	0	7,2	4,1	17,5
43. Латвия	0,717	10,9	-1	7,1	3,8	21,0
65. Беларусь	0,693	8,3	10	7,4	5,4	12,1
46. Хорватия	0,675	15,1	-3	5,5	10,4	27,8
66. Российская Федерация	0,670	11,3	7	10,8	11,2	11,9
68. Казахстан	0,656	11,9	5	16,2	5,3	13,8
44. Чили	0,652	19,0	-11	6,6	13,7	34,1
45. Аргентина	0,641	19,5	-13	9,7	12,1	34,4
57. Мексика	0,589	23,5	-15	10,9	21,9	35,6
101. КНР	0,534	22,3	-1	13,5	23,2	29,5
123. ЮАР	28,4	20,8	...
134. Индия	0,392	28,3	1	27,1	40,6	14,7

Примечания: Страны расположены в порядке убывания ИЧРН.

* Изменения рейтинга основаны на странах, для которых рассчитывается ИЧРН.

** (н) – скорректированный с учетом неравенства.

Знак «...» означает отсутствие данных.

Источник: Доклад о человеческом развитии, 2011.

ляет 10 и более позиций. Меньший рейтинг по ИЧР в сравнении с рейтингом по доходу наиболее характерен для стран, экономика которых основывается на добыче и экспорте энергоресурсов (наиболее яркие примеры — это страны Персидского залива и Каспийского региона, но сюда же можно отнести и Россию), и для малых островных государств — оффшоров (Багамские острова, Антигуа и Барбуда, о. Маврикий, Бахрейн и др.). И в том и в другом случае высокие доходы от экспорта нефти или от платежей компаний, зарегистрированных на территории, недостаточно инвестируются в нематериальную составляющую человеческого развития. Почти во всех этих странах наиболее проблемная область — обеспечение доступа населения к знаниям: средняя и ожидаемая продолжительность обучения в них значительно ниже, чем в странах с близкими значениями ИЧР. Россия в этом ряду выделяется гораздо более благоприятными условиями для приобретения знаний, но неблагоприятным показателем долголетия населения.

В условиях социального и экономического расслоения достижения страны в области человеческого развития распределены среди ее населения с той или иной степенью неравномерности. Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства (ИЧРН)⁵, публикуемый в докладах

⁵ За неимением необходимых данных ИЧРН не рассчитывается примерно для 50 стран.

о развитии человека с 2010 г., «дисконтирует» среднее значение каждого измерения ИЧР в соответствии с уровнем его неравенства. Чем сильнее неравенство, тем ниже значение ИЧРН по сравнению с ИЧР, т. е. неравенство негативно влияет на уровень человеческого развития; потери можно выразить в процентах. Таким образом, ИЧРН представляет собой фактический уровень развития человека (с учетом неравенства), в то время как ИЧР можно рассматривать как индекс «потенциального» развития человека, которое может быть достигнуто при отсутствии неравенства [Доклад о человеческом развитии, 2011. С. 169]. Актуальность ИЧРН заключается в том, что он может служить ориентиром для формирования политики в области сокращения масштабов неравенства.

Согласно расчетам ИЧРН, Россия относится к странам со средним уровнем неравенства в разрезе аспектов, относящихся к развитию человеческого потенциала. Потери ИЧРН по сравнению с ИЧР составляют чуть более 11%. От большинства стран с сопоставимым уровнем дохода Россию отличает то, что по всем трем измерениям человеческого развития степень неравенства населения почти одинакова (табл. 4). В странах Латинской Америки потери ИЧР гораздо больше из-за очень высокого неравенства в распределении национального дохода. А по сравнению с европейскими странами население России испытывает более сильное неравенство в обеспечении продолжительной здоровой жизни и получения образования. Партнеры России по группе БРИКС, как и большинство других развивающихся стран, имеют значительную степень неравенства по всем трем измерениям человеческого развития.

Закрепившись с середины 2000-х гг. в группе стран с высоким ИЧР, Россия по-прежнему испытывает серьезный дисбаланс между основными компонентами человеческого развития. Россия относится к странам, в которых достижения в области национального дохода недостаточно трансформируются в достижения в области образования и особенно здоровья населения. Хотя на мировом фоне неравенство, существующее в российском обществе, оценивается на среднем уровне, политика его сокращения для минимизации потерь человеческого потенциала в России должна быть направлена на улучшение доступа различных слоев населения к образованию и здоровой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Валиахметов Р. М.* Человеческое измерение экономического развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2009, № 6. С. 26–32.
- Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / пер. с англ.; ПРООН. М.: Весь Мир, 2010.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. Модернизация и развития человеческого потенциала / под ред. А. А. Аузана и С. Н. Бобылева; ПРООН в РФ. М.: Дизайн-проект «Самолет», 2011.
- Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех / Пер. с англ.; ПРООН. М.: Весь Мир, 2011.
- Кузнецова И. В.* Человеческий потенциал России: проблемы совершенствования // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2010. № 1. С. 110–125.
- Нестеров Л. И., Кольчугина А. В.* Краткий анализ эффективности использования ресурсов России и в ряде других стран // Федерализм. 2010. № 4. С. 173–182.
- Социальный атлас российских регионов. Интегральные индексы. Индекс развития человеческого потенциала / Сайт Независимого института социальной политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socpol.ru/atlas/indexes/index.shtml>, свободный.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК СРЕДА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА»

Горина Е.А., магистр географии, к.э.н., научный сотрудник НИСП, старший научный сотрудник ИГРМ

В феврале 2012 г. в Москве состоялась ежегодная конференция «Третьи Сабуровские чтения», организованная Министерством образования и науки Российской Федерации, ФГАУ «Федеральный институт развития образования», Национальным исследовательским университетом — Высшей школой экономики, ГБОУ Центр образования № 1811 «Измайлово» и фондом «Институт экономики города». Эта конференция, ставшая уже традиционной, проводится в память Евгения Федоровича Сабурова (13.02.1946–20.06.2009) — замечательного ученого, политика, педагога, поэта и драматурга.

В этом году «Сабуровские чтения» были посвящены обсуждению актуальных вопросов применения различных инновационных стратегий развития в сфере образования, экономики и управления. Одним из мероприятий в рамках конференции стал круглый стол, организованный фондом «Институт экономики города», на тему «Общественные коммуникации как среда инновационного развития современного города».

Ведущая круглого стола Н. Б. Косарева, президент фонда «Институт экономики города», предложила участникам мероприятия в ходе обсуждения попытаться очертить тот круг понятий, вопросов и точек зрения, который поможет приступить к изучению названной проблематики в экономике и социологии современного города. По замыслу организаторов, такой «экспериментальный» характер круглого стола соответствует как новизне темы, вынесенной на обсуждение, так и несформированности концептуального плана в изучении общественных коммуникаций в современном городе.

Открыл обсуждение Д. В. Визгалов (к. г. н., руководитель сектора «Социальная политика и общественные коммуникации» фонда «Институт экономики города»), предложивший свое видение города как центра общественной коммуникации. По его мнению, всю сложность и многогранность информационных контекстов, плотность информационной среды, взаимосвязанность общественных коммуникаций в современном городе и их разнонаправленность (вовне сообщества и внутрь него) удачно отражает образ кубика Рубика. Как отметил Д. В. Визгалов, особенность города как центра социальных коммуникаций состоит в синергетическом эффекте,

проявляющемся во всех сферах жизни городского сообщества. Однако, согласно высказанной гипотезе, степень сложности и качество этих коммуникаций в городе не коррелируют с его размером: есть крупные города с очень примитивными характеристиками общественных связей, так же как и небольшие города с высоко развитым информационным полем. На нескольких примерах Д. В. Визгалов проиллюстрировал, что общественные коммуникации в городе — это феномен, который может заметно влиять на физическую составляющую города, формировать новые рынки, создавать динамичную среду для развития и территории, и сообщества. В завершение своего выступления Д. В. Визгалов предложил поразмышлять над тем, как анализировать стремительно меняющиеся сочетания элементов в своеобразном «кубике Рубика», есть ли предел позитивности в развитии общественных связей, т. е. порог, за которым общественные коммуникации носят деструктивный характер, управляем ли этот «кубик» и нужно ли его «собирать». Н. Б. Косарева добавила к этому еще один установочный вопрос: действительно ли общественные коммуникации или какие-то их виды являются средой, благоприятствующей появлению инноваций в городе.

Л. В. Смирнягин (д. г. н., профессор географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, научный консультант фонда «Институт экономики города») в своем сообщении выделил черты города, возникающие за счет высокой плотности городской среды и определяющие характер общественных коммуникаций. Наряду с широкими возможностями личного и косвенного общения, интенсивному обмену информацией в городе способствует также исключительно высокая плотность артефактов (строения, техника), которые к тому же создают условия для эффективной экономической деятельности. Кроме этих положительных свойств, Л. В. Смирнягин обозначил и «оборотные стороны медали». Среди них анонимность, которая смягчает давление социального контроля на человека и защищает его автономию, но одновременно ставит вопрос о необходимости пределов в общественных коммуникациях. Еще один аспект связан с вернакулярными городскими районами¹, в рамках которых легко мобилизуется общественная активность как позитивная, так и негативная. На примере г. Питтсбурга (США) было показано, что социальное и территориальное напряжение, существующее между такими районами, можно преодолеть, прививая жителям представление о «многоэтажной» идентичности. Для этого городу необходимы «места активного перемешивания» (например, стадион и т. п.). В заключение Л. В. Смирнягин призвал обратить внимание на противоречивость развития общественных коммуникаций, их воз-

¹ Вернакулярный (обыденный) район — часть территории, выделяемая и осознаваемая самими жителями как место их обитания, которая в этом качестве может быть представлена как часть общественного сознания данной социальной группы, сплачивающая местных жителей как территориальную общность [Смирнягин, 2007].

можные позитивные и негативные последствия, указал на необходимость взвешенного подхода к их изучению и важность выработки способов для блокирования негативных последствий.

От разговора о неформальных институтах общественных коммуникаций участники круглого стола перешли к их институционализированным формам. Выступление Е. А. Тополевой-Солдуновой (директор АНО «Агентство социальной информации», председатель комиссии Общественной палаты РФ по социальной политике, трудовым отношениям и качеству жизни граждан) было посвящено роли некоммерческих организаций в развитии общественных коммуникаций. Начав с установления положительной взаимосвязи между развитием социального капитала, общественных коммуникаций и эффективных экономических и демократических институтов, докладчик обозначила индикаторы, на основе которых можно оценивать уровень развития социального капитала как совокупность социальных связей в локальном сообществе. В их числе уровень доверия в обществе, степень развитости благотворительности, добровольчества и некоммерческих организаций (НКО). Далее Е. А. Тополева-Солдунова показала тесную взаимосвязь НКО и общественных коммуникаций. С одной стороны, НКО сами служат инструментом коммуникаций: они транслируют «голос» групп или объектов, которые по разным причинам ограничены или лишены способности говорить самостоятельно (депривированные группы населения, природа и пр.), инициируют переговорные площадки для взаимодействия общества с властью, бизнесом. С другой стороны, успешность деятельности НКО зависит от того, насколько эффективно они могут выстраивать свои коммуникации с обществом, поскольку основная проблема развития НКО в России — низкий уровень доверия и вовлеченности граждан. Е. А. Тополева-Солдунова подчеркнула, что в этом секторе очень важно развитие информационных каналов, которые связывали бы НКО с другими заинтересованными сторонами. Выступление завершилось приглашением к обсуждению влияния НКО на инновационное развитие и социальную модернизацию.

А. А. Высоковский (к. арх., генеральный директор некоммерческого фонда «Градостроительные реформы», декан Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ) вернулся к теме условий, в которых происходят общественные коммуникации в городском сообществе, рассказав о функциях и значении публичного пространства. Особым видом публичного пространства в городе, его квинтэссенцией, являются так называемые «точки отсчета» — главные центры, вокруг которых формируются и демонстрируются ценности, символы и смыслы города в настоящий период времени. «Точки отсчета» выполняют функцию репрезентации и консолидации городского сообщества, помогают самоидентификации жителей. На примере Москвы А. А. Высоковский продемонстрировал, как «точки отсчета» могут изменяться во времени (Соборная площадь — Красная площадь — Манежная площадь). Они имеют огромное значение для коммуникаций в обществе, особенно выражающихся

в форме противостояния, поскольку именно в территориальной привязке к «точкам отсчета» разные общественные группы манифестируют свое существование, транслируют какие-либо идеи в общество. И чем ближе к «точке отсчета», тем более политически значимым и резонансным оказывается событие. В заключение А. А. Высоковский посетовал, что в современных генпланах городов публичное пространство как элемент городской планировочной структуры не выделяется, его регулирование отсутствует — все это наследие советского периода. В связи с этим одной из главных задач он считает введение категории публичного пространства в территориальное планирование и разработку градостроительных документов.

Ф. А. Новиков (заместитель начальника отдела ГКУ «Объединенная дирекция «Мосгорпарк») обратился к вопросу о роли мобильных технологий в развитии общественных коммуникаций. Основной тезис его выступления состоял в том, что мобильный Интернет способен коренным образом изменить механизмы самоорганизации горожан, подходы к планированию городов и управлению ими. Опираясь упрощенной моделью города, элементами которой выступают горожане, власть и инфраструктура (hardware), Ф. А. Новиков показал, как изменилось развитие городов с появлением современных телекоммуникаций. Их помощь в решении отдельных задач инфраструктуры города (безопасность, дорожное движение и пр.) привела к появлению концепции «Умного города», в которой технологии облегчают властям управление городом, делают комфортнее жизнь горожан, но совершенно исключают самих жителей из взаимодействия, оставляя их только потребителями этой системы. Сегодня бурное распространение мобильного Интернета резко увеличило интенсивность взаимодействия между горожанами, разрушены барьеры, создававшие асимметрию информации в модели города, улучшаются и горизонтальные, и вертикальные («жители — власть») связи. Каким образом преобразовать эти связи в реальные механизмы управления городом? По мнению Ф. А. Новикова, как показывает пример США, часть проблем городского хозяйства можно решать на основе самоорганизации граждан. У нас это пока кажется утопичным, но скорость изменений все время растет, поэтому важно научиться использовать распространение мобильного Интернета на пользу развития города.

О. Н. Запорожец (к. соц. н., ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Поляева НИУ ВШЭ) предложила социологический взгляд на повседневность и ситуативность городских коммуникаций, рассмотрев их на примере феномена потерянных вещей в городском пространстве. Потерянные вещи как вещи, выпавшие из привычных схем взаимодействия, — один из множества языков городских повседневных коммуникаций. Они формируют новый, мобильный, тип пространства — пространство разделенного опыта, в котором происходит ситуативное взаимодействие горожан. В нем создаются условия для взаимопомощи, опосредованных коммуникаций (например,

через объявления), основа для городского творчества, возможно, игровая тональность города. Само пространство подвергается реконфигурации и переопределению (размещение потерянных вещей в неожиданных местах, на виду). Возникают анонимные, но персонифицированные коммуникации, цель которых показать степень эмоциональной вовлеченности (было отмечено увеличение количества рукописных объявлений). О. Н. Запорожец подытожила свое выступление тем, что из такого рода неформальных коммуникаций вполне могут возникать институциональные низовые формы социальной активности (НКО и др.).

Н. Ю. Замятина (к. г. н., ведущий научный сотрудник географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова) рассказала о методах изучения внутри- и межгородских коммуникаций. Для изучения связей между городами были предложены такие новые методы, как анализ совместных упоминаний разных городов в новостных лентах Интернета, а также анализ информации из социальных сетей в Интернете (изучение территориальной мобильности населения по информации о месте рождения, учебы, современного проживания и работы). Работоспособность метода совместного упоминания подтверждают результаты, полученные для пары городов Пермь — Екатеринбург, очень схожие с теми, которые дает известный в географии метод главных потенциалов. Предложенный метод можно использовать для выявления важнейших каналов коммуникации между городами или для оценки степени централизации связей в регионе (например, он выявляет суперцентрализацию в Алтайском крае и полицентричность Ямало-Ненецкого автономного округа). Н. Ю. Замятина полагает, что в практическом плане это может помочь при планировании территориального развития региона, чтобы определить, есть ли потенциал для горизонтального объединения городов на региональном уровне и создания кластеров. Говоря об изучении внутригородских социальных коммуникаций, докладчик упомянула об исследованиях на основе метода арен. В сообществах разных городов доминируют те или иные арены как комбинации взаимосвязанных институтов и культурных установок (рынок, власть, семейные традиции, гражданское общество), они во многом определяют специфику деятельности в городе, формируют определенные принципы коммуникаций (открытая — закрытая, иерархичная — равная и др.). Таким образом, коммуникации интересны не только сами по себе, но и как средство понять более глубокую суть явлений и процессов в сообществе, их движущие силы и механизмы.

Прозвучавшие выступления и последовавшая дискуссия участников круглого стола в полной мере продемонстрировали огромное многообразие ракурсов рассмотрения проблематики общественных коммуникаций в современном городе. Подводя итог, Н. Б. Косарева отметила, что основная задача круглого стола — набросать идеи, которые можно было бы дальше развивать, — по ее мнению, решена. Специфичность темы общественных коммуникаций в городе, да еще и во взаимосвязи с инновационным разви-

тием, в том, что она не имеет явных, четко очерченных рамок, в ней много неопределенности, разных пониманий. И, возможно, постепенное продвижение к пониманию отдельных элементов этого сложносоставного «кубика Рубика» и есть ключевой способ познания в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / под ред. И. М. Бусыгиной. С. 81–107.

О СОЗДАНИИ В МОСКВЕ ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНОГО РАЗВИТИЯ МЕГАПОЛИСА

В марте 2012 г. в мэрии Москвы состоялась презентация Института гуманитарного развития мегаполиса (ИГРМ), учрежденного правительством столицы.

Фото: Александра Бурдяк

В презентации нового и, по мнению руководителей города и экспертов, необходимого Москве института приняли участие заместители мэра в Правительстве Москвы Ольга Голодец (ныне вице-премьер РФ по социальным вопросам) и Андрей Шаронов, министр образования Москвы Исаак Калина, руководители Департамента семейной и молодежной политики Людмила Гусева и Департамента социального обеспечения Владимир Петросян, первый заместитель руководителя Департамента образования Вениамин Каганов, директор ИГРМ Татьяна Малева, член Наблюдательного совета ИГРМ ректор РЭШ Сергей Гуриев, а также широкий круг экспертов по экономическим, социальным, демографическим и пр. сферам развития.

В Москве проблемы гуманитарного и социального развития приобретают особое значение в силу целого ряда специфических функций, которые она выполняет как столица Российской Федерации, крупнейший мегаполис и центр Московской агломерации, крупнейший культурный, образовательный, научно-промышленный и финансово-деловой центр России.

На мероприятии говорилось о том, что на социальное развитие Москвы оказывает сильнейшее влияние целый ряд факторов.

- *Демография.* Демографическая специфика Москвы — это прежде всего интенсивный процесс старения населения и бурный рост трудовой миграции. В итоге происходят существенные сдвиги в возрастной структуре населения Москвы. Совокупное действие этих процессов означает ускоренный рост социальной компоненты в системе приоритетов экономического развития, увеличение социальных расходов в бюджете города, а в конечном итоге — вызов всей системе социальных институтов мегаполиса.
- *Образование.* Особенности неравномерного демографического развития Москвы в сочетании с формированием высоких социальных ожиданий ее жителей по отношению к образовательным услугам ставят перед столичной системой образования целый ряд как традиционных, так и принципиально новых требований. К первым относится количественное удовлетворение спроса на услуги системы образования на различных ее ступенях. Ко вторым — повышенные и постоянно растущие требования к качеству образования, которые формируются под влиянием не только российских традиций, но и глобальных мировых и европейских тенденций. По данным Департамента образования г. Москвы за 2011 г., по охвату высшим и непрерывным профессиональным образованием Москва — один из мировых лидеров. Около 1,3 млн студентов (что составляет больше 10% от населения города Москвы и 20% от числа занятых в городе Москве) обучаются в 119 государственных образовательных учреждениях высшего и непрерывного профессионального образования. Роль образования будет лишь возрастать, поэтому проблема повышения его эффективности становится ключевой для гуманитарного и социального развития московского мегаполиса.
- *Здоровье и система здравоохранения.* Позитивный демографический тренд в Москве — рост продолжительности жизни. По данным Департамента здравоохранения г. Москвы, сегодня средняя продолжительность жизни москвича составляет 76 лет (по России этот показатель чуть менее 70). Но одновременно интенсивный процесс старения московского населения ведет к росту спроса на здравоохранительные услуги со стороны пожилого населения, и этот процесс будет лишь нарастать. Существует проблема репродуктивного здоровья и здоровья матерей и новорожденных. Значительную роль в его ухудшении играет не всегда здоровый образ жизни в мегаполисе. И еще одна болезнь мегаполиса — высокий травматизм. Экономическое неравенство и социальная дифференциация также являются одним из основных факторов, влияющих на здоровье москвичей. Главный вызов социальному развитию московского мегаполиса —

проблема доступности качественных медицинских услуг для различных социальных групп населения.

- *Рынок труда и миграции.* Московский рынок труда характеризуется целым рядом специфических характеристик, среди которых высокая диверсификация рынка труда (как спроса, так и предложения), сокращение рабочих мест в промышленности и смещение в пользу рабочих мест по производству услуг, высокая мобильность рабочей силы, высокая средняя квалификация работников и пр., тем не менее на рынке труда мегаполиса формируются новые и острые проблемы. В целях поддержания высокой конкурентоспособности московский работник будет предъявлять все больший и больший спрос на услуги дополнительного образования, и город обязан ответить на этот вызов постиндустриальной экономики. Особой темой является миграция. Сегодня благодаря трудовым мигрантам улучшается сбалансированность московского рынка труда, компенсируется дефицит рабочей силы, обеспечивается стабильное функционирование многих секторов экономики, таких как строительство, транспорт, торговля, сфера услуг, коммунальное хозяйство. Так же, как и во всем мире, городу нужны эффективные механизмы управления миграционными процессами — правовые, экономические, социальные.
- *Уровень жизни и социальная защита.* Уровень жизни в столице является наиболее высоким в стране. Среднедушевой доход населения, по данным Территориального органа федеральной службы государственной статистики по г. Москве за 2010 г., составил 43875,7 руб. В то же время и доходное неравенство в Московском регионе является самым высоким в РФ. Высокая дифференциация даже при относительно низкой доле бедных с доходами ниже прожиточного минимума становится причиной ряда негативных социальных процессов, таких как дезинтеграция общества и социальная напряженность. При высоких расходах, которые несет Москва по социальной поддержке своих уязвимых в социальном отношении граждан, остро стоит вопрос об эффективности этих социальных программ. Главная задача в средне- и долгосрочной перспективе — необходимость увеличения числа адресных мер социальной защиты населения.
- *Московская агломерация.* Несмотря на то что Москва и Московская область объективно представляют собой взаимосвязанные и взаимозависимые социально-экономические образования, на уровне управления двумя субъектами Российской Федерации еще не выстроены механизмы взаимодействия, обеспечивающие эффективное совместное решение комплексных социально-экономических и градостроительных задач. Значение этой проблемы многократно возрастает в условиях расширения территориальных границ Москвы и формирования единой Московской агломерации. Социальное выравнивание стартовых условий и стандартов жизни для жителей Москвы и присоединенных территорий — грандиозная по масштабу задача, требующая разработки стратегии и долгосрочной программы действий по ее реализации.

«Правительство Москвы считает качество жизни москвичей и развитие других сфер, определяющих социальное самочувствие города, своим приоритетом. Сегодня очевидно, что быстрое и динамичное развитие мегаполиса, а также постоянно меняющиеся под влиянием внутренних и внешних причин экономические условия ставят на повестку дня большое число новых проблем и поиск нестандартных решений. Это требует формулирования гуманитарной и социальной миссии Москвы и определения стратегических целей и задач гуманитарного и социального развития. Для решения этих задач правительство Москвы в 2012 г. создало Государственное автономное научное учреждение «Институт гуманитарного развития мегаполиса», — сообщила Ольга Голодец.

Цель создания новой структуры — содействие успешному гуманитарному развитию и повышение эффективности городских социальных программ.

ИГРМ будет заниматься решением следующих задач:

- формирование информационной базы для анализа и прогнозирования гуманитарного развития и социальных процессов в Москве;
- анализ и прогнозирование тенденций в развитии социальных процессов в городе Москве;
- научное обоснование социальных программ правительства Москвы;
- экспертиза социальных программ других субъектов социальной политики в Москве.

В Наблюдательный совет ИГРМ вошли заместитель мэра Москвы в правительстве Москвы по вопросам социального развития (с мая 2012 г. вице-премьер правительства РФ) Ольга Голодец, президент ММВБ Рубен Аганбегян, ректор Московской школы управления «Сколково» Андрей Волков, председатель Правления Сбербанка России Герман Греф, ректор Российской экономической школы Сергей Гуриев, министр образования Москвы Исаак Калина, ректор НИУ «Высшая школа экономики» Ярослав Кузьминов. Директором ИГРМ назначена главный редактор SPERO Татьяна Малева, ранее возглавлявшая Независимый институт социальной политики (НИСП).

В РОССИИ БУДУТ ТОРГОВАТЬ СПРАВЕДЛИВО

Колейкина В.Б., ответственный редактор SPERO

*«Вы еще не закончили завтрак,
а уже зависите от труда более чем
половины людей всего мира»*

М.Л. Кинг

Международная маркировка продукции, произведенной с учетом интересов всех участников цепочки «производство-потребление», «Справедливая торговля» (Fair Trade) начинает свою работу в России. Об этом было сообщено на круглом столе в Москве, организованном Оксфам (Oxfam) России при поддержке компании Oriflame в феврале 2012 г. в Москве.

В нашей стране небольшое количество товаров с такой маркировкой можно приобрести в крупных сетевых магазинах, однако ее значение большинству покупателей неизвестно. Для них нет никакой разницы, где и кем был изготовлен товар, который они покупают, но в мире в процессе производства самых обычных, привычных каждому продуктов все еще грубо нарушаются права работников, используется рабский, в том числе детский, труд. При этом те, кто выращивают и собирают чай, кофе и пр., получают за свою работу совершенно не «справедливую», очень низкую оплату.

Справедливая торговля — это международное общественное движение. Его цель — создать более справедливые условия торговли для производителей, прежде всего из развивающихся стран.

На круглом столе в Москве было заявлено, что в России в ближайшее время увеличится количество товаров, имеющих знак Fair Trade. По словам организаторов движения «Справедливая торговля», параллельно планируется широкая информационная кампания, раскрывающая значение этой маркировки для потребителя. По мнению представителей этой системы маркировки, Россия в будущем может стать не только рынком сбыта «справедливой» продукции, но и организатором системы сертификации своих производителей по стандартам Fair Trade, так как уровень благосостояния небольших производителей, в частности местных фермеров, в стране недостаточен. Пока же речь идет о популяризации маркировки и, как следствие, о поддержке продукции производителей из стран третьего мира: Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. В основном это следующие продукты: кофе, чай, бананы, хлопок, какао, вино, рис, свежие соки, цветы, золото.

Как отметил Константино Касабуэнос, советник по вопросам продовольственной безопасности, торговой политики и сельского хозяйства международного офиса Оксфам, ведущий активист движения «Справедливая торговля» в мире, причины возникновения системы маркировки «справедливости» проще всего проиллюстрировать на примере банана. «Верхний хвостик банана — это та часть, которую получает работник-производитель от всей стоимости банана, которую мы за него платим. Работник получает всего 1 пенс (45 копеек), в 5 раз больше идет владельцу земли или плантации, 4 пенса отдается перевозчику, 5 пенсов — оптовику (экспортеру в США или Европе). Потом бананы привозят, например, в Россию и здесь им нужно дозреть, так как их срывают зелеными. Следовательно, определенная часть идет тому, кто хранит бананы до их созревания. И, наконец, большую часть стоимости, почти 50%, получает розничное торговое предприятие, обычно это большие магазины, которые имеют возможность предложить данный товар населению. И самое главное в этой цепочке то, что сам производитель в итоге почти ничего не получает», — пояснил Касабуэнос.

40 лет назад Оксфам создал коалицию организаций для продвижения идеи справедливой торговли. Сейчас магазины этой сети есть почти во всех городах Великобритании, Франции, Бельгии и многих других стран мира. В стоимость каждого продаваемого в них продукта включена достойная оплата труда производителя и взнос, который идет на поддержку движения справедливой торговли, то есть социальные проекты, которые оно осуществляет. Цена таких товаров, как правило, выше среднерыночной.

И если на банане, продаваемом, скажем, в Великобритании, стоит марка справедливой торговли, это означает, что он произведен и реализован в соответствии со всеми социальными и этическими стандартами, которых придерживаются участники системы. Существует специальный орган, курирующий производство и реализацию товаров. Если кто-то из производителей захочет поставить знак справедливой торговли на свою продукцию, он должен будет обратиться в эту организацию; инспектор в свою очередь обеспечит контроль за соблюдением стандартов справедливой торговли по всей цепочке — от поля до прилавка.

Стандарты справедливой торговли включают:

- обеспечение достойной минимальной оплаты труда производителя при любых рыночных условиях;
- надбавки к цене;
- предоплату производителю;
- долгосрочные, стабильные контракты;
- гарантии обеспечения трудовых прав;
- охрану окружающей среды, в том числе запрет на использование генетически модифицированных организмов;
- демократическую организацию всей системы от поля до прилавка.

Организаторы «Справедливой торговли» понимают, что этот проект, хоть и является социально-ориентированным, — часть капиталистического рынка. Система сертификации «Справедливая торговля» — не что иное как рыночный инструмент для поддержки местных сообществ в условиях глобальной экономики. Потребители в разных странах готовы платить за товар больше, зная, что люди, которые его произвели, получают справедливую оплату за свой труд.

SUMMARIES

Maleva T., editor-in-chief

«Social policy does not require immediate decisions, it requires systematic action»

The interview with Olga Golodets, Deputy Prime Minister of Russia for social issues.

Ovcharova L.

Theoretical and methodological issues of defining and measuring poverty

Reduction of poverty is one of the key goals of socio-economic progress. It provides not only political stability of the state, but also its prospective on a global arena. In modern Russia the results of economic growth do not have positive impact on social inequality, level and structure of poverty anymore. While the state has high social expenditures and positive economic dynamic it is experiencing a decline of social feeling and growing social strain. This urges the need for correction of socio-economic policy in the field of welfare by using complex analysis of level, profile, factors and forms of poverty. In this article the author discusses the conceptual issues of defining and measuring poverty, presents new classification of poverty lines based on the detection of monetary and non-monetary forms of poverty, formulates the ideas on a new model of national poverty monitoring system. On the empirical data it is proved that the scale of subjective poverty and deprivation has not been reduced while absolute monetary poverty has substantially been decreased on the stage of the economic growth in Russia.

Sinyavskaya O.

Contemporary policy of pension benefits growth: results and limitations

In 2008-2011 years the Russian pension system has been substantially supported by budget funds that have provided the unprecedented pension benefits growth in the contemporary history of the country. Nevertheless a public perception of the old age has been slightly changed. It is still associated with poverty and vulnerability.

This article is an effort to explain this paradox by using statistical and survey data. The author analyses the achievements of contemporary pension policy in influencing finances and property of pensioners and their families, as well as limitations of this policy within the pension system and from without.

Dmitriev M., Misikhina S.

Consumption and demand for institutions within the process of the Russian middle class formation

According to various studies by the end of 2000s 20-30% of the Russian population belong to a middle class. Consumption pattern of the middle class is quite complicated and significantly different from the consumption of other social classes. The main body of the middle class not only has much higher income but also owns more real estate objects, long-life commodities, as well as it has more flexibility in current

consumption spending and has active saving behavior. Middle class is educated and belongs to more educated families. Representatives of middle class prefer healthier lifestyle and use information technologies more often.

Despite some progress in the institutional development, the gap between the middle class demand and the system to meet its needs is getting fundamental. It happens not only due to the regulatory gaps and weak governance, but also due to the weakness of institutes of law-governed state such as neutral and independent systems of justice and of efficient law enforcement.

Representatives of middle class shoulder the cost of undeveloped institutional system, because they more actively purchase long-life commodities and services. Weakness of the institutional development leads to a growing gap between the consumption of middle class and the products that institutions are able to provide.

Biryukova S.

Opportunities of migrants input to birth and mortality rates estimation on the basis of vital statistics in Russia

This article reviews the results of Russia's vital records research. Main attention is paid to the quality and structure of vital statistics data (registration of births and deaths files) in terms of its applicability for the migrants input to birth and death rates estimation in Russian regions and in the country on the whole.

The article also contains some pilot estimation results of the indicated migrants input to the population reproduction indices in 10 regions of Russia in year 2009.

Tyndik. A.

Reproductive attitudes of the population in modern Russia

This article presents complex research of reproductive attitudes of the population in modern Russian society. In its framework the interrelation between various elements of reproductive behavior is analyzed. It is shown that components of system of individual reproductive attitudes are harmoniously combined among themselves.

In conditional generations divergence between the wished and reached size of a family exists, so as the plans concerning the birth of the child. It is caused by a calendar of the births, so the separate attention is given to a question of age of the first birth. The author shows correlation between orientation to the only one birth and child-bearing postponement, high number of desired children and earlier introduction in parenthood.

The research was carried out on the basis of representative social and demographic survey RIDMIZh.

Artyukhov V., Zabelin S., Martynov A.

Business environmental responsibility

The article describes the system of the objective assessment of social and environmental responsibility of economic entities of various sizes (from a small enterprise to a country). It presents the results of recent ratings of social and environmental responsibility. Authors assume that without such assessment it is impossible to define actual capitalization and cost of business and state economies for the society.

Bonnet F., Ehmke E., Hagemeyer K.

Social security in times of crisis

To counter the negative social consequences of the present crisis, States must take measures to provide income support and new employment opportunities to affected workers and their families. This article reviews crisis responses in a number of countries with respect to support from unemployment programmes, the branch of social security most directly affected by economic downturn. It also discusses the

trade offs that all social security schemes face during economic crises, when revenues from contributions or taxes earmarked to finance programmes fall and expenditures on benefits rise. In turn, concerns about pension policies receive special attention. The article concludes by discussing the initiative, launched by the United Nations, for a global "social protection floor": to extend, at the very least, basic social protection to the large majority of the world's population who are currently without and who remain vulnerable to all economic and social risks.

Burdyak A.

Measurement of mortgage lending development potential as combination of households' demands, capabilities and intentions

Official estimations of housing affordability are made on regional income statistics and do not take into account intentions of high income groups to buy houses. The author evaluates the demand as a composition of households needs for better housing, their intentions to make improvements and adequate household income to pay a loan. Analysis is made on the data of representative survey «Crisis and behavior of households». On the basis of main characteristics the author stratifies households, and on the expanded groups of indicators constructs the households' index of mortgage participation potential. The index approach can be applied on other fields of scientific research. Numerical estimations of the potential are attractive for banks and for the authorities to perform government programs.

Sinyavskaya O.

Book review: «Russian employee: education, occupation, qualification»

Gorina E.

**Human Development Index in Russia and other countries of the world.
Review of the UNDP report**

The article contains a brief review of Russia's ranks in Human Development Index (according to a new calculation methodology) in comparison with other countries. The author demonstrates a disbalance between different areas of human development in Russia and provides the assessment of inequity in the access to basic development opportunities.

Gorina E.

Round table «Public communications as a space for innovative urban development»

The report about the Round Table held within «The Third Saburov Readings» conference, which took place in February 2012 in Moscow.

Creation of the Megapolis Humanitarian Development Institute

Presentation of the Megapolis Humanitarian Development Institute established by the Moscow Government was held in March 2012 in Moscow City Hall.

Kopeykina V.

Fair Trade starts in Russia

International Fair Trade labeling system has been launched in Russia. It was announced at the Round Table (organized by Oxfam Russia and supported by Oriflame) held in February 2012 in Moscow.

SPERO
Социальная политика:
экспертиза, рекомендации, обзоры
№16

Журнал «SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ №ФС77-38002

Журнал выходит 2 раза в год
Все статьи рецензируются
Электронная версия журнала <http://spero.socpol.ru/current.shtml>

Ответственный редактор В. Б. Копейкина
Корректор А. В. Яковлева
Оригинал-макет и компьютерная верстка: Д. Н. Копейкин
Перевод: Е. Ю. Хрипун
Подписано в печать 29.06.2012
Формат 70×100¹/₁₆
Гарнитура NewtonС. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16. Тираж 900 экз.

Адрес редакции журнала: 125009 Москва,
Глинищевский пер., д. 3, подъезд 3
Тел.: +7 495 786-67-18, факс: +7 495 692-96-51
e-mail: spero@socpol.ru

Журнал распространяется бесплатно.
Для получения очередного номера обращайтесь по:
Тел: +7 495 786-67-18, факс: +7 495 692-96-51
e-mail: v.kopeykina@socpol.ru

Изготовитель – ООО «Бонитет»
424007, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола,
ул. Машиностроителей, д. 117